

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»**

На правах рукописи

АБДУЛЛАЕВ Роял Фаталиевич

**ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СРЕДСТВ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ПАБЛИКОВ)**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук, доцент
Т.М. Шкапенко

Калининград

2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	15
§ 1. Категория модальности как объект научного интереса.....	15
1.1. Основные концепции категории модальности в лингвистике	15
1.2. Модальность с точки зрения функционального подхода	19
1.2.1. Вопрос о разграничении объективной и субъективной модальности	21
1.2.2. Категория оценочности в ее отношении к модальности	23
1.2.3. Аксиологическая модальность и средства ее экспликации.....	29
1.2.4. Метакоммуникативная модальность и средства ее экспликации ...	32
§ 2. Гендерные исследования в языкознании	35
2.1. Объем понятия «гендер»	35
2.2. Основные направления изучения гендера в зарубежной лингвистике	42
2.2.1. Исследование фактов языкового андроцентризма в зарубежной лингвистике	42
2.2.2. Исследование гендерных особенностей речевого поведения в зарубежной лингвистике	45
2.3. Основные направления изучения гендера в российской лингвистике	52
2.3.1. Лингвокультурологическое и когнитивное направление гендерных исследований	52
2.3.2. Коммуникативно-дискурсивное направление гендерных исследований	57
§ 3. Основы социолингвистических исследований	62
3.1. Методики социолингвистического анализа	62
3.2. Пабрики как материал социолингвистических исследований	70
Выводы	74
ГЛАВА II. ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭКСПЛИКАТОРОВ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАБЛИКОВ	78
§ 1. Гендерные особенности репрезентации субъективной модальности (на материале пабрика МДК)	78

1.1. Общая характеристика паблика МДК.....	78
1.2. Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности (на материале паблика МДК).....	80
1.3. Гендерные особенности репрезентации метакоммуникативной модальности (на материале паблика МДК).....	101
§ 2. Гендерные особенности репрезентации субъективной модальности (на материале паблика НТВ «Место встречи»)	108
2.1. Общая характеристика паблика НТВ «Место встречи»	108
2.2. Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности (на материале паблика НТВ).....	109
2.3. Гендерные особенности репрезентации метакоммуникативной модальности (на материале паблика НТВ).....	122
§ 3. Гендерные особенности репрезентации субъективной модальности (на материале паблика ВПШ).....	132
3.1. Общая характеристика паблика ВПШ	132
3.2. Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности (на материале паблика ВПШ)	135
3.3. Гендерные особенности репрезентации метакоммуникативной модальности (на материале паблика ВПШ)	153
Выводы	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
БИБЛИОГРАФИЯ.....	176
1. Теоретическая литература.....	176
2. Словари и энциклопедические издания	201
3. Источники	205
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	206

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена изучению гендерной специфики экспликации средств субъективной модальности в речевом поведении российских интернет-пользователей, участников социальных сетей. Объединение в рамках одного диссертационного исследования двух столь емких областей лингвистического знания, как модальность и гендер, обусловлено пониманием того, что именно в их симбиозе осуществляется диалог базовых ценностно-смысловых установок. Как указывает А. Г. Баранов, «гносеологической и психологической опорой модальностей текста выступают ценностные параметры отражения действительности субъектами текстовой деятельности и их эмоциональные переживания как установки описать мир, изменить мир и дать ему оценку. Данные отношения ставят в центр всех модальностей субъекта в его ценностном универсуме» [Баранов 1993: 182].

С начала 90-х годов, когда изменение общественно-экономического уклада российского общества привело к радикальной смене идеологических основ его существования, основным ориентиром в построении обновленной системы ценностей явилась западная, в первую очередь, американская модель. Присущие ей образцы мировидения и мироустройства транслировались в пространство российского социума, определяя в том числе основные направления исследовательской мысли в социогуманитарных науках. Одним из новых, модных направлений междисциплинарных исследований с начала 90-х годов XX столетия явилось в России изучение гендера, понимание которого как результата социализации и ритуализации биологического пола экспортировалось в российские социолингвистические исследования в качестве новой эпистемы [Кирилина 2010].

Социально-философской основой развития гендерной лингвистики в США и Западной Европе явились идеи феминизма, обозначившие в качестве основного направления анализа выявление фактов гендерных асимметрий в языковой системе, интерпретируемых чаще всего в терминах

дискриминационных стереотипов, языкового андроцентризма или сексизма [Лакофф 1975; Спендер 1980; Смит 1985, Батлер 1990; Таннен 1991; Коутс 1993; Фишман 1997; Батлер 1999 Камерон 2007; Холмс 2008 и др.]. Идеологически ангажированные попытки устранения женско-мужского диспаритета в европейских языках привели к искусственному внедрению новых лексико-грамматических форм, призванных, по мнению их авторов, нивелировать гендерное неравенство и приучить носителей языка к коррелирующим с языковыми инновациями формами поведения [Гриценко 2022].

Вторичность гендерных исследований в России обусловила их значительное типологическое сходство с зарубежными трудами. В период становления гендерной лингвистики в 90-е гг. большое значение имели работы общетеоретического плана, знакомящие российское академическое сообщество с понятием «гендер» и основными векторами его изучения. К ним относятся фундаментальные статьи А.В. Кириллиной «Развитие гендерных исследований в лингвистике» [Кирилина 1998] и Е.И. Горошко «Гендерная проблематика в языкознании» [Горошко 2001]. Инновационная тематика нашла свое выражение в значительном количестве работ, в том числе диссертационных исследований, посвященных различным аспектам изучения гендера в языке и коммуникации [Васильева 2006; Лалетина 2007; Мелихова 2008; Белая 2009; Волошина 2010; Стрекалова 2011; Черных 2012; Каркищенко 2013; Скулкин 2014; Захарова 2015; Пронякина, 2016; Серова, 2017; Шаньшань, 2018; Гулик 2019; Четверикова, 2020; Козлова 2021, Батарон 2021; Мудрая 2021; Илмаз-Леденева 2022; Шушанян 2022; Зубенко 2023 и др.].

Выход гендерной проблематики за пределы собственно научных изысканий, включение гендера в глобалистский мейнстрим как одной из ведущих неолиберальных идеологем, получили известность в российском общественно-публицистическом нарративе. Неслучайно российские ученые отмечают определенные «модификации гендерных канонов и представлений русскоговорящих о роли мужчин и женщин в межличностных, семейных и социальных отношениях» [Каллистратидис, Ильясова 2022: 434].

Эти модификации, однако, имеют ярко выраженный национально специфичный характер, который проявляется в «возрастающей общественной рефлексии в отношении гендерных границ и норм сексуальной жизни, явном противостоянии патриархатных и эгалитарных идеологий, нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности и фемининности» [Здравомыслова, Тёмкина, 2018: 51].

Усиливающееся критическое отношение к вопросам гендера как внутри этносоциума в целом, так и внутри академического российского сообщества, обуславливается осознанием происходящих на западе процессов деонтологизации пола, «глобалистского признания человека изменчивым, «множественным», выходящим за пределы дихотомии пола (мужское / женское), <...> внедрения «обязательной» характеристики сексуальности индивида, в том числе дискурсивного включения детства в поле сексуальности; <...> ярко выраженной и усиливающейся политизации гендерной проблематики» [Кирилина 2021: 112-113]. Сексуальные практики, которые ранее считались патологией и девиацией, декриминализируются и легитимизируются, получают статус поощряемой нормы и включаются в общественный дискурс как составляющая социально поощряемого разнообразия (diversity) [Там же]. Более того, декриминализованные нормы агрессивным образом навязываются другим странам, а их соблюдение или, по крайней мере, толерантное отношение к представителям разнообразных сексуальных меньшинств, становится своего рода обязательным пропуском в круг «цивилизованных» стран.

Экспансия ценностей гендерного неолиберализма все более обостряет в российском сообществе дискуссию о так называемой «новой этике» и необходимости сохранения традиционных устоев и уклада жизни. В этой ситуации выявление ценностных ориентаций и установок общества на основе изучения языковых фактов приобретает не только теоретическую, но и аксиологическую и мировоззренческую значимость. Как справедливо указывала О.Г. Трапицына, важность решения лингвоаксиологических задач возрастает в настоящий период «в связи с глобализацией, стремлением к унификации всего и

вся, бездумным увлечением американской массовой культурой и радикальным изменением общественного сознания и поведения» [Трапицына 2010: 4].

В контексте вышесказанного изучение особенностей экспликации модальных значений в их антропоцентрической, гендерной специфике имеет особую **актуальность**, поскольку позволяет не только обнаружить степень зависимости средств выражения модальности от гендерной принадлежности носителей современного русского языка, но и обеспечивает условия для определения их аксиологического отношения к противоречивым, все более обостряющимся проблемам экспансии неолиберальных ценностей.

Примечательно, что, выделяя различные гендерно маркированные языковые или речевые характеристики, ученые практически полностью исключают из области исследовательского интереса характер связи таких системно значимых категорий, как гендер и модальность. В то же время не возникает сомнений, что в прочно утвердившейся в современном языкознании антропоцентрической парадигме, в центре которой «помещается человек как творец языковой и речевой деятельности» [Маслова 2008: 8], именно модальность представляет собой «наиболее адекватное воплощение в материи языка его антропоцентричности» [Романова 2003: 24].

Специальные исследования, посвященные изучению модальности в гендерном аспекте, в отечественном и зарубежном языкознании на сегодняшний день практически отсутствуют, что свидетельствует о принципиальной новизне диссертационной работы. В имеющихся единичных работах рассматриваются лишь отдельные фрагменты взаимоотношения модальности и гендера [Lakoff 1975; Conklin 1974; Holmes 1986, 1990; Coates 1987; Roth 2014; Reuyan 2020; Мерзлякова 2018; Кубасов 2016; Васильева 2015]. Кроме того, чаще всего соответствующий аспект речевой коммуникации анализируется в рамках оценочно-эмотивных значений на материале английского языка [Токарева 2005; Донченко 2009; Ванько 2011; Викторова 2011; Васильева 2015; Четверикова 2018; Шаньшань 2018; Мерзлякова 2018; Навалихина 2022].

Объектом анализа в данной работе явились речевые высказывания коммуникантов женского и мужского пола в популярных российских пабликах, посвященных обсуждению актуальных общественных проблем, **предмет** анализа – гендерные особенности средств экспликации категории субъективной (аксиологической и метакоммуникативной) модальности, характерные для женского и мужского сетевого сообщества.

Всего в объект диссертационного исследования вошло 791 речевых актов (с общим количеством 11 408 словоупотреблений, с учетом как знаменательных, так и служебных слов), из них – 407 реплики (6994 словоупотреблений) принадлежат женщинам, 398 (4914 словоупотреблений) – мужчинам. **Материалом** для исследования послужили паблики социальной сети «ВКонтакте»: «МДК», «НТВ «Место встречи» и «ВПШ». Выбор конкретных дискуссий в данных сетевых сообществах был предопределен их направленностью на обсуждение аксиологически значимых, гендерно маркированных проблем, которыми явились: десакрализованный формат церемонии открытия Олимпийских игр (паблик МДК), роль женщины в современном обществе и ее способность занимать руководящие государственные посты (паблик НТВ «Место встречи») и идеология «чайлдфри» (паблик ВПШ).

Наше обращение к интернет-пабликам обусловлено тем, что социальная (возрастная и гендерная) параметризация объективируется в социальных сетях в актах регистрации участников, а также находит свое выражение в родовой маркированности никнеймов и речевого поведения в целом. В связи с этим интернет-пространство способно предоставить достоверные данные в области устойчивых паттернов речевого поведения мужчин и женщин, размещающих в паблике различные комментарии и вступающих в интеракцию друг с другом. Анонимность общения и его равностатусность создает условия для ничем не стесненной, спонтанной устной-письменной речи, контролируемой только принципами, предлагаемыми модераторами.

Для нашего исследования особое значение имеет то, что «коммуникативное пространство форумов и сообществ с возможностью комментирования

в социальных медиа становится площадкой обсуждения проблем в отношениях между полами, а характерная для Рунета легкость перехода от бытового дискурса к бытийному способствует обобщению частного опыта, выявлению тенденций и закономерностей, при этом конкретные текстовые манифестации наивной гендерологии характеризуются яркой эмоциональной тональностью и очевидной конфликтогенностью» [Каллистратидис, Ильясова 2022: 434]. Как особый онтологический феномен характеризует интернет Т.Б. Радбиль, поскольку само компьютерно-опосредованное пространство «меняет интенциональную сферу людей и совокупность их жизненных установок, властно вторгается в систему ценностей и моделей поведения, трансформирует исходные принципы межличностных взаимоотношений и набор основных потребностей человека» [Радбиль 2021: 12].

Цель настоящего диссертационного исследования — выявить гендерные особенности реализации субъективной (аксиологической и метакоммуникативной) модальности на материале речевых высказываний участников коммуникативного пространства популярных российских пабликов.

Рабочая **гипотеза** исследования заключалась в том, что именно в выражении собственного мнения наиболее ощутимым образом проявляют себя особенности гендерно-маркированного выбора средств субъективной (аксиологической и метакоммуникативной) модальности. Их обнаружение на основе сетевых комментариев в российских пабликах, тематически связанных с социально значимыми проблемами гендерных отношений, способно не только выявить дифференциацию средств экспликации модально-оценочных значений, но и установить аксиологические параметры отношения мужчин и женщин к обсуждаемым проблемам.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих **задач**:

– установить объем понятия субъективной модальности на основе анализа и синтеза основных положений в различных научных школах российской лингвистики;

– обосновать необходимость выделения в рамках субъективной модальности ее разновидностей: аксиологической и метакоммуникативной модальности и описать объем данных понятий;

– систематизировать средства экспликации субъективной (аксиологической и метакоммуникативной) модальности на основе анализа теоретической литературы;

– охарактеризовать основные направления изучения гендера в работах зарубежных и отечественных лингвистов;

– изложить основные принципы социолингвистических исследований и обосновать выбор конкретной методики анализа для целей данной работы;

– собрать репрезентативный речевой материал, отражающий гендерно маркированные фрагменты, репрезентирующие разницу в экспликации субъективной (аксиологической и метакоммуникативной) модальности;

– выявить особенности функционирования средств экспликации субъективной модальности в зависимости от гендерной принадлежности субъекта высказывания;

– осуществить лингвостатистический анализ собранных данных, установить частотность употребления соответствующих модальных экспликаторов в речи мужчин и женщин;

– определить общую аксиологическую составляющую в высказываниях мужчин и женщин о проблемах гендерной идентичности и взаимоотношениях полов в современной цивилизации.

Цель и задачи диссертационной работы определили комплексную **методику** анализа, включающую в себя: метод сплошной выборки, позволивший отобрать гендерно релевантные фрагменты реализации субъективной модальности в пространстве публичных; метод функционально-семантического и дискурсивно-прагматического анализа, словарно-дефиниционный и лингвокультурологический метод, а также метод социолингвистической параметризации гендерных данных и их количественного подсчета.

Теоретической базой исследования послужили труды в области модальности, гендерной лингвистики и социолингвистических исследований. С точки зрения методологии гендерного анализа в работе в качестве основного принято положение отечественных исследователей-гендерологов (А. В. Кирилина, С. А. Коновалова, В. А. Ефремов), выделяющих двухъярусную модель репрезентации человека в языке: метагендерный (общечеловеческий) и гендерный (маскулинный и феминный) уровни. В процессе реализации данного положения использовались данные и выводы, полученные также в работах других зарубежных и российских лингвистов [Halliday 1970; Trudgill 1975; Lakoff 1975; Tannen 2006; Coates 2004, 2015; Cameron 2010, 2023; Labov 1998; Talbot 1998, 2010; Baxter 2014, 2022; Holmes 2003, 2006; Eckert 2003, 2018; Китайгородская, Розанова, Земская 1993; Воронина 1997; Кирилина 1999, 2000, 2005, 2022; Халеева 1999; Городникова 2020, 2023; Ермакович 2014, 2015; Серова 2006а, 2006б; Гриценко 2003, 2005, 2023; Горошко 2008, 2009 и др.]

В рамках анализа категории модальности ведущими положениями явились идеи, представленные в рамках функционально-семантической парадигмы [Виноградов 1975; Золотова 1962, 1973; Бондарко 1971, 1976; Ваулина 1988, 2004, 2013, 2018; 2021; Зеленщиков 1997; Павловская 2001; Романова 2008; Костюченко 2020 др.], а также в различных концепциях категории оценочности [Маркелова 1995, 1996, Уварова 2008, Ваулина 2009 и др.].

В процессе выбора методики социолингвистического исследования ведущими явились положения об основных формах его проведения в работах зарубежных и российских ученых [Labov 1972; Fishman 1971; Coates 1993; Trudgill 2000; Сепир 1993; Мечковская 2000; Максимова 2014].

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые осуществлен комплексный функционально-семантический и дискурсивно-прагматический анализ гендерной специфики средств экспликации субъективной модальности в речевом поведении мужчин и женщин. В изучении степени зависимости выбора модально-оценочных средств от гендерной

принадлежности говорящего впервые акцент ставится на аксиологическую и метакоммуникативную модальность, в рамках которых в наиболее отчетливой форме проявляют себя ценностные ориентиры личности.

В качестве материала анализа были впервые использованы популярные российские паблики, демонстрирующие спонтанную, неконтролируемую устно-письменную речь коммуникантов женского и мужского пола, обсуждающих актуальные социально-гендерные, аксиологические и мировоззренческие проблемы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что:

– в работе уточняется соотношение понятий модальности и оценочности и предлагается критерий их типологической (грамматической) дифференциации;

– обосновывается необходимость введения в активный терминологический оборот понятия аксиологической и метакоммуникативной модальности и определяется содержательный объем данных терминов;

– выявляется спектр средств экспликации субъективной (аксиологической и метакоммуникативной) модальности;

– определяются зоны гендерной маркированности средств экспликации аксиологической и метакоммуникативной модальности.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности использования ее основных положений, материалов и выводов в лекционных вузовских курсах по гендерной и коммуникативной лингвистике, функциональной грамматике русского языка и лингвоаксиологии.

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты исследования докладывались на ежегодных научных семинарах аспирантов БФУ им. И. Канта (2013–2023), на международных научных конференциях: «VIII Скандинавская конференция «Язык и гендер» (Швеция, Стокгольм 2013); «Актуальные проблемы философии языка и литературы» (Калининград, 2013); «Филологические науки в России и за рубежом» (Санкт-

Петербург, 2015); «Модальные аспекты речевой коммуникации» (Калининград, 2015); «VII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире (Калининград, 2018)»; «Гендер: язык, культура, коммуникация» (Москва, 2019); «Модальность. Коммуникация. Текст» (Калининград, 2020); «IV международная научная конференция «НОМО LOQUENS: язык — коммуникация — культура» (Калининград, 2024), а также отражены в 16 публикациях, 10 из которых изданы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, в том числе 1 статья – в издании, индексируемом в Международной базе Scopus.

Данная работа продолжает традицию исследований языковой категории модальности, выполненных в Балтийском федеральном университете им. И. Канта под руководством проф. С.С. Ваулиной.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Аксиологическая модальность представляет собой разновидность субъективной модальности, выражающей отношение говорящего к сообщаемому в рамках оппозиции «хорошо/плохо». Типологическим критерием разграничения категории оценочности и аксиологической модальности является предикативный уровень ее реализации. Если оценка может быть закодирована на уровне лексических единиц, то аксиологическая модальность реализуется только на уровне синтаксического высказывания.
2. Метакоммуникативная модальность отражает отношение говорящего к языку, манере, стилю или грамотности речи, присущим собственному или чужому высказыванию. В условиях речевого взаимодействия данная группа модальных значений выполняет оценочно-регулятивные функции.
3. Аксиологическая и метаязыковая модальность составляют основную часть высказываний в рамках коммуникации участников интернет-

публиков, что обусловлено социально и ценностно значимым характером обсуждаемых проблем. Гендерные различия в использовании средств экспликации данных видов модальности проявляются на всех языковых уровнях: синтаксическом, лексическом, лингвокультурологическом и графическом.

4. Для мужских высказываний характерно преобладание побудительной модальности, выражаемой с помощью инфинитивных предложений-призывов или конструкций с императивом второго лица единственного и множественного числа. Для женского речевого поведения характерно преобладание модальности желательности, выражаемой с помощью форм сослагательного наклонения, различных средств митигации (смягчения), а также речевых актов с иронической модальностью.
5. Лексический уровень репрезентации аксиологической модальности характеризуется значительными асимметриями в более частотном использовании мужчинами обценизмов, этнофолизмов, инвектив и стилистически сниженной лексики. На лингвокультурологическом уровне выявляются особенности использования прецедентных текстов: мужчины чаще апеллируют к историческому и геополитическому контексту, женщины к кинодискурсу.
6. На графическом уровне, выполняющем в интернет-коммуникации функцию замены прагматических средств, наблюдаются значительные количественные и качественные различия в использовании эмотиконов, пиктограмм, астерисков и приемов мультипликации гласных. Особенности их употребления свидетельствуют о различиях в степени категоричности и эмоциональности модальных значений, выражаемых женщинами и мужчинами.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Категория модальности как объект научного интереса

1.1. Основные концепции категории модальности в лингвистике

Согласно «Русской грамматике», модальностью называют «разные явления, объединенные тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [РГ- 80: 214]. Таким образом, языковая модальность выступает как понятийная категория, охватывающая все уровни языковой системы и внеязыковой действительности.

В отечественном языкознании базовое определение модальности было сформулировано В.В. Виноградовым, который впервые предложил грамматическую концепцию модальности, суммарно описав ее как семантико-синтаксическую категорию, включающую в себя совокупность значений, указывающих на субъективное отношение к действительности [Виноградов 1975: 53-88]. Отмечая особую роль категории модальности в функционировании языка, ученый указывал, что «каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов 1975: 55].

Подобное понимание во многом пересекается с принципами описания модальности на основе выделения в смысловой структуре предложения диктума (объективной семантической константы) и модуса (субъективной переменной константы), использованными швейцарским лингвистом Шарлем Балли¹. Данная концепция, изложенная в его в монографическом исследовании «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (изданном в 1932 г. на французском языке и в переводе на русский язык в 1955 г.) стала в дальнейшем наиболее популярной в зарубежном языкознании, а также послужила

---

¹ Необходимо указать, что термины «диктум» и «модус» были заимствованы Ш. Балли у модистов (XIII – XIV вв.), выделившими два содержательных плана высказывания – «сказанное» (лат. *dictum*), т. е. объективное содержание, которое относится к реальности непосредственно, и «отношение говорящего к сказанному» (лат. *modus* – ‘способ (отношения)’), т. е. субъективно-оценочный компонент содержания» [Мечковская 2017 :137].

основой для принятого большинством специалистов различения двух типов модальности – объективной и субъективной [Балли 1955: 44].

Языковая модальность, являясь одной из универсальных функционально-семантических категорий, участвующих в формировании высказывания, вызывает неизменный интерес со стороны исследователей, что нашло отражение в многочисленных монографических работах, диссертациях и статьях отечественных и зарубежных ученых (работы В.В. Виноградова, Ш. Балли, Л. Дюровича, Г.А. Золотовой, П.А. Леканта, М.В. Ляпон, А.В. Бондарко, С.С. Ваулиной, Н.Е. Петрова, И.П. Распопова, Н.Ю. Шведовой, Г.В. Колшанского, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Шмелевой, А.В. Зеленщикова, Л.Г. Бабенко, З.Л. Новоженовой, Н.Ю. Павловской и др.). При этом с развитием антропоцентрической парадигмы в науке, затронувшей многие области человеческого знания, в том числе и лингвистику, а также с появлением новых направлений в науке, носящих междисциплинарный характер (психолингвистика, социолингвистика, гендерная лингвистика и др.), рассмотрение проблемы модальности приобрело более широкие масштабы. Вполне закономерным в этой связи представляется утверждение В.Н. Ярцевой, относящей модальность к одним из самых сложных категорий языка, которые «можно назвать «многомерными», что выражается как в семантической вариативности, так и в системе средств выражения» [Ярцева 1981: 59]. В то же время, как справедливо отмечает В. П. Попова, «видимо, нет другой категории о природе и составе частных значений, которой высказывалось бы столько противоречивых мнений, как о категории модальности» [Попова 2000: 10].

Подробный обзор имеющихся подходов к пониманию сущности модальности и принципов ее квалификации содержится в ряде диссертаций [Пробст 2014, Магдалинская 2015 и др.], выделяющих два основных подхода, различающихся по степени широты трактовки категории модальности. Согласно первому, так называемому узкому подходу, языковая модальность сводится к логической модальности суждения и ограничивается «в соответствии с правилами логической операции деления понятий» [Рыболовлев 1989: 7],

выделяемыми в формальной логике значениями возможности, необходимости и действительности [Колшанский 1961; Панфилов 1971; Leech: 1971; Бондаренко 1979; Сабанеева 1982; Гребенкина 1995; Leech: 1971; Sommerfeld 1988 и др.].

Данная точка зрения, ограничивающая круг значений, относящихся к модальности, не получила активной поддержки у российских лингвистов. Ориентированность на логические принципы, как полагает М.В. Ляпон, является ошибочной, так как «они не только не исчерпывают семантического диапазона реализуемых в естественном языке средств объективизации изложения, но даже не воспроизводят той гаммы смысловых оттенков, которая связана только с уточнением степени достоверности утверждения» [Ляпон 1971: 231]. В то же время существуют работы, которые убедительным образом демонстрируют конвергентность, или, во всяком случае, сопоставимость взглядов на модальность в логике и в языкознании. Так, представитель белорусской школы модальности, В. Ю Костюченко, на основе всестороннего, междисциплинарного анализа различных подходов к изучению модальности в логике и лингвистике, приходит к выводу, что «модальные категории в языкознании сопоставимы с категориями, выработанными в логике» [Костюченко 2018: 71].

В работах белорусского исследователя обосновывается, что значениям логической модальности соответствует определенный состав языковых, грамматических и лексических средств. Данный вывод следует из анализа автором корреляций между пятью основными категориями модальной логики (познавательная (эпистемическая и алетическая), деонтическая (долженствование), аксиологическая, телеологическая (модальность цели) и метаязыковая (отношение к собственному высказыванию)). Эпистемическая модальность выражается предикатами со значением мышления, знания и предположения, алетическая – вводными словами со значением уверенности, предположения, допущения, сомнения. Телеологическая модальность представлена в виде модально маркированных речевых актов и иллокутивных глаголов, называющих речевые акты. Деонтическая модальность реализуется посредством лексических

единиц с семантикой ‘можно’, ‘нельзя’, ‘надо’, ‘обязан’, ‘разрешено’, ‘запрещено’. Аксиологическая модальность выражается оценочными прилагательными и наречиями, вводными словами и оборотами, глаголами и предикатами, основанными на положительной или отрицательной оценке объекта. Наконец, метаязыковая модальность выражается особым классом вводных слов и оборотов (дискурсивных маркеров), а также глаголами комментирования [Костюченко 2018: 71].

В лингвистических исследованиях в содержательный объем модальности включается широкий спектр модальных значений: реальности / нереальности, достоверности, вероятности, необходимости, возможности, желательности [Виноградов 1975; Золотова 1973; Русская грамматика 1979; Русская грамматика 1980; Ваулина 1988; Пляскина 2001; Гоголина 2002; Яковлев 2002]; эмоциональность [Шведова 1960; Мразек 1973; Вольф 1985; Пиотровская 1994; Трофимова 2004], утверждение / отрицание [Адмони 1956; Савельева, Черепанова 1989], волеизъявление [Попова 2000; Демидова 2005], вопрос / ответ [Фридман 1960; Бенвенист 1974; Шатуновский 2001; Мелиг 2008; Рагозина 2008], оценка [Клобуков 1984; Вольф 1985; Краснова 2002].

Все более возрастающее с годами многообразие понимания структурно-содержательного объема модальности приводит к стремлению структурировать систему значений, входящих в состав данной категории, а также установить иерархию модальных значений по структурно-функциональному принципу. Наиболее популярной среди существующих классификаций модальности является классификация Г.А. Золотовой, которая исходя из концепции модальности, разработанной академиком В.В. Виноградовым, выделила в ее рамках три аспекта модальных отношений: 1) отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности/ирреальности – объективная модальность, реализуемая с помощью форм наклонений глагола; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания в плане его достоверности/недостоверности – субъективная модальность, реализуемая посредством вводных слов (*конечно, вероятно* и т.п.) и модальных частиц (*едва ли, небось*, и т.п.); 3)

отношение между субъектом действия и действием – внутрисинтаксическая модальность, выражаемая с помощью специализированных лексико-грамматических сочетаний, включающих модальные глаголы и предикативы (*мочь, хотеть, желать, возможно, должен* и др.) [Золотова 1973: 142 – 152]. Данная классификация получила дальнейшее развитие в работах ученых, ставшее особенно продуктивным на основе функционального подхода к изучению языковых фактов, утвердившегося в языкознании в 80-ые годы прошлого столетия.

1.2. Модальность с точки зрения функционального подхода

Основные принципы функционального подхода были изложены учеными Санкт-Петербургской лингвистической школы под руководством А.В. Бондарко в рамках разработки функциональной грамматики [Бондарко 1971, 1987, 1990, 1996, 2005]. Методологическими преимуществами функционального подхода являются: 1) установка на изучение диалектического взаимодействия как единиц одной подсистемы, так и самих подсистем, с учетом возможности их пересечения; 2) соответствие модели естественного речепроизводства, отправной точкой которого является смысл, а конечной – форма; 3) определение реальной картины функционирования языковых средств, представляющей интеграцию в единой системе разнородных языковых средств и выявляющей их семантический потенциал (см., например: [Бондарко 1987: 6; Беляева 1988 : 54 – 60]).

По мнению последователей функционального подхода, модальность, являющаяся одним из важнейших средств установления взаимодействия человека с окружающим миром, органично вписывается в антропоцентрическую направленность функционального подхода, основанного на принципе анализа «от семантики к ее формальному выражению» [Бондарко 1987: 6], что позволяет рассматривать разноуровневые языковые средства в рамках функционально-семантического поля.

Принцип функционально-семантического описания категории модальности нашел широкое отражение в трудах многих отечественных и

зарубежных ученых [Ломов 1977; Беляева 1988; Шмелева 1984, 2008; Гехтляр 1996; Ваулина 1988, 1991; 2004; Макарова 1989; Ляпон 1990; Зеленщиков 1997; Павловская 2001; Новоженова 2008; Парамонов 2010 и др.].

Заметный вклад в разработку синхронных и диахронических аспектов модальности на основе функционального подхода вносят труды исследователей Калининградской школы модальности под руководством профессора С.С. Ваулиной [Кукса 2008, 2009; Федорова 1997, 2000; Островерхая 2004; Старовойтова 2006; Лопатюк 2009; Ткаченко 2011; Толстая 2013; Пробст 2014; Магдалинская 2015 и др.), в которых, вслед за С.С. Ваулиной, модальность квалифицируется как широкая семантическая категория, состоящая из двух разнородных семантических пластов – пропозициональной модальности, непосредственно связанной с актуализацией обозначаемого события с точки зрения его реальности /ирреальности и способов его представленности (возможности, необходимости, желательности), и модальности прагматической (коммуникативной), содержащей субъективную оценку обозначаемого события и его целевую установку [Ваулина 1988: 16; Ваулина, Кукса 2009: 515]. Таким образом, используя функционально-семантический критерий, С.С. Ваулина объединила подвид модальности, выделенный Г.А. Золотовой в качестве самостоятельного, третьего типа, с традиционно указываемым во всех определениях первым типом модальности, характеризующим отношение высказывания к действительности. Предложенный термин «пропозициональная модальность» обусловлен тем, что оба типа модальности находят свое эксплицитное выражение в самой пропозиции. В то же время термин «прагматическая, или коммуникативная» модальность, в наиболее общем виде отражает все типы субъективной оценки обозначаемого события, в том числе и целевой установки автора высказывания.

Согласно концепции С.С. Ваулиной, пропозициональная модальность имеет полевою структуру, ядро которой составляет объективная модальность, выражающая значение реальности /ирреальности посредством глагольных наклонений, а периферию образует модальность ситуативная (предикативная),

реализующая значения возможности, необходимости, желательности посредством модальных глаголов и предикативов в сочетании с субъектным инфинитивом, а также других разноуровневых языковых средств [см. подробнее: Ваулина 1993: 17].

Принимая за методологическую основу вышеуказанную квалификацию языковой категории модальности, позволяющую охватить весь многообразный состав модальных значений и выстроить их функциональную иерархию, мы считаем целесообразным оговорить ее отдельные дискуссионные моменты, к числу которых относится, в первую очередь, вопрос о разграничении объективной и субъективной модальности и проблема соотношения категории модальности и категории оценочности.

1.2.1. Вопрос о разграничении объективной и субъективной модальности

В русской грамматической традиции принято выделять объективную и субъективную модальности. Объективная модальность выражает, в каком отношении находится высказывание к внеязыковой действительности (реальность/ирреальность) и оформляется грамматическими средствами, субъективная отражает отношение говорящего или пишущего к собственному высказыванию. Объективная модальность является обязательной для каждого предложения, в то время как субъективная модальность факультативна и образует дополнительный модальный план.

Несмотря на достаточно четкое разграничение между данными двумя типами модальности, вопрос об их функциональном статусе остается дискуссионным. При этом суть проблемы состоит, прежде всего, в расхождении позиций исследователей относительно правомерности разграничения объективной и субъективной модальности.

Так, в соответствии с концепцией модальности, представленной В.В. Виноградовым [Виноградов 1975: 53–87], многими учеными достаточно последовательно проводится выделение и разграничение данных модальных пластов, что, в частности, находит отражение в академических грамматиках

русского языка [Золотова 1973: 141–148; РГ- 1980: 214–217; ЛЭС 1990: 303 – 304]. Вместе с тем целый ряд исследователей отмечают определенную искусственность такого разделения, приводя различные аргументы. Например, одни ученые считают выделение указанных типов модальности условным на том основании, что «элемент субъективности наличествует во всех компонентах семантики модальности» [Дешериева 1987: 41; Краснова 2002: 8]. Другие, напротив, выступают против разделения языковой модальности на объективную и субъективную, полагая, что «все отношения, выражаемые категорией модальности, являются объективными, ибо они, как и иные отношения действительности, познанные человеком, обобщены в процессе речевой практики, объективированы в языке» [Васильев 1973: 55; Панфилов 1977: 39; Немец 1991: 13].

В основе подобных разногласий относительно функционального статуса объективной и субъективной модальности лежит различный подход к пониманию философских категорий объективности и субъективности [Кант 1966; Гегель 1974]. Мы не ставим перед собой задачу их анализа, поскольку он содержится в ряде диссертационных работ, посвященных изучению модальности [Трофимова 2006; Лопатюк 2009; Ткаченко 2011 и др.]. Многие исследователи разделяют мнение о том, что «сферы субъективного и объективного в языке, как и в действительности, всегда взаимосвязаны; категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного» [Валгина 2003: 96–104; Бабенко 2009: 133–134; Ваулина, Кукса 2012: 98]. Другими словами, объективная модальность способна содержать субъективный компонент, который имеет различную степень выраженности. Особенно отчетливо взаимодействие объективной и субъективной модальности проявляется на уровне текста, в котором «...стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [Бабенко 2009: 134].

Признавая обоснованность утверждений об обязательной взаимосвязи объективного и субъективного, оговорим, однако, что достаточно четкое

разделение модальности на два типа способно предоставить вполне очевидные критерии как для дифференцированного понятийного подхода, так и для его использования с целью разграничения репертуара средств экспликации объективной и субъективной модальности. Если описание отношения к действительности в плане его реальности/ирреальности эксплицируется с помощью грамматических маркеров наклонения, то лексико-семантический объем субъективной модальности «охватывает всю гамму реально существующих в естественных языках разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого» [Ляпон 1990 : 303].

А.Г. Баранов, развивая идеи функционально-прагматического подхода к изучению модальности текста, описывает модальность как категорию коммуникации, обусловленную интенциями автора [Баранов 1993]. Исследователь предлагает разделять субъективную модальность на субъективно-личностную и субъективно-межличностную. Первый подвид описывается как «автор-текст», то есть характеризует автора текстовой деятельности, второй подвид описывает автора как реципиента и отражает его психологические установки. В соответствии с этим выделяются эпистемическая модальность, в рамках которой автор «описывает мир»; деонтическая модальность, направленная на внесение изменений в мир и модальность аксиологическая, в которой автор «оценивает мир» [Баранов 1993: 9]. Выделение в рамках субъективной модальности аксиологической составляющей становится все более востребованной среди исследователей и заставляет обратиться к проблеме соотношения категорий модальности и оценочности.

1.2.2. Категория оценочности в ее отношении к модальности

Категория оценочности, как и категория модальности, относится к универсальным понятийным категориям, участвующим в установлении взаимоотношений языка с внеязыковой действительностью. Согласно современным философским определениям, «оценка есть философская категория, обозначающая аксиологическое отношение человека ко всему нормативно

представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения» [СФС 1998: 631]. Оценка, как отмечает Г.В. Колшанский, сопровождает все процессы познания объективного мира, т. е. формируется не только «в эмоциональной сфере, но и в концептуальных структурах понятийного аппарата человека» [Колшанский 1975: 142]. «На основании принадлежности оценки к концептуальной сфере, – указывает С.С. Ваулина, – возникает взгляд на категорию оценочности как на объективную лингвистическую реальность» [Ваулина 2009: 3].

Оценка создается посредством субъективного познания объективной картины мира, которое, будучи процессом мыслительной деятельности человека, содержит в себе оценочные свойства [Колшанский 1975: 11]. При этом вполне обоснованным представляется мнение исследователей о том, что оценка, основываясь на многообразии субъективных суждений и объективируясь в ходе развития сознания, может носить как субъективный, так и объективный характер. «Важнейшей особенностью оценки, – указывает Е. М. Вольф, – является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, то есть то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть тот предмет или явление, к которому оценка относится» [Вольф 2002: 22].

Практически все исследователи модальности считают, что она тесно связана с оценкой [Арутюнова 1988; Бондарко 1996; Маркелова 1996; Краснова 2002; Ваулина 2004, 2009; Романова 2008], однако расходятся во мнении о характере их взаимоотношений. Анализируя существующие точки зрения, С.С. Ваулина выделяет два основных подхода к пониманию вопроса о функциональной иерархии категорий модальности и оценочности [Ваулина 2009: 3-10].

1. Оценка является составной частью модальности. Сторонники данного подхода рассматривают оценку как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф 2002: 11]. Как утверждает Е. А. Попова, природа языковой модальности сама по себе «оценочна и субъективна» и представляет собой оценочные отношения [Попова 1996: 40]. С данной характеристикой согласуется и мнение Т. И. Красновой, считающей, что «в основе модальности как отношения (и соответственно способа представления, обозначения, выражения) лежит оценка» [Краснова 2002: 120]. По мнению Т. В. Романовой, в пределы модальности <...> входит картина мира, т. е. система ценностей субъекта, основанная на системе ценностей общества, с которым взаимодействует субъект» [Романова 2008: 9].

2. Модальность имеет тесную связь с оценочностью, но в их взаимоотношениях имеются определенные противоречия и особенности. Так, например, Т.В. Маркелова считает, что «функционально-семантическая организация двух сопоставляемых категорий в виде функционально-семантических полей (описанного в классических традициях теории функциональной грамматики поля модальности и находящегося в стадии разработки поля оценки и оценочности) позволяет отметить, прежде всего, их разный характер – моноцентризм ФСП модальности и полицентризм ФСП оценки» [Маркелова 1996: 83]. При этом автор отмечает, что «парадигматика оценочных структур в ФСП оценки зависит от таких элементов многокомпонентной семантики оценочного высказывания, как объект и субъект оценки, которые отражены в денотативной ситуации высказывания – ментальном акте оценки...» [Маркелова 1996: 83].

Н. Д. Арутюнова в своей классификации типов и видов оценок особо выделяет в комплексе оценочных значений модальную оценку [Арутюнова 1988: 11]. Е. В. Милосердова полагает, что оценочность частично связана с семантикой модальности и ее «целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, представляющую один из элементов

окружения модальности» [Милосердова 1991: 5]. А. В. Бондарко, придерживаясь, в принципе, того же мнения, отмечает: «Налицо точка зрения говорящего, его отношение к высказыванию, но далеко не всегда достаточно ясно выражено отношение содержания высказывания к действительности. Скорее всего, оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» [Бондарко 1996: 40–41].

Анализируя вышеприведенные подходы относительно характера взаимоотношений категорий модальности и оценочности, С.С. Ваулина считает первый подход недостаточно убедительным, аргументируя свою позицию тем, что в данном случае речь, фактически, идет лишь о субъективной модальности, смысловую основу которой составляют различные субъективно-оценочные значения, в результате чего происходит «отождествление оценки и субъективной модальности, свидетельством чему могут служить, в частности, случаи неупорядоченности в терминологическом обозначении данных категорий» [Ваулина 2009: 5]. Более обоснованным и перспективным, по мнению С.С. Ваулиной, является второй подход, «основанный на стремлении ученых дифференцировать конкретные виды оценок в их отношении к категории модальности, что, в первую очередь, касается вопроса об эмоционально-экспрессивных оценках» [Там же: 6].

Действительно, данный вопрос решается учеными неоднозначно. Как известно, еще В.В. Виноградов, с одной стороны, указывая на необходимость проведения четкой грани «между разными эмоциональными формами выражения реакции на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности», с другой стороны, говорил о том, что «обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей, находятся в самом тесном взаимодействии» [Виноградов 1975: 62]. На целесообразность включения в категорию модальности «самых различных оттенков суждения, чувства или воли» указывал также Ш. Балли [Балли 1955: 54]. Такая позиция стала весьма

популярной как среди отечественных, так и зарубежных ученых, получив отражение в академических грамматиках русского языка и в энциклопедических изданиях [РГ 1979; РГ 1980; ЛЭС 1990].

Некоторые языковеды видят в оценке семантическую основу модальности, так как «соотнесение содержания с действительностью само по себе является оценкой этой действительности» [Костюченко 2018: 78]. Достаточно вспомнить определения А. В. Бондарко, разъясняющие смысл модальных значений посредством их соположения с понятием «оценки». По мнению ученого, в поле категории модальности входят: «1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/нереальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола; 2) оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности, выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами; 3) оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого <...> 6) эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения [Бондарко 1990: 67–68].

Следует обратить внимание на то, что, если многочисленные попытки дать определение модальности не обходятся без соотнесения этой категории с «оценкой» или «отношением», то в различных дефинициях «оценки» необходимость ее истолкования через понятие «модальность» практически отсутствует. Основным дискуссионным вопросом методологического свойства в данной области является дифференциация категории оценочности и категорий эмоциональности (экспрессивности).

Приведем ряд дефиниций самого понятия «оценка» в работах российских лингвистов. Согласно Н. Д. Арутюновой, оценка – «это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова 1988]. В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо под оценкой предлагается понимать «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.» [Марузо 2004].

Согласно А.Ф. Паниной, «оценка – это непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами его чувств действия, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [Панина 2002: 268]. Только в уже упоминаемой выше работе Е.М. Вольф оценка характеризуется как «один из видов модальностей» [Вольф 2002: 11], а также в работе А. Вежбицкой, согласно которой «высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную, т. е. модальную компоненту, причем первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» [Вежбицка 1999: 11]. Однако, судя по общему смыслу высказывания, под дескриптивной компонентой подразумевается не что иное как «диктум», под собственно модальной – модус высказывания. Заслуживает внимания также подход к характеристике уровней соотношения двух пересекающихся категорий А.Г. Баранова, указывающего, что в последнее время оценка рассматривается «как один из видов модальностей» [Баранов 1993: 111] по той причине, что содержание и объем последней не могут быть установлены в полной мере без учета ценностных параметров процесса отражения окружающей реальности [Там же: 100-101]. <...> Оценка, таким образом, является базисом конкретно-лингвистических механизмов субъективности языка – механизмов модализации [Там же: 101]

Признавая справедливость приведенных выше суждений лингвофилологического характера о сложных взаимоотношениях между категориями оценочности и модальности, заметим, однако, что для практики научных исследований более существенным представляется использование объективного грамматического критерия. Неоспоримым фактом является то, что модальность реализуется только на уровне предикативного высказывания, что, на наш взгляд, может быть взято за критериальную основу разграничения модальности и оценочности. Если оценка объекта внеязыковой действительности может быть закодирована на уровне отдельных слов, словосочетаний или

даже морфем, то модальность, в соответствии с ее базовыми определениями, реализуется только на уровне предикации, отличающем предложение от словосочетания. Как известно, именно предикативность «отличает предложение как коммуникативную единицу от номинативных единиц, – слов и словосочетаний, – которые не передают сообщений, а лишь называют предметы или ситуации» [БРЭ].

1.2.3. Аксиологическая модальность и средства ее экспликации

Термин «аксиологическая модальность» был введен в терминологический оборот сравнительно недавно [Баранов 1993, Кобызева 2011, Деминова 2012, Марьянич 2013, Костюченко 2018], а объем соответствующего ему понятия характеризуется как «модальность, в которой автор оценивает мир» [Баранов 1993: 9], или в более развернутом виде как «оценка содержания сообщения с точки зрения определенной системы ценностей» [Костюченко 2018: 78].

Будучи составной частью системы ценностей конкретного этносоциума, аксиологическая модальность находится в тесной связи с модальностью деонтической (модальностью долженствования). Н.Д. Арутюнова указывает, что «аксиологические понятия образуют ценностные, а деонтические – нормативные суждения, однако границы между ними не всегда бывают четкими» [Арутюнова 1999: 130]. Действительно, оценка «хорошо/плохо», часто закодированная в тех или иных языковых единицах языка, может представлять собой основу для возникновения деонтической модальности, основанной на дихотомии «должно/не должно», и, напротив, закодированная в различных нормативных суждениях конкретного этносоциума деонтическая модальность довлеет на систему ценностных установок, отраженных в разноуровневых языковых единицах.

Выделение многими современными исследователями аксиологической модальности как отдельной области реализации субъективной модальности представляется особенно актуальным в последнее время, когда происходит определенное противостояние традиционных и так называемых

неолиберальных ценностей. Именно в этой области особенно рельефно проявляют себя этнокультурные различия, когда один и тот же объект оценки зачастую получает диаметрально противоположные модально-оценочные характеристики. Их способы экспликации конституируются, в основном, за счет тех языковых средств, которые в РГ-80 были отнесены к группе «собственно оценочных значений», целиком лежащих в сфере субъективной модальности. К ним авторы РГ-80 причисляют «многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие или несогласие, принятие или непринятие (уверенное, категорическое или смягченное, ослабленное <...>); положительную или отрицательную оценку (удовлетворение, предпочтение, одобрение или неодобрение, порицание, осуждение); разные виды волеизъявления (решение, призыв, побуждение, предостережение, угроза); удивление, недоумение или непонимание; стремление уяснить или разъяснить что-л.; стремление выделить (акцентировать, подчеркнуть) что-л. в сообщении, усилить какую-то часть заключенной в нем информации, сосредоточить внимание на чем-л.; представление чего-л. как подлинного или неподлинного, соответствующего или несоответствующего действительности» [РГ-80: 216].

Группа собственно-оценочных модальных значений отделяется авторами РГ-80 от «оценочно-характеризующих», в которых субъективное отношение к сообщаемому соотносится с характеристиками, которые вытекают из свойств самого объекта, например, степени его интенсивности, регулярности, своевременности, целесообразности, сложности или простоте и т.п.. При этом подчеркивается, что «во всех подобных случаях обнаруживаются сложные объективно-субъективные значения», в рамках которых «характеристика сообщаемого по его собственным признакам оказывается неотделимой от субъективного к ним отношения» [РГ-80: 217]. «Тем самым противопоставление оценочно-характеризующих и собственно оценочных значений оказывается в значительной степени условным», вследствие чего средства экспликации

различных значений описываются в рамках единой «субъективной модальности» [Там же].

Среди немногочисленных работ, выявляющих средства экспликации аксиологической модальности, были предложены следующие их описания. Так, В.Ю. Костюченко в своем диссертационном исследовании отнесла к ним: «оценочные прилагательные и наречия, вводные слова и обороты, а также глаголы и предикаты, передающие эмоции и чувства, основанные на положительной или отрицательной оценке объекта» [Костюченко 2018:78]. Осознавая необходимость предикативного уровня реализации аксиологических модальностей, М.А. Деминова привносит в данный список понятия, свойственные прагмалингвистике, прежде всего, различные типы речевых актов; стилистической риторике, в первую очередь, риторические вопросы; лингвокультурологии, особенно фактам использования в модальности неодобрения прецедентных имен, например, *«нам нужны такие Гоголи, чтобы нас не трогали»* [Деминова 2012:113].

Лексико-семантический уровень описания средств экспликации аксиологической модальности предлагает в своей работе С.В. Кобызева, выделяющая в рамках рекламных слоганов лексические единицы с явной или скрытой оценочной семантикой. Под прямыми (эксплицитными) средствами автор предлагает понимать языковые единицы, оценочная сема которых находится в денотативно-сигнификативном (ядерном) компоненте значения слова, то есть прилагательные и наречия собственно оценочной семантики. К косвенным соответственно относятся те лексические средства, оценочная сема которых является коннотативной, или дополнительной. В качестве примеров приводятся преимущественно случаи метафорического употребления слов или словосочетаний [Кобызева 2011: 100]. Однако, в целом, недостаточное количество работ, посвященных изучению аксиологической модальности, предоставляет только предварительные результаты, в том числе в вопросе о совокупности типовых средств ее экспликации.

1.2.4. *Метакоммуникативная модальность и средства ее экспликации*

Для анализа средств экспликации субъективной модальности в рамках интерактивного сетевого общения особый интерес вызывают значения, характеризующие модальность отношения коммуникантов к собственному или чужому высказыванию, что может быть определено с помощью термина «метакоммуникативная модальность». Префикс греческого происхождения *мета-* (от гр. *μετά*: после, за, между) получил в различных дериватах устойчивый характер терминологического элемента со значением «описания какого-нибудь объекта или системы, высшего по отношению к предыдущему описанию», иначе говоря, «описание описания» [dic.academic.ru]. В связи с этим в обобщенном виде можно сказать, что метакоммуникация представляет собой коммуникацию о коммуникации, а объектом сообщений данного типа является отношение к самому общению, или к коммуникативному процессу.

В истории данного термина можно выделить в качестве основополагающих толкования следующих ученых. Так, Р.О. Якобсон определял метакоммуникативность через метаязыковую функцию, выраженную ссылкой на систему кода или узуса [Якобсон 1975: 201-202]. Близкие характеристики были предложены А. Вежбицкой, М.В. Ляпоном, Ю.Д. Апресяном, рассматривающими метакоммуникацию как комментирование говорящим своей текущей речи [Вежбицка 1978: 403-404; Ляпон 1986: 54; Апресян 1995:151]. Д. Вундерлих определял метакоммуникацию как «общение о процессе общения», подчеркивая синхронизированность метакоммуникативных высказываний с текущей коммуникацией [Wunderlich 1970 :19].

Однако в условиях анализа диалоговых или полилоговых форм протекания дискурса понятие метакоммуникации расширяется и включает в себя различные формы и типы. Так, В.Д. Девкин указывал, что под метакоммуникацией следует понимать «технику управления беседой, которая служит «обслуживанием» коммуникации, улучшая её взаимопонимание» [Девкин 1981: 85]. Наиболее полную характеристику предложил М. Л. Макаров, определяющий метакоммуникацию как «часть общения, которая направлена на самое себя, на

общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, мену коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [Макаров 2003: 198].

К особенностям метакоммуникативных сообщений были отнесены:

- аналитический и рефлексивный характер, предполагающий оценку собственного вербального поведения и поведения собеседника;
- субъективный характер метакоммуникации, заключающийся в ее описании с субъективных позиций говорящего;
- процессуальный и интегральный характер метакоммуникации, выражающийся в ее неразрывной связи с протекающей первичной коммуникацией [Дубровченко 2011:81].

К основным функциям метакоммуникации в рамках интерактивного взаимодействия принято относить «обеспечение понимания между партнерами по общению, организацию, регулирование и корректирование процесса коммуницирования [Остапенко 2013: 33]. Н.П. Михайлова обосновывает необходимость рассмотрения метакоммуникативности как ключевой составляющей коммуникации, обеспечивающей её эффективность с помощью адекватного использования языковых и прагматических средств, или так называемых «метасигналов, которые регулируют дискурсивную интеракцию» [Михайлова 2004:61]. Среди их основных функций автором выделяются «вступление в разговор, управление процессом общения, активизацию речевой деятельности, комментирование, уход от ответа, организацию высказывания, завершение общения» [Там же]. К лексико-грамматическим показателям, реализующим метакоммуникативные функции, лингвист относит «сочетания глаголов речи с модальными словами, императивы, вопросительные предложения, безглагольные конструкции, а также прямые и косвенные речевые акты» [Там же].

В рамках изучения данного типа модальности особую лингвистическую значимость представляет выделение В.Ю. Костюченко в отдельную группу «модально-метаязыковых значений» [Костюченко 2018: 79]. Данный тип можно рассматривать как специфическую разновидность метакоммуникативной модальности, непосредственным образом характеризующую отношение говорящего к самому языковому способу выражения содержания. Заметим, что вышеперечисленные средства (отношение к манере или стилю речи; указания на место в строе текста; указание на источник речи; характеристику сообщаемого с точки зрения меры, степени или ограниченности высказывания) приводятся также в РГ-80 [РГ-80: 230], однако не выделяются в качестве класса самостоятельных метаязыковых модальных значений.

Согласно В. Ю. Костюченко, метаязыковая функция может состоять в следующем:

- в акцентировании, подчеркивании, стремлении привлечь внимание собеседника (*знаете, понимаете, в принципе*);
- в отношении к стилю, манере речи, характеру и способу изложения (*мягко выражаясь, честно говоря*);
- в указании на источник информации или сообщения (*как говорят, по мнению кого-нибудь*);
- в характеристике места высказывания (сообщения) в строе текста (*следовательно, таким образом*) [Костюченко 2018: 79]. В этой же группе автором выделяются метаязыковые речевые акты, относящиеся к манере или смыслу изложения коммуниканта, например: *Что вы несете? Что за бред сумасшедшего?* и т.п.

«Все перечисленные значения, – указывает В.Ю. Костюченко, – объединяет функциональное сходство: они интерпретируют (поясняют) само высказывание или всю ситуацию общения, т. е. носят метаязыковой характер. С другой стороны, все эти значения модальны, так как коррелируют с основным назначением средств лексической модальности: выражают оценку, которую говорящий дает способу словесного представления действительности или

избранному им способу вербализации мысли (оценка языковых средств, используемых в высказывании). <...> Переплетение модальных и метаязыковых значений служит в качестве основания для объединения этих метаязыковых средств в особый вид модальности – метаязыковую модальность» [Костюченко 2018: 79-81].

Выделение данного типа модальности представляется особо актуальным для изучения значительных массивов речевых произведений в условиях интеракции пользователей, осуществляющих процесс коммуникации в различных жанровых форматах интернета.

§ 2. Гендерные исследования в языкознании

2.1. Объем понятия «гендер»

Появлению термина «гендер» (английское *gender*, от лат. *gens* - род) в его значении «социальный пол, социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества, [Грицанов 2001: 221], предшествовали различные, в той или иной степени семантически сходные с ним номинации, в первую очередь, маскулинность (мужественность) и фемининность (женственность), или же, просто «женское» и «мужское» начало. Как правило, в качестве первоисточков гендерных исследований указывают философию античной Греции с ее явно дискриминационным характером по отношению к представителям женского пола. Аристотель, Сократ, Платон рассматривали мужчину и «мужское» начало как нормативное и эталонное, в то же время женщина понималась древнегреческими философами как некоторое отклонение от нормативного представителя рода *хомо сапиенс* [см. подробнее Кипервар, Севелова 2012 : 82]. На собственно языковом уровне вопросы о наличии специфических средств характеристики женского и мужского в языке впервые были затронуты крупнейшим российским и польским языковедом И.А. Бодуэном де Куртене (*Baudouin de Courtenay*; 1845 – 1929 гг.), о чем, к сожалению, вспоминают исключительно редко. В статье «Бодуэн

де Куртене – предтеча феминистической лингвистики» Х. Дуда замечает, что еще «задолго до того, как на Западе обратили внимание на те проблемы, которые сегодня составляют предмет оживленных дискуссий, Б. де Куртене говорил и писал о вписанном в язык сексизме» [Duda 1998: 664].

В работе «Психологическая характеристика польского языка» Б. де Куртене отмечал, что дискриминация по половому признаку проявляется на уровне грамматики, родовых отношений, словообразования и лексики, а также объяснял гендерные асимметрии их соответствием «определенной стадии развития социальных понятий, а именно стадии патриархальной, когда и жены, и дети... представляют собой собственность *patris familias*... когда мужской элемент есть начало всего, когда высшее существо, Бог, может быть только мужского рода» [цит. по Шкапенко 2007 : 31].

Однако отсутствие соответствующей социальной и идеологической почвы в то время не позволило идеям выдающегося лингвиста развернуться в самостоятельную область исследований, как это произошло в 70-ые годы XX столетия в связи с развитием феминистских течений и становлением философии феминизма. Одной из ведущих идей в книге Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949), считающейся своего рода библией феминизма, явилось утверждение о том, что «женщинами не рождаются, женщинами становятся», то есть дифференциация в обществе по половому признаку детерминируется не физиологическими признаками мужчины и женщины, а социализацией индивидов, осуществляемой в строгом соответствии с существующими в обществе стереотипами и традициями [Симона де Бовуар 1949: 49].

Эта идея легла впоследствии в основание гендерных исследований, в которых слово «гендер», ранее служившее в качестве грамматического термина для обозначения родовой категории, подверглось ретерминологизации и получило статус социоконструкта, обозначающего социально-культурную, ритуализированную и институализированную ипостась биологического пола. Это семантическое преобразование, в основе которого лежит идеологизированное понимание первенства социальных стереотипов над природной физиологией,

находит свое косвенное подтверждение в комментарии Оксфордского словаря о том, что использование слова в старом, чисто грамматическом значении, зачастую требует уточнения в виде характеристики «грамматический гендер» с целью его дифференциации от «естественного гендера, или пола»: «Sometimes called *grammatical gender*, to distinguish this sense from *natural gender*. In most European languages, grammatical gender is now only very loosely associated with natural distinctions of sex» [OED] («В большинстве европейских языков грамматический род в настоящее время лишь очень слабо связан с естественными половыми различиями») (перевод наш — *P.A.*).

В результате все большей популяризации идей об условности детерминированности пола физиологическими параметрами, под гендером стали понимать «социальную и психологическую категорию, учитывающую фактор естественного пола, но выходящую за его рамки, охватывая все социальные конструкты (систему ценностей, нормы поведения, социальные роли и т.д.)» [Haug 1992:51]. Под давлением феминистских идей видимые биологические отличия двух полов, служившие естественным фактором при определении гендера в рамках так называемой философии «эссенциализма» [см. подробнее Хлебалин 2003], уступили место теории социального конструкционизма.

Согласно «Словарю гендерных терминов», «эссенциализм (от англ. *es* «обязательно существующий, неременный») – свойство теоретических концепций, в которых делается попытка зафиксировать некую неизменную сущность, в данном контексте – женскую сущность; «концепция, предполагающая, что у вещей есть некая глубинная реальность, истинная природа, которую нельзя узреть напрямую, и что для нас важна именно эта скрытая сущность», в современной феминистской теории служит постоянным объектом критики для постмодернистски-ориентированных авторов. <...> Обязательным атрибутом таких теорий является бинарность – женщина противопоставляется мужчине [СГТ 2002:221].

Эссенциалистский, то есть основанный на онтологической сущности и в определённой степени на здоровом житейском смысле подход, констатировал, что половые (гендерные) различия существуют у мужчин и женщин изначально. «В этой статичной и практичной картине мира есть мужчины и есть женщины, носители атрибута, который мы называем гендером: нашей задачей становится просто составить каталог тех способов, которыми они маркируют этот атрибут в своем лингвистическом поведении» [Cameron 1995 : 41]. Данной концепции был противопоставлен иной подход к пониманию гендера, отрицающий его биологическую детерминированность, «подход к гендеру как исполнению», ставший ключевой идеей теории социального конструкционизма (*social constructionism*). Согласно ее положениям, гендер перестает рассматриваться как врожденное свойство человека, а мыслится как «социокультурный пол», который создается в межличностных отношениях и поддерживается социальными структурами [Weatherall 2002 :86].

Действительно, как отмечает А.В. Кириллина, «общество институализирует гендер, то есть вводит в социальное обращение через важнейшие общественные институты такие, как семья, система образования, законодательство, религия, те роли и характеристики, которые отводятся мужчинам и женщинам, и считаются, с точки зрения общества, присущими представителям каждого пола» [Кириллина 1999:12]. Одной из основополагающих зарубежных работ в области гендерного социоконструкционизма явилось исследование Д. Камэрон «Not gender difference but the difference that gender makes», в котором исследователь предложила новую трактовку гендера как «перманентного, социально-обусловленного феномена, проявляющего себя в любой культуре, в любом возрасте. Гендер, будучи динамичным феноменом, способен воссоздаваться или разрушаться в конкретных ситуациях» [Cameron 1992: 24]. На динамичный характер гендера указывают К. Уэст и Д. Циммерман, подчёркивающие, что «гендерные представления об обществе могут меняться в течение всей жизни человека. Гендерное поведение, подобно языковому, является приобретенным, поскольку человек обучается ему так же, как и языку, поэтому

поведенческие стереотипы, связанные с гендером и языком, тесно переплетаются» [West, Zimmerman 2009: 114]

В целом, к основным постулатам в рамках теории социального конструирования гендера можно отнести следующие два положения. Во-первых, «гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации. Во-вторых, гендер конструируется и самими индивидами – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации) принятия заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т. д.). Эта теория активно использует понятия гендерной идентичности, гендерной идеологии, гендерной дифференциации и гендерных ролей» [Воронина 2000: 47].

Необходимо отметить, что популяризация междисциплинарных гендерных исследований в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других наук, а также возрастающая политизация проблем гендера в США и в Западной Европе в начале XXI столетия привели к тому, что термин «гендер» постепенно вытесняет из обращения слово «пол» (*sex*) и начинает выполнять роль своего рода политкорректного эвфемизма. Бывшее, сугубо физиологическое понимание пола входит в противоречие с новой постмодернистской и неолиберальной концепцией гендера, противостоящей биологической редукции пола и постулирующей разнообразие гендерных идентичностей человека. Так, согласно данным Корпуса исторического американского английского языка [COHA] частотность употребления слова *gender* в 1950-1980-е гг. составила 242 единицы, а в 1990-2010-е гг. — 2 629 единиц. Статистические данные представлены в таблице на рис. 1.:

SECTION	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900
FREQ		24	14	26	12	9	13	10	39

SECTION	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
FREQ	12	17	26	23	20	31	41	150	610	760	1259

Рис. 1. Распределение по годам употребления слова *gender* в английском языке по данным Корпуса исторического американского английского языка, где SECTION — десятилетие, FREQ — частотность, т.е. зафиксированное количество словоформ от общего количества словоформ в основном корпусе с 1820-х гг. по 2010-е гг. [COHA].

Эти данные подтверждаются и исследованием Дэвида Хейга, который проанализировал 30 миллионов названий научных статей из базы данных *Web of Science* и пришел не только к выводу об абсолютной доминации слова *gender*, но и о его семантической дублетности слову *sex* (пол). Автор пишет: «<...> *gender* has come to be adopted as a simple synonym, perhaps a euphemism, for *sex* by many writers who are unfamiliar with the term's recent history» ('гендер стал употребляться многими писателями, не знакомыми с недавней историей термина, как простой синоним слову «пол», возможно, как его эвфемизм' [Haig 2001: 95]).

Вытеснение словом *gender* существительного *sex* происходит в рамках преднамеренного конструирования политкорректного, мультигендерного социума. Так, в социальных сетях часто встречаются анкеты, например в Facebook², в которых вместо предыдущего «*sex*» (пол) указывается «*gender*», а кроме традиционных опций «*male*» и «*female*», добавляется «*custom*», учитывающая интересы людей, идентифицирующих себя как небинарные, гендерквир, трансгендерные и другие. Структура анкеты с трёхчастным выбором отражает эволюцию представлений о гендере, показывая (навязывая) переход от бинарности к более сложному спектру гендерных идентичностей.

Развитие идей о множественности конструируемых гендеров приводит к тому, что, если в начале становления гендерных исследований понятие *gender* подразумевало внутреннюю маскулинно-феминную бинарность и провозглашало равноправие ее представителей, то в настоящее время в соответствии

² Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в РФ запрещена.

с обновленным его видением гендер в «Энциклопедии Британника» определяется следующим образом: «Гендерная идентичность - представление человека о себе как о мужчине или женщине, мальчике или девочке, или как о некотором сочетании мужчины/мальчика и женщины/девочки, или как о человеке, колеблющемся между мужчиной/мальчиком и женщиной/девочкой, или как о человеке, вообще не относящемся к этим категориям» [ЕВ] (перевод наш — Р.А.).

Как отмечает А.В. Кирилина, в начале XXI в. в западной науке *бинарная модель гендера* окончательно отбрасывается и в качестве мейнстрима предлагается мультиплицированная модель, насчитывающая около 60 видов гендера. «Множественность гендера дополняется признанием его динамичности и текучести: допускается, что в течение жизни человек может неоднократно сменить гендер или вообще считать себя свободным от него, что ознаменует переход к постгендеризму — прекращению социального конструирования гендера как связанного с полом маркера и трансформации его в маркер индивидуальной стилизации лица, не связанный с полом» [Кирилина 2021: 114].

Таким образом, из дихотомического социокультурного концепта, отражавшего наличие в мире двух видов людей, гендер превратился в чрезвычайно политизированный маркер сексуальной ориентации и сексуальных свобод, иначе говоря, борьба против незаметности женщин в языке и в обществе в рамках бинарной модели закончилась ее полной деконструкцией и приходом на смену двуединому в полоролевом различии человеку его нового варианта, с неопределенной, текучей гендерной ориентацией, определяемой волей самого индивида. Данный подход обусловил искусственное внедрение в политкорректные практики английского языка гендерно-нейтральных местоимений, создание новых терминов, отражающих широкий спектр идентичностей и т.п. [см. подробнее Гриценко 2021], вписывающихся в так называемую «новую этику». В широком смысле «сторонники новой этики призывают к максимальной политической корректности и требуют устранить из языка те единицы, которые могут причинить индивиду моральный вред или подвергнуть его

стигме, дискриминации» [Ефремов, Матвеева 2023: 266]. В то же время пост-модернистская парадигма, которая акцентирует внимание на деконструкции и плюрализме, одновременно усилила поляризацию мнений между ее адептами и сторонниками традиционных ценностей.

2.2. Основные направления изучения гендера в зарубежной лингвистике

2.2.1. Исследование фактов языкового андроцентризма в зарубежной лингвистике

Мощный социальный посыл, заложенный в феминистических теориях, нашел свое непосредственное отражение и в нацеленности всех гендерных исследований на поиск и характеристику тех явлений, которые демонстрируют образ неравенства, диспаритета женщины и мужчины в языке, «создают в языке картины мира с мужской точки зрения» [Себряк 2017:78].

Гендерные различия, закодированные в языковых фактах на уровне системы, получили общее наименование языкового сексизма или андроцентризма, отражающего патриархальное устройство общества с доминирующей в нем ролью мужчин. Несмотря на то, что большинство работ зарубежных лингвистов включает в свое название слово «язык» например: «Beiträge zu einer Kritik der Sprache» («Вклад в критику языка») [Mauthner 1921]; «Language and Woman's Place» («Язык и место женщины») [Lakoff, 1975]; «Male/Female Language» («Мужской/Женский язык») [Key 1980]; «Das Deutsche als Mannersprache» («Немецкий – язык мужчин») [Pusch 1984]; «Women, Men and Language» («Женщины, Мужчины и Язык») [Coats 2004] и другие, в сущности, объектом анализа в этих работах становится именно речь мужчин и женщин, в которой исследователи стремятся обнаружить определенные отличия.

Системный анализ фактов андроцентризма, закодированных на языковом уровне, встречается в зарубежной литературе гораздо реже. Наиболее общая их характеристика представлена в книге Буссмана и Хеллингера «Gender Across Languages» («Гендер сквозь языки») [Bussmann, Hellinger 2001], где

выделяются следующие, присущие большинству европейских языков черты андроцентризма:

- Во-первых, асимметрии в антропонимической системе. Практически всеобщей социолингвистической традицией является переход женщины, вступившей в брак, со своей девичьей фамилией на супружескую, присвоение детям фамилии по мужской линии, а не по женской. В некоторых славянских языках данная дискриминационная идентификация закодирована на словообразовательном уровне, когда суффикс в финали фамилии может означать супругу или дочку человека, носящего определенную фамилию;

- Во-вторых, асимметрии в системе обращений, являющихся, как справедливо указывает В.А. Ефремов, «средством создания коммуникативной рамки и зачастую предопределяющим ход общения» [Ефремов 2009: 53]. При этом гендерно-маркированными являются прономинальные обращения, которые идентифицируют семейное положение женщин при отсутствии таковых перед фамилиями мужчин, например Miss/Mrs (миссис/мисс) в английском языке, Fräulein /Frau (фройляйн/фрау) в немецком, Mademoiselle/Madame (мадмуазель/мадам) во французском, Signorina /Senora (сеньора/сеньорина) в итальянском, Señorita/señora в испанском, Froken/Fruе (фрёкен/фру) в норвежском, Pani/Panna (пани/панна) в польском языке. Отметим, что такая дискриминационная идентификация не только по полу, но и по статусу замужней или незамужней женщины обошла стороной русский язык.

Типовым примером игнорирования женщины как представительницы человеческого рода является присущее многим языкам отождествление понятий «человек» и «мужчина» (man в английском, homme во французском, mann в немецком языке, чоловік – в украинском языке и т.п).

Универсальным языковым феноменом является создание существительных женского рода от мужских, обратные случаи встречаются крайне редко. В связи с этим формы мужского рода считаются основными и не маркированными эмоционально, при чем это относится не только к именам собственным, но и к нарицательным.

Практически для всех языков характерно наличие лексических лакун, особенно в номинациях профессий и социальных ролей, например: Fireman, Policeman, Doctor, Engineer, Chairman, Surgeon, Master, Governor и др.

Широко распространены также гендерные асимметрии в форме местоимений мужского рода (*he, his, him*), которые используются как универсальные для обозначения людей любого пола, особенно в формальных текстах, например: *Each student should bring his book to class* (каждый студент, должен принести свой учебник в класс) Такой подход подразумевает включение всех полов, но фактически исключает женский род и усиливает ассоциацию «человек = мужчина».

Заметим, что в связи с действием тенденции к переформатированию языка в направлении устранения фактов андроцентризма происходят изменения как в формате внедрения гендерно-нейтральных местоимений, так и в восполнении морфологической парадигмы существительных мужского рода женскими формами, что вызвало к жизни активность в области конструирования феминитивов в английском языке и в других языках мира [Ильясова, Пугачева 2021: 14].

Явно мужская точка зрения на женщину прослеживается во многих паремиологических единицах английского и других языков мира. О крайне негативном образе женском в английских и французских пословицах пишет Дж. Коутс, приводя примеры особенностей речевого поведения женщины как излишне говорливой и не способной молчать: «A woman's tongue wags like a lamb's tail»; «Many women, many words; many geese, many turds»; «Ou femme y a, silance n'y a» [Coates 1993:16-33]. Не менее негативный образ характерен для русских и немецких пословиц и поговорок, характеризующих речевое поведение женщин. Например: «У баб только суды да ряды»; «Бабий язык – чертово помело»; «Die Fische sind stumm, aber die Fischweiber nicht» и другие. [Кирилина 1999а: 121].

Среди языковых фактов «несправедливого» отношения к женщинам в языке относят избыточную номинацию негативных социальных явлений. Так,

согласно Дж. Стэнли, в американском варианте английского языка имеется около 220 слов для обозначения женщин легкого поведения и только около 20 слов для мужчин подобного типа [Stanley 1977 :23-24]. Автор рассматривает этот факт как доказательство наличия «мужской картины мира», в то время как существуют и другие, более онтологически и исторически обоснованные мнения о том, что богатая номинация в этой области отражает естественные условия «разделения труда», существовавшие между мужчинами и женщинами [Шкапенко 2007:2].

Австралийская писательница-феминистка, Д. Спендер также пишет о том, что сексизм в номинациях английского языка в целом является отражением сексизма в реальной действительности. Автор книги приводит обширные данные о том, что в английском языке гораздо больше слов, предназначенных для обозначения мужчин, чем женщин, при этом они гораздо реже имеют негативную коннотацию [Spender 1980: 36]. В результате анализа языковых фактов Д. Спендер приходит к выводу о том, что английский язык может быть охарактеризован как «сделанный мужчинами», что отражается в названии ее книги «Man Made Language» («Язык, созданный мужчиной»).

2.2.2. Исследование гендерных особенностей речевого поведения в зарубежной лингвистике

Основные работы в области зарубежной гендерной лингвистики избирают в качестве объекта своего изучения речевое поведение мужчин и женщин, стремясь выявить гендерно-маркированные особенности в речи первых и вторых. Данная традиция восходит еще к Отто Есперсену, опубликовавшему в 1922 году книгу «Language: its nature, development and origin» («Язык: его природа, развитие и сущность»). В отдельной главе датский ученый характеризует особенности женской речи на материале разных культур [Jespersen 2016: 117]. М. Тальбот отмечает, что «ученый поместил главу «Woman» рядом с такими главами, как «Foreigner», «Pidgin and Congeners», в которых он описывал отклоняющиеся от нормы варианты речевого поведения, что

представляло собой косвенное свидетельство несоответствия «женского языка» некоему эталону [Talbot 1998: 38]. По наблюдениям О. Есперсена, женщины не используют грубые слова на инстинктивном уровне, имеют ограниченный словарный запас, не всегда правильно их употребляют, в то время как мужчины обладают более высокими интеллектуальными способностями и именно их язык является нормативным [Jespersen 1998: 225].

Об эталонности речи мужчин как носителей более высоких интеллектуальных способностей говорится и в других лингвистических работах. Так, выявлением гендерных различий в речи мужчин и женщин острова Ява занимался и Э. Сепир, установивший вариативность форм, используемых мужчинами и женщинами в зависимости от того, к кому обращена их коммуникативная деятельность [Sapir 1929: 79-85]. Сделанные американским антропологом выводы вполне вписывались в постулируемую им вместе с Б. Уорфом «теорию лингвистической относительности», говорящую о связи языка с мышлением.

В русле теории «дефицитности», объясняющей «причины различий языкового поведения мужчин и женщин тем, что женщины не способны рационально использовать ресурсы языка и с точки зрения лингвистики являются некомпетентными и неуверенными в себе участниками коммуникативного процесса» [Talbot 1998:131], строились и работы других исследователей. Так, шведский лингвист Г. Седершольд в работе «Om kvinnospråk och andra ämnen» (О женских языках и других предметах) (1900) утверждал, что гендерные различия языка мужчин и женщин обусловлены присущими им мужским интеллектом и женской эмоциональностью [см. подробнее Nordenstam 1992:95]. Причины такой дифференциации языка усматривались в том, что «на протяжении нескольких столетий существовал так называемый «патриархальный дискурс», и язык был ориентирован на мужчин» [Romaine 1999:114]. Подобные представления были естественны для эпохи социального и гендерного неравенства, когда женщины не имели возможности работать и получать образование, «в семье и быту мужчина наделялся преимущественно правами, а у

женщины, соответственно, доминировали обязанности» [Лысикова, Файзиева 2023:60].

В 1975 году профессор Калифорнийского университета Робин Лакофф опубликовала книгу «Язык и место женщины», в которой выдвинула гипотезу о существовании так называемого «женского языка». С одной стороны, язык, как утверждает ученый, «отражает подчинение женщины, а с другой, – он сам способствует ее подчиненному положению в обществе» [Lakoff 1975:14]. При этом Р. Лакофф выделяет типичные черты женского языка:

1. специфический вокабуляр, связанный с женской работой (*shirr, dart*), а также обширный вокабуляр, описывающий гамму цветов (*ecru, mauve, lavender*);
2. высокая частотность в речи эмоционально-оценочных прилагательных (*adorable, beautiful, marvelous, divine*), а также «пустых» общеоценочных прилагательных (*pretty, nicely*);
3. разнообразие стратегий вежливости: использование эвфемизмов; дискурсивных частиц, смягчающих силу высказывания (*you know, sort of, well, maybe*); разделительных вопросов;
4. восходящая интонация повествовательных предложений;
5. сверхправильная грамматика;
6. частые отсылки на чужой авторитет [Lakoff 1975: 57].

Использование вышеперечисленных элементов, по мнению Р. Лакофф, указывает на неуверенность и избыточную вежливость женщин в общении [Там же].

Работа Р. Лакофф способствовала появлению новых исследований, эмпирические данные которых дали возможность верифицировать или поставить под сомнение сделанные ею наблюдения и выводы. Так, О'Барр и Аткинс анализировали коммуникативное поведение мужчин и женщин на материале записей судебных заседаний объемом в 150 часов и выяснили, что «языковые элементы, описанные Р. Лакофф, используются не только женщинами, но и мужчинами» [O'Barr, Atkins 1980]. В работе Дж. Холмс, напротив, находятся

данные, частично подтверждающие выводы о гендерной асимметрии в идентифицированных Р. Лакофф областях [Holmes 1986].

С течением времени и с изменением положения женщин в обществе стало достаточно очевидным, что мнения о наличии так называемого «женского» и «мужского» языков явно преувеличены, и что отнюдь не гендер является решающим фактором, определяющим разницу в речевом поведении мужчин и женщин. Более рациональным оказалось объяснение вариативности речи с точки зрения совокупности социальных факторов. «Речевое поведение мужчин и женщин обусловлено лингвистическими традициями и обычаями, которые царят в его социальной группе» [Coates 1993:94]. Кроме того, было сделано наблюдение о том, что «определенные языковые элементы употребляются индивидами в определенных социальных группах, вне группы или в других группах, они могут употреблять другие элементы языка, т. е. гендерные различия имеют непостоянный и переменчивый характер» [Coates, Cameron 1988: 99].

Данное наблюдение подтверждалось результатами множества эмпирических исследований. Дж. Коутс, исследовав неформальный разговор женщин, установила, что коммуникативные стратегии женщин определяются коммуникативной ситуацией: интенцией к поддержанию социальных связей и бесконфликтному ведению беседы, к так называемому «стилю сотрудничества» [Coates 1999: 297]. К ведущим стратегиям были отнесены редкое перебивание собеседника, употребление контактоустанавливающих форм, использование модальных глаголов для снижения категоричности высказывания и т.п. [Там же]. Близкие результаты были получены Д. Таннен, определившей женский речевой стиль как «стиль высокой заинтересованности» (high involvement style) и «стиль большой тактичности» (high considerateness style) [Tannen 1996: 65].

Кира Холл, на примере коммуникативных ситуаций, наблюдаемых у операторов мужского пола телефонных компаний «fantasy lines», продемонстрировала, как происходит смена стиля в ходе телефонных разговоров.

«Операторы используют культурно сложившийся «женский стиль» речевого поведения: наличие внимания, фразы речевого этикета, тембр голоса, интонация и типичные «женские» слова. Таким образом, изучение гендера в конкретных социальных группах с их дискурсивными практиками дает гибкое понимание его сущности» [Hall 1999: 339].

В ходе экспериментов, проведенных Эллис Фрид, мужчинам и женщинам было предложено участвовать в трех видах речевых ситуаций. Эксперимент показал, что говорить о существовании мужского или женского языка некорректно, что необходимо сфокусироваться не на анализе качеств, которые мы приписываем мужчинам и женщинам, а на анализе коммуникативных ситуаций и типе деятельности говорящих» [Freed 1996: 67]. Еще более убедительные доказательства отсутствия «непроходимых» границ в дискурсивных практиках мужчин и женщин были приведены В. Бергваль. В ходе наблюдений за речевым поведением студентов технического колледжа (преимущественно мужского пола) она пришла к выводу об использовании участниками экспериментов различных коммуникативных стратегий, от типично женских до типично мужских, в зависимости от коммуникативных интенций, откуда следовал вывод об отсутствии в языке гендерной поляризации [Bergvall 1996:178].

Обобщенные выводы о нерелевантности идей о гендере как решающем факторе, предопределяющем различия в стилях общения, были сделаны Д. Камерон, утверждающей, что использование языка «мужчинами и женщинами тем или иным образом не обусловлено их изначально определенной гендерной идентичностью. Создание и использование мужского и женского стиля происходит параллельно с созданием гендерных субъектов» [Cameron 1996: 46]. Основным недостатком теории гендерных различий Д. Камерон считала ошибочное теоретическое представление самого гендера как изначально заложенного социального фактора языковой вариативности. В этом случае гендер выступает в роли «объясняющего фактора», в то время как он сам является

недостаточно исследованным феноменом. Согласно Д. Камерон, «гендер – это проблема, а не ее решение» [Cameron 1996:44].

Исследователи в области социолингвистики считают, что язык имеет маркеры идентичности индивидуума, которая возникает постоянно по мере его участия в дискурсивных ситуациях [Eckert, McConnell-Ginet 1992; Cameron 1996]. В соответствии с меняющимися представлениями о природе гендера как динамического феномена возникла необходимость в новой теории, «которая бы представила гендер без процесса поляризации, как постоянно развивающийся коммуникативный процесс, который происходит в языковых и социальных практиках» [Cameron 1996: 84]. Это находит отражение в обновленных постулатах, согласно которым идентичность говорящего определяется «речевой ситуацией, социальной или дискурсивной практикой, которые и создают гендерные и социальные идентичности» [Eckert, McConnell-Ginet 1992: 482]. Человек в процессе своего жизненного пути принимает участие в разных социальных группах, он постоянно совершает определенные действия, «которые отражают его гендерную идентичность в соответствии с нормами общества, в котором он состоит, или нарушает эти нормы» [Cameron 1996: 45].

Такая модель гендера основана на принципах теории постструктурализма. По мнению Дж. Коутс, «язык — это исторически сложившийся массив знаний и практик, которые конструируют определенную версию действительности. По мере участия в различных дискурсах человек выполняет различные социальные роли, т. е. возникновение гендера как социального субъекта определяется дискурсом. <...> Это означает, что идентичность человека не зафиксирована, а постоянно воссоздается в дискурсивных практиках» [Coates 1999: 302].

Если ранее Уэст и Зиммерман заявляли, что процесс конструирования индивидом своей гендерной идентичности, так называемый *doing gender*, является непрерывным и пронизывает все его действия [Уэст, Зиммерман 1997: 94–124], то впоследствии выяснилось, что отличия мужской и женской речи присущи далеко не каждому случаю коммуникации, и гендер все-таки не

является определяющим фактором речевого взаимодействия, а влияет на ее организацию во всей совокупности социолингвистических факторов: возраста, статуса, образования и т.п. В связи с этим в терминологии гендерной лингвистики вошли такие определения как «undoing gender» или «гендерная нейтральность» [Hirschauer 2001:208–235].

Востребованность данного термина во многом связана также с теми изменениями, которые вводятся в английский язык с целью устранения в нем гендерных асимметрий. К инновациям в области гендерно-нейтральных обращений относятся:

- использование титулов и местоимений, таких как *Mx* вместо *Mr./Ms.*, и *singular they*, чтобы избежать указания пола. Например, в Университете Мичигана студенты могут указывать предпочитаемые местоимения, включая *Ze* и *hir*;

- расширение номинаций в области гендерной лексики (появление терминов вроде *non-binary*, *gender fluid*, *agender* и других для обозначения нетрадиционных гендерных идентичностей);

- использование гендерно-нейтральных аффиксов, таких как *-x* (*Latinx*) или *cis-* (*cisman*, *ciswoman*) и т.п. Также фиксируются новые трактовки семейных терминов, включая учёт однополых браков в переписях населения [Гриценко 2021:61- 62].

Не менее спорными являются в настоящее время представления о наличии гендерных субкультур или гендерлектов, на неправомочность выделения которых указывали в своих работах И. Сэмел и Х. Котхофф [см. Samel 1995; Kotthoff 1996]. На смену этим представлениям на западе пришли новые направления, обусловленные возведением в идеологический и эпистемический статус сексуальных меньшинств, исследование языка которых получило название «lavender linguistics» (лавандовой лингвистики), или так называемых квир-исследований (*queer studies*) или «гей-язык» (англ. «Gayspeak») [Maltz, Borker 1991 52-74].

2.3. Основные направления изучения гендера в российской лингвистике

2.3.1. Лингвокультурологическое и когнитивное направление гендерных исследований

Характеризуя общую направленность гендерных исследований в России, начало становления которых датируется серединой 1990-х гг., представляется необходимым отметить их значительную теоретико-методологическую и идеологическую зависимость от работ западных исследователей. Определенная вторичность изучения гендера была характерна и для других социогуманитарных дисциплин, о чем говорится в работе А.В. Юревич: «Отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич 2005]. Этот же исследователь не без горечи замечает, что «...наши социогуманитарии» утратили свой традиционный статус производителей нового знания и стали «интеллектуальными посредниками» [Кирилина 2021: 122].

В основе развития интереса к изучению гендера в отечественной лингвистике лежат работы монографического характера, представляющие собой систематизацию знаний в области гендера, накопленных в зарубежной лингвистике. К ним относятся фундаментальные статьи А.В. Кириллиной «Развитие гендерных исследований в лингвистике» [Кирилина 1998] и Е.И. Горошко «Гендерная проблематика в языкознании» [Горошко 2001], ознакомивших российское академическое сообщество с новыми идеями, в основе которых лежала релятивизация биологических параметров пола и его понимание как социокультурного конструкта. Первоначальный период лингвистического изучения гендера в России характеризуется его изучением в рамках возникших научных школ: лаборатории гендерных исследований в МГЛУ, сотрудниками которых с 1999-го по 2007-й гг. были опубликованы сборники научных трудов и монографии «Гендерный фактор в языке и коммуникации» [Халеева 1999]; «Гендер как интрига познания» [Халеева 2000] и др.; в

лингвокультурологическом направлении изучения гендера в Нижегородском государственном лингвистическом университете [Гриценко 2003; 2005; 2019 и др.; Voxer, Gritsenko 2005; Бодрова 2010 и др.]; в Пермской социопсихолингвистической школе Т. И. Ерофеевой [Ерофеева 2004; 2009; Автухович 2012; Гаранович 2010; 2020; Дьяконова 2002; Черноусова 2008 и др.]. Различные аспекты изучения гендера в систематизированном виде нашли свое отражение в статьях обобщающего характера [Божанова 2012; Егорова, Степаненко 2020; Кирилина 2021].

Е.А. Картушина выделяет три направления современной гендерной лингвистики в России: - социолингвистические гендерные исследования, направленные на изучение жанрового и тематического своеобразия коммуникативного поведения мужчин и женщин; - психолингвистические исследования, выявляющие особенности восприятия понятий «мужественность» или «женственность» в коллективном сознании; - лингвокультурологические исследования, направленные на изучение репрезентируемых в языке представлений, связанных с мужчинами и женщинами [Картушина 2003: 23].

Сходную классификацию предлагают А.В. Кирилина и М.В. Томская, выделяющие 1) лингвокультурологическое направление (исследует гендерные стереотипы, концепты «мужественность» и «женственность» <...>); 2) социо- и психолингвистическое (изучение русского языкового сознания, устных и письменных текстов); 3) коммуникативно-дискурсивное (особенности женской и мужской коммуникации) [Кирилина, Томская 2005: 112].

На наш взгляд, данное разделение, с одной стороны, базируется на различиях в материале анализа (гендерно маркированные явления, отраженные в языковой системе и особенности речевого поведения мужчин и женщин), с другой стороны, на используемых подходах к их изучению. В этой связи представляется очевидным обязательность переплетения коммуникативно-дискурсивных и психолингвистических исследований с их социолингвистической параметризацией.

В отличие от западных работ, в российской лингвистике присутствует эксплицитное разделение на изучение гендерных особенностей в языке и речи, о чем могут свидетельствовать названия многочисленных конференций и сборников научных статей, например: «Гендер: язык, культура, коммуникация» (Москва 1999); «Гендер: язык, культура, коммуникация» (Москва, 2019), «Гендерные исследования в области языка и коммуникации» [Кожанова 2014] и т.п.

Наиболее изученными языковыми уровнями, манифестирующими факты гендерной асимметрии в русском языке, являются паремиологический и фольклорный фонд языка [Телия 1996; Кирилина 1999; Малишевская 1999; Муратова 2002; Георгиева 2005; Мудрая 2021 и др.]. В рамках данного направления описаны этноспецифические особенности отражения концептов мужественности и женственности, наиболее системным образом представленные в книге В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» [Телия 1996]. По наблюдениям ученого, для русского обыденного самосознания не свойственно воспринимать женщину как «слабый пол» или противопоставлять её мужчине как «сильному полу». Контрадикторность концепта «женщина» в русской лингвокультуре проявляется не по отношению к концепту «мужчина», а к человеку в целом. Во фразеологии подчёркивается важность темы «нравственности женщины», отражающей традиции русского менталитета и христианизированной русской культуры: вольное сексуальное поведение воспринимается как нарушение моральных устоев, отводящих женщине роль честной девушки и верной жены.

В отличие от В.Н. Телии, В.А. Ефремов исследует особенности концептуального воплощения концептов мужчины и женщины в русском языковом сознании на материале номинативных единиц, вербализующих различные ипостаси данных концептов. Изучение данного языкового материала в диахронно-синхронической перспективе позволило ученому выявить «ядерные и периферийные единицы лексической системы русского языка,

характеризующие мужчину и женщину в целом, вне социальной, этнической, профессиональной, конфессиональной или иной принадлежности, в разные периоды существования русского языка» [Ефремов 2010:4]. В рамках исследования было показано, что «анализируемое концептуальное пространство «'мужчина' - 'женщина'», с одной стороны, является важнейшей составляющей суперконцепта «человек», с другой стороны, само включает в себя ряд субконцептов, таких как «девушка», «юноша» и др. [Там же]. Изменения средств номинации в данном концептуальном поле не только отражают сдвиги в социальной действительности, в ослаблении или усилении влияния идеологических, философских и религиозных парадигм, но и сами становятся индикаторами этих изменений, откуда следует вывод о том, что «динамические процессы, имевшие место в русском языке и связанные с трансформациями русской концептосферы, в полной мере могут быть описаны через динамику концептуального пространства «'мужчина' - 'женщина'».

Особое место в данной работе отводится тем устойчивым рефлексам, гендерная маркированность которых находит свое отражение в лексико-грамматических практиках, а также в живучести патриархатных стереотипов, которые до настоящего времени участвуют в формировании образов мужчины и женщины в сознании языковой личности (в онтогенезе).

В компаративной англо-русской парадигме строит свое исследование гендерных концептов В.К. Барашян, рассматривающая когнитивно-дискурсивный, семиотический и лингвокультурный аспекты их языковой репрезентации на разноструктурном материале: словарей синонимов, ассоциативных словарей, русскоязычного и англоязычного словарей паремий и фразеологизмов, текстов масс-медийного и даже песенного дискурса. Наиболее общий вывод теоретического характера сводится к выделению в гендерных концептах «мужественность» и «женственность» трех основных аспектов: предметного (фиксация половой принадлежности, соматические данные), образного (поведенческие данные) и ценностного (аксиологические характеристики). Их

концептуализация и семиотизация обеспечивается кластерами знаков-гендеронимов различных типов и форм [Барашян 2020].

Несмотря на то, что анализу динамики в составе гендерно значимой лексики русского языка посвящен целый ряд статей [Колесникова 2001; Магомедова 2006; Кирилина 2019а; 2019б, 2020; Козлова 2021 и др.], в их изучении, по справедливому замечанию А.В. Кирилиной, остается еще значительное количество исследовательских лагун, поскольку именно в лексической системе языка наиболее отчетливо проявляется гендерная специфика [Кирилина 2021: 126]. Оригинальный, семантический ракурс исследования избран в диссертационной работе Е.А. Козловой, которая поставила цель выявить признаки гендерной маркированности в прямых и переносных значениях слов. Анализируя лексические единицы в рамках различных лексико-семантических полей, исследователь пришла к выводу, что гендерная маркированность способна в эксплицитной или имплицитной форме присутствовать как в прямых, так и в переносных значениях слов. Заслуживает внимания также выдвинутое автором работы положение о том, что «гендерная семантика может выступать как ограничительный фактор в использовании определенных лексических единиц, а их избирательное употребление оказывает влияние на культуру речи и на языковое сознание в целом» [Козлова 2021:5].

Большинство авторов избирают в качестве лексического материала апеллятивы (имена нарицательные), однако не менее интересной представляется перспектива изучения русской антропонимики, выявление роли личных имен в конструировании гендерной идентичности [Катермина 1998; Нестерова 1999; Кирилина 2002, 2004].

Кроме лексической семантики, изучаемой с различных точек зрения, следующая обширная область гендерных исследований в русском языке связана с анализом морфологических диспропорций между формами мужского и женского рода в названиях профессий и социальных ролей. Под влиянием тенденции политкорректности и возможностей искусственного выравнивания гендерных диспропорций в грамматической системе языка обширную

литературу в российской лингвистике получила проблема феминитивов [Челлак 2018; Минеева 2020; Ильясова, Пугачева 2021; Буторина 2023; Козловская 2024 и др.).

В рамках в диссертационного исследования Р.Р. Гузаеровой было установлено, что для категории феминитивности в русском языке характерна словообразовательная системность. Основным способом экспликации феминитивности является модификационное словопроизводство, с таким продуктивными суффиксами, как *-к(а)*, *-ниц(а)*, *-чиц(а)/-щиц(а)*, *-ш(а)*, и периферийными, представленными малопродуктивными или архаичными формами. В то же время, избирая в качестве материала русскоязычное медиапространство, автор констатирует усиление продуктивности суффиксов *-ш(а)* и *-ин(я)/-ын(я)*, особенно в заимствованной лексике и названиях новых профессий. В медиадискурсе новые феминитивные образования становятся инструментом социальной регуляции языка и репрезентации женщин [Гузаерова 2021: 6].

Схожие выводы представлены в работе Ю.С. Замышляевой, предпринявшей коммуникативно-прагматический анализ неологических феминитивов на материале интернет-коммуникации, данные которой сопоставляются с лексикографическими источниками второй половины XX века. Компаративный диахронно-синхронический анализ приводит автора к выводу о том, что речевая практика создания и употребления феминитивов в настоящее время находится в определенном противоречии с предыдущими словообразовательными и ортологическими нормами (использование существительных мужского рода в обобщенном значении) [Замышляева 2023:7].

2.3.2. Коммуникативно-дискурсивное направление гендерных исследований

Изучение гендерных отличий в речевом поведении мужчин и женщин в российской лингвистике проводилось по нескольким основным направлениям. Во-первых, анализировались фонетические особенности говорящих, во-вторых, коммуникативные стратегии и тактики построения коммуникации, и,

наконец, особенности выбора лексических или синтаксических средств с целью реализации различных коммуникативных интенций. К общим целевым установкам исследований можно отнести стремление выявить степень влияния пола на речевое поведение говорящих (пишущих) наряду с другими социальными параметрами: социальным статусом, возрастом, уровнем образования и т.п.

Обнаружение отличий в произношении мужчин и женщин осуществлялось с помощью экспериментальных исследований. Наиболее значимые результаты были получены в работах Е.А. Земской, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова [Земская, Китайгородская, Розанова 1990, 1993], выявивших целый ряд фонетических отличий в темпе речи и расстановке пауз, в длительности гласных, их количественной и качественной редукции, в растяжке ударного гласного в эмоциональной женской речи (Такой ми-и-ленький, хоро-о-шенький!) при более характерной для мужской речи растяжке согласного (Р-р-аз, и в дамки!) [Там же: 232].

В недавно выполненном исследовании супraseгментных характеристик русской звучащей речи [Инь Сяо 2022] к гендерным параметрам была добавлена геронтологическая стратификация, выявившая более высокую амплитуду интонационных характеристик женской речи, свидетельствующую о ее большей эмоциональности, в то время как речь мужчин отличается более экономным и менее подвижным характером артикуляции.

Примечательно, что выявленные интонационные и просодические особенности получили в российской лингвистике прикладной характер: они используются в криминалистике [Потапов 2002], а также в фонетическом построении аудиального ряда телевизионной рекламы [Кодзасов 2000].

Кроме фонетических особенностей, анализ речевой коммуникации позволил ученым сделать ряд выводов об особенностях речевых тактик построения коммуникации, к которым были отнесены: - большая распространенность в женской речи фактических речевых актов, легкость смены ролей в ходе общения; - использование женщинами в целях аргументации примеров из

личного опыта; - гиперболизированная экспрессивность женщинами речи, в том числе высокочастотное использование первообразных междометий. Для мужской речи в большей степени характерны стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора профессии, тенденция к использованию стилистически сниженных экспрессивных средств, намеренное огрубление речи [Земская, Китайгородская, Розанова: 1993].

Было замечено, что «женщины проявляют тенденцию к интенсификации прежде всего положительной оценки, мужчины более выражено используют отрицательную оценку (включая стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы)» [Ермакович 2015: 36]. Описание моделей речевого поведения мужчин и женщин осуществлялось не только на материале неофициального общения [Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Городникова 2002], но и на основе публичных коммуникативных форматов, таких как телевизионные ток-шоу [Кирюшкина 1999] или интервью с известными личностями [Иссерс 2002; Коноваленко 2003].

Исследуя гендерные особенности русской письменной речи, Е.И. Горошко пришла к выводу о том, что для письменной мужской речи характерно использование жаргонной лексики, частое употребление вводных конструкций, преимущественно со значением уверенности, однообразие лексических средств выражения эмоций, преобладание глаголов активного залога и некоторые другие особенности. Для женской письменной речи характерно активное использование модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности или предположительности, склонность к употреблению стилистически высокой лексики, высокая частотность в речи определений, обстоятельств и некоторые другие отличительные особенности [Горошко 1999:51].

Перенос различных видов общения в виртуальную действительность обусловил появление работ, изучающих гендерно маркированные элементы в «устно-письменной системе речи в интернет-коммуникации» [Лутовинова 2008: 65]. Первые труды в данной области были связаны с анализом самого феномена гендера в условиях опосредованной коммуникации, когда гендер

становится «плавающим», поскольку индивиды способны скрывать свою истинную половую принадлежность, присваивая себе определенный ник и имитируя «чужегендерную» речь.

На базе различных социальных платформ предпринимались также попытки обнаружения фактов гендерной дискриминации в интернете [Остапенко 2004; Горошко 2004; Митина, Войскунский 2005]. Однако, в отличие от зарубежных исследований в этой области, констатирующих гендерное неравенство в киберпространстве [Yaniski-Ravid, Mittelman 2016; Macharia, Varata Mir, 2022 и др.], было установлено, что анонимизация общения не привела к усилению вероятного межгендерного противостояния в виртуальной действительности [Компанцева 2004: 124; Каллистратидис 2021].

В то же время возможность объединения пользователей по различным социальным параметрам, в том числе по гендерному, привела к появлению в российском интернете сетевых сообществ пользователей мужского пола, представляющих собой реакцию на агрессивные феминистские практики, присвоившие маскулинности ярлык «токсичности». В результате образовался маскулинный дискурс, представляющий собой плодотворную почву для лингвистического анализа мужской речи [Балюнис 2023: 187].

В фокусе внимания лингвистов находятся самые различные аспекты реализации гендера в интернет-пространстве: гендерная маркированность лексических инноваций [Каллистратидис, Ильясова 2022], инновационные употребления словообразовательных единиц – диминутивов [Григорян, Стрельчук 2021] и аугментативов [Шмелева 2024], смысловые доминанты и аксиологические параметры женского и мужского интернет-дискурса [Садовникова 2023, Балюнис 2024], лексико-грамматические характеристики коммуникации фем-блогеров [Гонопольская 2024], обновление состава диалогических клише [Шмелева 2024], функционирование феминитивов в дискурсе подкастов [Савина 2024], гендерные различия в использовании коммуникативных средств — эмодзи и эмодзи в социальной сети «ВКонтакте» [Обухова 2023] и др.

В обобщенном виде выявленные различия были представлены в работе И.А. Якобы, обосновавшей, что между полом и речевым поведением человека в интернет-коммуникации существует определенная корреляция [Якоба 2012]. По наблюдениям лингвиста, женщины более склонны к нормативному использованию языка, к большей детализации речи и менее агрессивным тактикам общения; мужчины более активно используют жаргонизмы и специализированную лексику, чаще доминируют в общении и становятся инициаторами смены тем, рассуждают более прямолинейно и безапелляционно [Якоба 2012]. Как можно увидеть, выявленные различия во многом совпадают с особенностями женской и мужской речи в реальных условиях общения, и, согласно различным исследованиям, одни из них в условиях анонимного виртуального общения проявляются в большей степени, нежели в офф-лайн реальности, другие – ослабевают.

Методологически важным вопросом для изучения гендера в интернете остается выявление степени влияния данного фактора на речевое поведение, его место среди других социальных параметров. Согласно экспериментальным исследованиям Т. И. Ерофеевой и М. В. Гаранович, фактор «гендера» является существенным для моделей речевого поведения, однако ученые подчеркивают вероятностный характер социобиопсихологической детерминированности речевого поведения и призывают учитывать другие социально-психологические параметры говорящих (возраст, место рождения, уровень образования, специальность, темперамент) [Гаранович, Ерофеева 2020]. Е. М. Бакушева отмечает, что необходимо учитывать воздействие одних социальных факторов на другие, «однако наиболее сильным из социальных характеристик, определяющим, в конечном счете, речевое воздействие коммуникантов, является их статусно-ролевое отношение» [Бакушева 1995 :107]. Другие исследователи также сходятся во мнении о том, что различия в мужском и женском речевом поведении проявляются нерегулярно, а гендер сам по себе не является основополагающим фактором, хотя в ряде ситуаций может оказывать влияние

на выбор коммуникативных стратегий, включая предпочтение одних речевых приемов и ограничение использования других.

Любопытная попытка верификации степени гендеризации речевых интернет-практик была предпринята в работе О.И. Максименко, М.А. Савина, О.Е. Почерняевой [Максименко, Савин, Почерняева 2020]. Авторы не без оснований утверждают, что общество (в том числе ученое сообщество) «ожидает определенные паттерны речевого поведения (и поведения вообще) от представителей разных полов, даже если общение происходит в сети интернет», и эти ожидания накладываются на интерпретацию получаемых данных. Однако предложенная лингвистами социолингвистическая методика верификации степени объективности выводов на основе изучения мнений респондентов, отвечающих на соответствующие вопросы (часто ли вы употребляете жаргонизмы, обценизмы; как часто ваша речь бывает эмоционально окрашена и т.п.), на наш взгляд, не может быть признана полностью достоверной. Во-первых, вполне естественным представляется то, что большинство людей не следит за собственным способом выражения мысли; во-вторых, многим людям присуще стремление казаться лучше, чем это есть на самом деле; в-третьих, количество испытуемых (228 человек (111 мужчин и 118 женщин), участвующих в анкетировании, - явно недостаточно для того чтобы сделать достоверные выводы [Максименко, Савин, Почерняева 2020: 68].

В целом, абсолютное большинство российских исследований гендера как в реальной, так и виртуальной действительности, констатирует наличие особенностей речевых практик и мужчин, а гендерный фактор рассматривает в ряду других параметров социальной стратификации социума.

§ 3. Основы социолингвистических исследований

3.1. Методики социолингвистического анализа

Впервые термин «социолингвистика» был использован в статье "Sociolinguistics in India" Т. К. Ходсона в 1939 году, а в 1952 году был введен в научный оборот американским социологом Г. Карри [Currie 1952]. Основы

социолингвистических исследований были, однако, заложены намного раньше в идеях представителей различных лингвистических направлений и школ. К ним традиционно относят французского лингвиста А. Мейе, подчёркивающего в своих работах социальный характер языка, а также американских этнолингвистов Ф. Боаса и Э. Сепира, постулирующих взаимосвязь языковых и этнокультурных систем. К родоначальникам социальной лингвистики принято относить также лейпцигскую школу, возглавляемую Т. Фрингсом. Основным предметом научного интереса представителей этой школы являлось изучение диалектов немецкого языка и установление исторических и географических границ их распространения [Frings 1913].

Если принять во внимание то, что в зарубежной лингвистике к родоначальникам социолингвистики причисляют главным образом диалектологов, то вынуждены будем признать, что в России идеи о территориальном варьировании языка возникли и развивались еще раньше и связаны с именами выдающихся ученых-филологов А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, В. И. Даля, А. А. Потебня, Н.Н. Дурново и А. А. Шахматова, результатом работы которых явилась составленная в 1914 году диалектологическая карта русского языка. Основоположником социолингвистики в России принято считать, однако, известного филолога-востоковеда Е. Д. Поливанова, первого исследователя японских диалектов. В СССР его идеи о территориальной вариативности языков развивал В.М. Жирмунский, автор фундаментальных исследований в области немецкой диалектологии, в том числе так называемых «языковых островов» на территории России. Теоретическое обобщение результаты эмпирических исследований ученого нашли в его фундаментальном труде «Национальный язык и социальные диалекты» [Жирмунский 1976], который иногда называют «социологизированной диалектологией, вычленяющей социальные изоглоссы в рамках национального языка [Щвейцер 2011: 51].

В литературе, посвященной истокам социолингвистики, считается, что как самостоятельная отрасль языковедческого знания социолингвистика

выделилась в 60-е годы XX столетия после разработки методов изучения «языка в его социальном контексте» в трудах американского лингвиста Уильяма Лабов [Labov 1966]. К числу его важнейших работ относят исследование социальной стратификации языка жителей Нью-Йорка [Labov 1966], а также анализ особенностей языка афроамериканцев, называемого в эпоху отсутствия политкорректности «Black English» [Labov 1972]. Основные задачи исследователя видел в выявлении переменных в произношении отдельных звуков английского языка в зависимости от принадлежности его носителей к определенной социоэтнической группе. Соответственно единственной методикой, способной предоставить лингвисту достоверные данные, являлась целенаправленная постановка вопросов, стимулирующих определенный ответ участников эксперимента. Интерес У. Лабова к социальной обусловленности произношения получил свое дальнейшее развитие в работах его многочисленных последователей, составивших в совокупности популярную в США школу так называемой вариационной социофонетики [P. Trudgill 1974; N. Nagy, B. Reynolds 1997; E. Thomas 2002 и др.]. В настоящее время социолингвистика выделилась в самостоятельную отрасль языкознания, не сводящуюся к изучению фонетических особенностей произношения, а изучающую социальную вариативность на материале самых различных языковых и речевых феноменов.

Согласно определению в «Словаре социолингвистических терминов», «социолингвистика – отрасль языкознания, изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т. п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [ССТ 2006: 207]. Существуют и другие определения социолингвистики [Fishman 1971; Labov 1972; Trudgill 2000; Мечковская 2000]. Некоторые из них акцентируют внимание на междисциплинарной природе данной отрасли языкознания, развивающейся на стыке лингвистики, социологии, психологии и этнографии. Другие указывают на

специфический объект социолингвистики, подчеркивая, что данный раздел языкознания изучает связь между языком и социальными условиями его бытования. Эта традиция восходит к предложенному У. Лабовым определению социолингвистики как науки, которая «изучает язык в его социальном контексте» [Labov 1972: 4]. Гораздо реже приводится полное определение ученого, согласно которому «социолингвистика – это изучение характеристик языковых разновидностей, характеристик их функций и характеристик их носителей, поскольку эти три разновидности постоянно взаимодействуют, изменяются и меняют друг друга в рамках речевого сообщества» [Labov 1972: 4] (Перевод наш – *Р.А.*).

По мнению Дж. Фишмана, «социолингвистика изучает, как язык изменяется в зависимости от социальных факторов и как он используется для передачи социальных значений, отражая ценности, убеждения и идентичность говорящих» [Fishman 1971: 7]. Вторит ему и другой британский ученый, П. Традгилл, описывающий социолингвистику «как часть науки о языке, которая занимается его изучением как социального и культурного явления» [Trudgill 2000: 7].

В русле приведенных выше определений строят свои дефиниции и российские ученые [Дешериев 1977; Щвейцер 2011; Михальченко 2000; Мечковская 2000]. Анализ всех вариантов дефиниций показывает, что в них акцентируется тот факт, что данный раздел языкознания изучает связь между языком и социальными условиями его бытования. В известной степени все предлагаемые дефиниции переплетаются с «чистой» лингвистикой, или, как называла ее Дж. Коутс, лингвистикой «мейнстримной» [Coates 1993:4], занятой рассмотрением проблем структурно-системного характера.

Не вдаваясь в анализ сложной истории изучения проблемы соотношения языка и речи [см. подробнее Суркеева, Бисерова 2023], заметим, что основное различие между данными феноменами состоит в том, что язык представляет собой совокупную систему знаковых единиц вне зависимости от ее использования конкретными социальными группами или индивидами, в то время как

речь является реализацией языка в конкретных актах коммуникации. Принимая во внимание тот факт, что социолингвистические исследования направлены именно на изучение особенностей функционирования языка в границах определенных социальных групп, следует признать, что социолингвистику от «чистой» лингвистики отличает объект ее изучения, а именно – речь или речевое поведение определенных групп коммуникантов. Научный интерес социолингвистов составляют не структурно-системные особенности языка, а его различные социальные ипостаси, те особенности речевых практик, которые предопределяются социальными параметрами (возраст, пол, уровень образования, сфера деятельности, профессия и др.). Об этом говорит М.Н. Запорожец, указывающий, что социолингвистика «имеет дело с реальными людьми», а ее предметом выступает «функционирование языка, выявление факторов речи» [Запорожец 2014:11].

Говоря о социолингвистике как отрасли языкознания, необходимо обратить внимание на характерный для нее понятийно-категориальный аппарат, т.е. тезаурус, включающий специфические для данной науки термины. Как известно, каждая отрасль лингвистической науки имеет присущий ей терминологический глоссарий. Так, обязательным набором терминов фонологии являются фонемы, аллофоны, ударение, интонация и т.п.; когнитивистики – фреймы, слоты, идеализированные когнитивные модели и т.п.. Примечательно, что мы не найдем типичных, свойственных только социолингвистике терминологическим набором, что связано с многоуровневой направленностью ее интересов. Обнаруживая специфику любого из языковых уровней, – фонетического, морфологического, лексического или синтаксического, – проявляющуюся в речи той или иной социальной группы, социолингвистика использует характерные для соответствующих разделов термины и понятия. Соответственно, кроме популярной в США и Западной Европе социофонетики, можно говорить о существовании социолексикологии, социосинтаксиса, социопрагматики и т.п. Неслучайно В. А. Звегинцев говорил о «методической всеядности» социолингвистики и указывал на то, что ее методический аппарат представляет собой

«самое слабое ее место» [Звегинцев 1982: 255]. Однако отсутствие собственного категориально-понятийного аппарата является естественным, как мы показали выше, в связи с совпадением изучаемых феноменов, будь то фонемы, лексемы или синтаксические конструкции. Новизну в данную область языкознания вносят методики сбора и анализа эмпирических данных, которые свидетельствуют о том, что основу исследовательского интереса социолингвистики составляют именно речевые практики.

К основным социолингвистическим методикам следует отнести различные виды наблюдения, опросов или интервьюирования, а также способы и формы фиксации собранной информации и методики их анализа.

К самым распространённым в силу своей естественности следует отнести метод наблюдения за речевым поведением информантов. Для обеспечения достоверности получаемых данных чаще всего предлагается использовать включенное наблюдение, при котором исследователь не афиширует целей своего присутствия в группе, и сам становится участником наблюдаемой социальной группы. Еще У. Лабов писал, что «целью лингвистических исследований речевого коллектива является выяснение того, как говорят люди, когда за ними не ведется систематического наблюдения» [Лабов 1975: 121], что способствует сохранению аутентичности исследуемых речевых процессов. В силу объемности получаемых в ходе наблюдения сведений и сложности их преднамеренного структурирования чаще в рамках социолингвистики используются методы анкетирования или интервьюирования. Неслучайно российские ученые отнесли два данных метода к «направленным» методикам исследования, используемым, «когда исследователю нужны определённые речевые факты, которые сложно «выудить» из спонтанной речи [Беликов, Крысин 2001: 203].

Методы анкетирования, однако, применяются не только с целью выявления особенностей речевого поведения информантов, но и все шире практикуются в рамках собственно лингвистических исследований. Учет социальных параметров при проведении анкетирования вовсе не всегда свидетельствует о том, что мы имеем дело с социолингвистическими исследованиями

[Шкапенко, Абдуллаев 2024]. И.А. Стернин отмечает, что «лингвистическое интервьюирование – это исследование языка методом опроса об отдельных признаках языковых явлений», предполагающее «непосредственное обращение к языковому сознанию носителей языка с прямыми вопросами типа: Что значит эта единица? Различаются ли эти единицы по значению? Какую из этих форм вы предпочитаете? и т.п.»» [Стернин 2008].

Действительно, многие работы, предпринимаемые в русле «чистой», или «мейнстримной» лингвистики используют анкетирование, чтобы выявить не особенности речевого поведения, а особенности функционирования определенных языковых феноменов в сознании различных групп носителей языка. В то же время необходимо подчеркнуть, что целью социолингвистического анкетирования или интервьюирования является наблюдение не столько за содержанием ответов, сколько за их формой, способом формулирования высказываний представителей различных фокусных групп.

Еще большие возможности в расширении масштаба анкетирования предоставляют современные интернет-платформы, специализирующиеся на проведении анкетирования. К ним относятся отечественные платформы Survio, Forms.App, MyPoll, Анкетолог, а также иностранные Google Forms, SurveyMonkey, Typeform, Qualtrics и др. К наиболее популярным среди российских исследователей относится платформа для создания и анализа анкет survio (survio.com/en/), предлагающая интуитивный конструктор опросов с готовыми шаблонами и настраиваемыми вопросами. Процесс создания опроса начинается с выбора одного из шаблонов (более сотни вариантов), типа вопросов и настройки их параметров. Простотой в использовании отличается также российские платформы Forms.App (forms.app/), позволяющие создавать анкеты с различными типами вопросов, а также Анкетолог (anketolog.ru/). Принципиально важным для исследователей является также наличие в этих платформах встроенной аналитической системы, включающей базовые инструменты для визуализации результатов, широкие возможности для обработки и

анализа данных, в том числе автоматическое построение диаграмм и экспорт результатов в различные форматы для дальнейшего анализа.

В интервью основной задачей исследователя является сбор материала, представляющего собой образцы естественного речевого поведения, что достигается с помощью свободной беседы исследователя-интервьюера, задающего вопросы, стимулирующие нужные для поставленных целей исследования ответные реплики. В зависимости от конкретных целей исследования интервью делится на: (structured) структурированные, (semistructured) полуструктурированные и (unstructured) [Labov 1972; Milroy, Gordon 2003]. Структура классической анкеты представляет собой три блока: вводно-информативный, устанавливающий первичный контакт с респондентом; центральный, включающий в себя базовые вопросы закрытого, открытого или полужакрытого типа, непосредственно касающиеся предмета исследования; заключительный блок (паспортичка), направленный на сбор данных о социально-демографических характеристиках респондентов, таких как пол, возраст, уровень образования и другие параметры [Arbor 1976].

С целью фиксации беседы обычно используется аудиозапись. Она позволяет сохранить точное содержание беседы и обеспечивает возможность дальнейшего анализа. Важно учитывать, что перед записью респондентов следует предупредить об этом и получить их согласие, так как это влияет на этическую сторону исследования и доверие участников.

Заметим, что на заре социолингвистики еще не существовало строгих правил, относящихся к этике интервьюирования. Некоторые исследователи, в том числе У. Лабов, использовали скрытую запись на диктофон для изучения диалектов английского языка в Нью-Йорке [Pinker 1995:29]. В ходе групповых интервью У. Лабов во время перерывов также не выключал запись, о чем не информировал респондентов, что позволяло исследователю собирать релевантный материал в виде большого словарного разнообразия и фонетической вариативности [Лабов 1975: 121]. Однако в настоящее время в связи с

общемировой тенденцией к юридизации всех форм исследования практики скрытого наблюдения не допустимы.

При всех преимуществах интервьюирование не способно обеспечить полной свободы говорящего и, как следствие, использование полученных в его ходе материалов несет в себе опасность «искусственности» речи, ее скованности необходимостью выразить свою мысль в условиях ее фиксации на средствах аудиозаписи. Данный недостаток устраняется в условиях интернет-коммуникации, с характерной для нее анонимностью пользователя.

3.2. Пабрики как материал социолингвистических исследований

В эпоху информационного общества стремительное развитие интернет-технологий и появление новых онлайн-коммуникационных платформ обеспечивает социолингвистов «готовым» эмпирическим материалом для изучения особенностей речевого поведения коммуникантов. Технические параметры интернет-общения, в первую очередь, скорость печатания текстов и мгновенность обмена высказываниями привели к возникновению «устно-письменной системы речи в интернет-коммуникации» [Лутовинова 2008: 65]. Неслучайно пабрики, чаты и форумы, как жанры интернет-дискурса, становятся эмпирической базой для анализа различных аспектов функционирования языка: изучения изменений в лексике и грамматике в границах цифрового общения [Crystal 2011; Ляховская 2009; Мухин, Лозовская 2019 и др.], новых речевых интернет-практик, таких как троллинг, кибербуллинг и т.п. [Phillips 2016], связанных с ними нормативно-этических аспектов нетикета и сетевого общения [Антипов, Краснова 2012], оценочных речевых актов в интернет-каналах и их потенциала в рекламном дискурсе [Анисимова 2021; 2024], особенностей современного сетевого жаргона и изменений в языковой личности интернет-блогеров [Кронгауз 2013; Тихтиевская 2016; Кудрина 2019; Иркова 2022] и т.п.

В рамках изучения гендерной проблематики в онлайн-коммуникации анализу подвергались особенности гендерно-маркированного речевого поведения [Hills 2000; Горошко 2004, 2005, 2009; Митина, Воскунский 2005;

Максимова 2014; Молоторенко 2021; Цихисели 2021 и др.], способы диагностирования гендерной идентичности на основе никнеймов пользователей [Гукосянц, Хачересова 2013; Бондарькова 2015], роли гендера в условиях языковой игры [Якоба 2013], влияние гендерной и возрастной принадлежности на использование мультимодальных и паралингвистических интернет-средств [Teibowei 2024; Stadnyk, Herring 2024 и др.].

Проблемы теоретико-методологического характера были освещены в работе О.Б. Максимовой, поднимающей вопрос общего характера о том, «в какой степени и в каком смысле «виртуальная личность», которая конструируется в процессе сетевой коммуникации, может воспроизводить гендер «реальной личности», и допустимо ли в принципе приписывать гендерные характеристики «виртуальной личности» [Максимова 2014]. Апеллируя к опыту изучения гендерной идентичности различными учеными в интернете, автор соглашается с выводом, что «осознание себя в качестве представителя своего пола является наиболее устойчивой к социальным трансформациям подструктурой социальной личности» [Сепир 1993: 104].

Для материала, привлекаемого к изучению различных аспектов интернет-коммуникации, характерна изменчивость, обусловливаемая особенностями возникновения определенных жанров в интернете. Если проследить хронологию развития сетевого общения, то в восьмидесятые годы XX столетия оно ограничивалось лишь электронной почтой, новостными группами и чат-комнатами («chat room»). Однако в дальнейшем такие сервисы, как Yahoo!, MSN Groups, E-groups и другие начали предоставлять пользователям сетевые форумы. В 2000-е годы платформы LiveJournal, Friendster, MySpace и Facebook³, продолжили развивать формат интернет-групп как дискуссионных площадок. В это же время возникают первые попытки классификации жанров компьютерного дискурса [Garcia, Jacobs 1999; Галичкина 2001; Ульянова 2014; Ходонович 2019]. Предлагаемые классификации, однако, быстро

---

³ Проект компании Meta Platforms Inc. — в настоящее время запрещенная организация на территории Российской Федерации

утрачивают свою актуальность в связи со стремительными изменениями в сетевом дискурсе и рождением в нем новых форматов речевых практик. Наиболее общая, релевантная для сегодняшнего состояния интернета жанровая классификация включает в себя блоги, форумы, чаты и паблики.

Блоги (видеосервисы, электронные дневники) – жанр, предназначенный для персонализированного взаимодействия с аудиторией посредством регулярных публикаций в текстовом, фото или видеоформате. Характеризуются наибольшей степенью авторской позиции и субъективности в ряду других жанровых разновидностей. Форумы (дискуссионные площадки) – платформы для обсуждения конкретных тем, где пользователи могут делиться мнениями, задавать вопросы и вести дебаты. Структурируются по тематическим разделам и представляют собой преимущественно асинхронную коммуникацию.

Термин «чаты» (с английского: «непринужденный разговор, болтать» [CLDER]) используется для обозначения «компьютерно-опосредованной коммуникации в синхронной форме, в которой участники обмениваются сообщениями в режиме реального времени [Herring 1999]. Примером могут служить чаты в Telegram, WhatsApp, или других мессенджерах, где возможен диалог между двумя и более пользователями. В чате в наибольшей степени представлен гибридный формат письменного и устного языка, поскольку беседы имитируют разговорное взаимодействие в режиме реального времени. Как указывают Е.А. Подгорная и К.А. Демиденко, «при общении в чатах актуализируется вербальный компонент, который присущ устнопорождаемой речи, но в письменной форме [Подгорная, Демиденко 2014: 3].

Паблики – страница в социальной сети или канал в мессенджере, представляющие собой площадку для массового распространения информации и взаимодействия с аудиторией. Основной акцент делается на однонаправленную коммуникацию от администратора к подписчикам, однако, возможна и обратная связь через комментарии.

В качестве основных функций интеракции в пабликах выделяются развлекательная и информационная [Мельничук 2017: 197]. Вовлечение

аудитории в процесс коммуникации происходит за счет оперативности информации, которая появляется фактически мгновенно, подается в неформальном виде и включает большое разнообразие точек зрения. Пользователи получают высокую степень свободы самовыражения, поскольку нестрогие правила сообщества и модерация не предполагают серьезной цензуры, не ставят строгих ограничений в формулировании высказываний участников пабликов. Во многих сообществах участникам предоставляется возможность самостоятельно размещать посты, субъективно отражающие реальную действительность или актуальную политическую повестку. Такой контент достаточно часто оформляется в провокационной манере, способствующей возникновению и интенсификации общественного резонанса. Это, в свою очередь, стимулирует пользователей к активным дискуссиям, которые обнаруживают интересующее исследователя аутентичное речевое поведение.

С точки зрения социолингвистического исследования интерес представляет необходимость указания определенных социальных параметров в процессе регистрации. Процедура регистрации включает в себя введение псевдонима (никнейма) и электронной почты, однако пользователи по желанию могут вводить дополнительные сведения о себе. Сведения об участниках пабликов в социальной сети «ВКонтакте» отличаются по и объему запрашиваемых данных, что обуславливает более высокую степень доверия к информации, предоставляемой пользователями. При регистрации на сайте «ВКонтакте» пользователи для создания профиля обязательно вводят: номер телефона, адрес электронной почты, имя, фамилию, дату рождения. По желанию вводятся следующие данные: место жительства, образование (учебное заведение, специальность и год выпуска), работа (название организации и должность). Следует заметить, что пользователи социальной сети «ВКонтакте» могут искажать сведения о себе, однако существует также статус «верифицированной страницы» – синяя галочка на профиле, которая обозначает, что пользователь прошел процедуру верификации администрацией сайта и его данные соответствуют действительности.

Несмотря на высокую степень достоверности социолингвистических параметров в пабликах, они не столь часто становятся объектом лингвистических исследований. Чаще всего контент пабликов анализируется в медиалингвистике, избравшей городские паблики как один из основных материалов для изучения способов конструирования городской повседневности и культурного медиаландшафта [Мельничук 2017; Беленко, Мордвинова 2021, 2022 и др.]. Кроме того, в фокус внимания исследователей включаются паблики, посвященные сетевой литературе [Киктенко 2015; Крылова 2019; Сапанжа 2023], а также новостные паблики [Носовец 2014; Сибякин 2020; Дыбкина 2020; Дементьева 2023]. Примечательно, что до настоящего времени самые популярные, согласно статистическим данным, российские паблики («Леонардо Дайвинчик» (15 миллионов), MDK (12 миллионов подписчиков), «Пикабу» (3,1 миллиона) и «ВПШ» (2,3 миллиона), не становились объектом лингвистического анализа.

Выводы

Языковая модальность – сложная многоаспектная категория. Среди существующего многообразия концепций модальности наиболее емким и непротиворечивым представляется понимание модальности как функционально-семантической категории, содержательный объем и структура значений которой определяется пропозициональным (номинативным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами предложения.

К общепризнанным теоретическим положениям в области субкатегоризации языковой модальности является ее разделение на объективную (отношение высказывания к действительности) и субъективную (отношение автора к собственному высказыванию). Для современных работ в области изучения субъективной модальности характерно ее расширительное истолкование, в рамках которого отношение автора включает в себя также оценку объекта высказывания.

Отнесение оценки к одному из видов модальностей связано, с одной стороны, с переосмыслением типологических аспектов языковой модальности в рамках междисциплинарной парадигмы, с другой стороны, с экспансией аксиологического знания как сущностной, нормативно-ценностной составляющей всех механизмов субъективности языка. Кроме бытующих в теоретической литературе взглядов на соотношение модальности и оценочности в терминах родо-видовых отношений (шире/уже), в качестве обоснования для дифференциации аксиологической оценочности и модальности может быть предложен грамматический критерий, а именно: реализация аксиологической модальности только на предикативном уровне.

Важнейшими разновидностями субъективной модальности, в реализации которых способны в наибольшей степени обнаруживать себя гендерные отличия, является аксиологическая и метакоммуникативная модальность. Аксиологическая модальность отражает ценностно маркированное отношение автора высказывания к внеязыковому объекту и может быть охарактеризована как субъективно-объективная модальность, метакоммуникативная модальность – к формально-смысловой части коммуникации, отражающей отношение говорящего к манере, стилю или грамотности изложения.

Понимание метакоммуникативной модальности не должно сводиться к уровню собственного высказывания, как это заявлено в классическом определении модальности В. В. Виноградовым и другими учеными, но и должно включать модальную оценку чужих высказываний с языковой точки зрения. Такой расширительный подход в трактовке метакоммуникативной (метаязыковой) модальности представляется обоснованным в связи с логикой общения, в рамках которой собственная манера высказывания редко становится объектом авторефлексии.

Понятие «гендер», призванное ограничить биологический детерминизм пола в пользу представлений о его преимущественно социальном конструировании, образовало вокруг себя междисциплинарную парадигму гендерных исследований. Лежащее в их основе идеологизированное понимание гендерных

ролей привело к гиперболизации представлений о различиях в языке и коммуникации мужчин и женщин, релятивизации объективных социо-исторических причин языкового андроцентризма и к попыткам устранения фактов языкового андроцентризма в английском и других европейских языках. Лишь отдельные зарубежные ученые осознают факты излишней гендерной поляризации исследований и обращают внимание на преувеличение роли фактора гендера на речевое поведение в ряду других социальных параметров.

Гендерные исследования в российской лингвистике имеют вторичный характер и до определенного периода времени во многом осуществлялись в русле принятой на западе идеологии социоконструкционизма. Основными направлениями анализа являлись обнаружение гендерных асимметрий в системе языка и гендерной маркированности речевого поведения соответствующих групп носителей языка. Одним из наиболее значимых концептуальных результатов российской лингвистической гендерологии явилось признание учеными двухуровневой, онтологически обусловленной модели репрезентации человека в языке: на метагендерном (общечеловеческом) и гендерном (маскулинном и феминном) уровнях.

Включение гендера в состав основных социолингвистических параметров обуславливает необходимость изучения особенностей речевого поведения представителей различных гендерных групп в русле социолингвистических исследований. Социолингвистика, развившаяся из региональной диалектологии, не имеет собственного терминологического аппарата, так как исследует отличия речевого поведения различных социальных групп на различных языковых уровнях – от фонетики до лингвопрагматики, вследствие чего пользуется соответствующим терминологическим аппаратом. В то же время социолингвистика располагает собственным методическим инструментарием исследований, к которому относятся наблюдение, анкетирование и интервьюирование с учетом параметров социальной стратификации.

Пабрики представляют собой особую область реализации спонтанной устно-письменной речи, не связанной личностной идентификацией или

статусной дифференциацией, и предоставляют надежный эмпирический материал для изучения различных языковых фактов как в содержательном, так и в формальном аспекте. Гендерно-возрастная параметризация зарегистрированных пользователей создает естественные условия для проведения социолингвистических исследований специфики реализации аксиологической модальности и метакоммуникативной модальности. Уровень достоверности получаемых в интернет-коммуникации данных, в том числе в области гендерной идентичности виртуальной личности, имеет незначительную статистическую погрешность, что было выявлено на основе экспериментальных исследований зарубежных и российских лингвистов.

ГЛАВА II. ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭКСПЛИКАТОРОВ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАБЛИКОВ

§ 1. Гендерные особенности репрезентации субъективной модальности (на материале паблика МДК)

1.1. *Общая характеристика паблика МДК*

Паблик МДК был создан на платформе социальной сети «Vkontakte» в 2011 году и позиционировал себя как международное молодежное комьюнити, высмеивающее популярные тренды и человеческие пороки. Согласно Википедии, основная часть записей в группе представляет собой мультимодальный формат, включающий, кроме вербального контента, смешные картинки, мемы и демотиваторы на злободневные темы. При этом контент создают как пользователи, так и администрация сообщества [WIKI]. Несмотря на неоднозначное отношение к данному паблику (см. подробнее: НРЛ), он представляется релевантным для целей социолингвистического исследования, так как, во-первых, содержит информацию о социальных параметрах пользователей, во-вторых, затрагивает злободневные темы, отражая общие настроения и изменения, происходящие в массовом сознании. В широком смысле МДК – это явление современной интернет-культуры, давно вышедшее за рамки обычного молодежного паблика. Он олицетворяет собой дух времени, когда содержащиеся тексты, мемы и посты становятся не только способом развлечения, но и формой персонализированной социальной критики.

Общее количество участников, зарегистрированных в МДК на сегодняшний день, составляет 12 079 445 человек. Согласно данным, представленным на сайте и уточненным нами с помощью непосредственного обращения к администрации паблика, участники, указывающие в анкетных данных «женский пол» составили 3 237 291 человек (26,8 %), «мужской пол» - 8 842 154 человека (73,2 %). География участников представлена практически всеми регионами России, при этом 34% пользователей проживают в Москве, 16.1% в

Санкт-Петербурге, на третьем месте – жители Нижнего Новгорода и Екатеринбурга – по 8%. Средний возраст участников паблика: от 18 до 35 лет [vk.com/adverstingmdk 2024].

Первоначально ориентированный на развлекательный контент и юмористические публикации, данный паблик за годы своего существования приобрел значительную аудиторию, включающую представителей различных возрастных, социальных и гендерных групп. Несмотря на преобладание мужчин среди участников, сообщество является гетерогенным и включает разнообразные мнения, интересы и культурные установки.

Особый интерес с точки зрения социолингвистических исследований представляет собой деятельность администрации паблика, которая периодически инициирует обсуждения социально значимых тем, таких как гендерное равенство, права женщин и проявления дискриминации, гендерные стереотипы и другие вопросы, связанные с гендерной проблематикой. Данные темы вызывают широкий резонанс и активно обсуждаются участниками сообщества, что формирует богатую эмпирическую базу для анализа речевого поведения пользователей с позиции гендерной лингвистики. Спонтанная устно-письменная речь участников пабликов, представляющая собой эмоциональную реакцию на инициальную реплику модераторов, позволяет не только изучить установки и ценностные ориентации пользователей, их отношение к рассматриваемым темам, но и выявить особенности использования языковых средств представителями мужского и женского пола. Несмотря на то, что существует вероятность ложной гендерной самопрезентации, в том числе в рамках избранных пабликов, тем не менее статистическая погрешность, по исследованиям различных ученых, составляет в рамках сетевых сообществ порядка 3 – 5 % [Лорбер 1994; Тарасенко 2000].

В качестве одного из фрагментов в паблике МДК с целью анализа нами было выбрано обсуждение церемонии открытия XXXIII Олимпийских игр в Париже, а именно, – перформанса, визуализирующего новое, либерально-трансгендерное прочтение одного из сакральных артефактов христианства –

знаменитой картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Обошедшее весь мир изображение французской версии неолиберальной сакральности представлено ниже [france24.com 2024], на рис. 1.

Рис.2. «Представление на церемонии открытия Олимпийских Игр в Париже в 2024 году»

Перформанс, подготовленный режиссером Тома Жолли с участием в нем всех актеров «трансгендерной революции», в пародийном свете представивших «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи, вызвал бурную реакцию во всем мире. Свое возмущение эпатажной трактовкой христианских святынь выразили: глава Элладской православной церкви архиепископ Афинский и всей Греции Иероним, президент Турции, Реджеп Эрдоган, бывший президент США, Дональд Трамп, бывший президент России, Дмитрий Медведев, и многие другие официальные лица.

Не остались в стороне и участники публика МДК, высказавшие свое мнение в дискуссии 27 июля 2024-го года.

1.2. Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности (на материале публика МДК)

Общее количество участников обсуждения, инициированного репликой модератора МДК «Ничего необычного, просто кадры с церемонии открытия Олимпийских игр в Париже. Спасибо за внимание!» и представленным

изображением церемонии открытия Олимпийских игр-2024 г. в Париже, составило 176 человек, из которых, согласно регистрации, 135 мужчин и 41 женщина. Общее количество реплик в данном фрагменте составило 285 единиц (67 женских, 218 мужских), общее количество слов: 3200 лексических единиц.

Обращает на себя внимание сама формулировка инициальной реплики модератора, содержащей в препозиции утверждение «*Ничего необычного*», предполагающее возможность двоякого прочтения, – как прямого или как косвенного речевого акта, содержащего иронию, характеризующую в современных исследовательских работах как «имплицитную форму выражения авторской модальности, раскрывающей ценностные установки и интенции автора» [Булатая 2017: 5]. Вкупе с ярким визуальным представлением (рис. 1) данное высказывание послужило триггером для активного обсуждения участниками паблика.

Примечательно, что абсолютное большинство дискутантов составили мужчины (77%), женщины соответственно (23%). Анализ общих средств экспликации субъективной модальности показывает преобладание в них собственно оценочных значений, т.е. «многообразных значений, заключающих в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие/несогласие, принятие/непринятие, <...> положительную или отрицательную оценку; <...> разные виды волеизъявления (решение, призыв, побуждение, предостережение, угроза); удивление, недоумение или непонимание; стремление разъяснить или уяснить что-л.; выделить (акцентировать, подчеркнуть) что-л. в сообщении, сосредоточить внимание на ч-л.; представление чего-л. как подлинного или неподлинного, соответствующего или несоответствующего действительности» [РГ-80: 217-217].

В широком смысле понимается волеизъявление и другими авторами, включающими в эту сферу различные оттенки модального значения: намерения, готовности и попытки совершить действие, желания, согласия и др.. Все они объединяются общим моментом «волевого отношения субъекта к действию, осознаваемого субъектом, – независимо от того, какие обстоятельства

к этому привели, – как его собственное волевое побуждение» [Павлов 1998: 95].

Как было указано в параграфе 1.2.3. первой главы, аксиологическая модальность (далее АМ) относится к оценочным формам модальности, определяемым на основе критерия «хорошо/плохо». Для общей характеристики выявляемых средств АМ вне их соотносительности с гендерными различиями принципиально важно разделение всех реплик на положительные и отрицательные. Анализ аксиологической направленности всех высказываний показал, что отрицательные высказывания составили 92 %, положительные (3%) и нейтральные (5%). Позитивно окрашенные реплики встречаются исключительно редко и, как правило, провоцируют массовую реакцию неприятия или менее резко выраженного несогласия остальных пользователей.

Абсолютное большинство реплик представляет собой прямые речевые акты, в которых оценка со знаком минус или плюс выражается с помощью эксплицитных лексических средств. К наиболее частотным следует отнести атрибутивные конструкции оценочно-дескриптивного характера ($N_{1 \text{ sing}} + N_{\text{gen pl}}$). Статус предикативности данным единицам придает их функционирование в рамках отдельной реплики, размещенной под каждым из ников пользователей. Например:

Франсиско Консесау

Шоу фриков 😏

Денис Константинович

Бал фриков

В рамках структурированного таким образом полилога данные сочетания становятся регулярным способом выражения отрицательной аксиологической модальности. Особых гендерных асимметрий в использовании назывных предложений, в состав которых входят атрибутивное субстантивное сочетание, нами выявлено не было (54% у мужчин и 46% у женщин):

Александр Столяров

Цирк уродов

Александр Тырцов
Цирк уродов бл*ть⁴
Юрий Тропин
Парад даунов бл*
Лилия Севумян
Я не могу 🤪 Фрикшоу!
Денис Константинович
Бал фриков

Несмотря на то, что синтаксически данные реплики относятся к назывным предложениям, они выполняют не традиционную для данного типа высказываний номинативную функцию, а функцию характеризующую, выступая в качестве оценочных средств аксиологической модальности. Категорическое неприятие объекта оценки закодировано как в семантике составляющих лексических единиц, так и в грамматической структуре атрибутивно-субстантивных сочетаний (*шоу уродов, шоу фриков, парад уродов, бал фриков, фабрика уродов* и др.). Наиболее общее значение приименного родительного падежа было описано А. А. Шахматовым как «зависимое состояние субстанции от субстанции господствующей, выраженной в субъекте; различные оттенки в значении родительного падежа обусловлены характером тех отношений, в которых может стоять зависимая субстанция от субстанции господствующей» [Шахматов, 2001, с. 313—314].

Несмотря на то, что экспрессивно-оценочной доминантой в перечисленных выше сочетаниях является зависимое существительное множественного числа с резко негативной семантикой, выбор главного слова также не представляется случайным. С одной стороны, подчеркивается событийно-развлекательная сторона оцениваемого факта (*бал, шоу, парад, цирк* и др.), с другой стороны, имплицитным образом указывается на несоответствие перформанса традиционному уровню самого значимого в мире спортивного события. Кроме того, в отдельных номинациях указывается на тенденцию массового воспроизводства данного типа людей (*фабрика уродов*), а также на ассоциативные связи с сочетанием *гей-парад*.

---

⁴ Здесь и дальше гласные буквы е, и, у, я в обценных словах заменяются нами знаком *

Регулярно встречаются сочетания с собирательными существительными, имеющими резко выраженную пренебрежительную коннотацию, например:

Денис Григ
Шабаш фриков
Сергей Гаркавенко
Сборище гомо-хомо
Вован Яшин
Сборище пидарасов и бл*дей

Согласно толковому словарю русского языка С.Ю. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «*сборище* (разг. неодобр. Собрание людей; толпа.), *сброд* (разг. пренебр. Люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам)» [Ожегов, Шведова 1997].

Целый ряд аксиологических модальных значений репрезентирован с помощью однословных реплик, включающих в себя существительные, среди которых преобладают лексические единицы, обозначающие характер сексуальной ориентации с нейтральной (*гомосексуалисты*), или (гораздо чаще) пейоративной оценкой (*гомосеки*, *гомосьятина* и др.), часть из которых получает в русском языке статус ругательств (*п*доры*: 11 словоупотреблений), (*п*дарасы*: 4 словоупотребления). Согласно словарю русского арго В.С. Елистратова, «п*дор (1. Педераст, гомосексуалист. 2. Ирон. руг. П*дор гнойный)» [АРГО]. Данная характеристика получает самые разнообразные, в том числе окказиональные языковые варианты:

Дмитрий Никитин
Педота⁵;
Андрей Jokk
П*дорши;
Андрей Иванов
ПИДОРГИ, ФУУУ, ЧУТЬ НЕ ВЫРВАЛО ВОТ ОНА ЕВРОПА 🙄🙄
Denis Ij
Поэтому в следующий раз, шлифуй мимо педрос!
Славик Суровцев

Пусть все эти европедирасы двигаются в этом же направлении, и через поколение останутся нормальные люди с традиционной ориентацией.

---

⁵ Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография и пунктуация высказываний, размещенных в рассматриваемом паблике.

Обращает на себя внимание, что использование всех дериватов слова «педераст» является маркированным их исключительной М-принадлежностью⁶: из 24 случаев зафиксированы всего два случая употребления данного слова женщинами.

Кроме устоявшихся в русском языке разговорных лексических единиц с отрицательной коннотацией, в качестве негативной характеристики активно употребляется прямое заимствование из английского языка *фрики* (от англ. freak – 1. фанатик, человек, помешанный на чем-либо 2. урод, посмешище) [CRD], имеющее менее выраженную степень пейоративной эмоциональной окраски, однако имплицитным образом указывающее на чуждый характер именуемого явления. Нейтральный характер семантики обусловил ее одинаковое количественно употребление женщинами и мужчинами:

Олег Дегальцев

Фрики и уроды

Александр Максимов

**баениись.... Фриков набрали

Антон Бузмаков

*банутые фрики

Денис Константинович

Бал фриков

Станислав Урванцев

Если кто то скажет, при всей своей толерастии, что фрики это норм

Виктория Петухова

А какое отношение все эти фрики имеют к спорту?

Лилия Севумян

Я не могу 🤔 Фрикшоу!

Кроме данных оценочно-дескриптивных характеристик, нередко в различных распространённых или нераспространённых предложениях встречаются существительные общеоценочного значения⁷, обладающие негативной семантикой: *уроды* (12 словоупотреблений), *ублюдки* (3 словоупотребления),

---

⁶ Здесь и далее М в препозиции к характеристикам различного типа (М-реплики, М- характеристики и т.п.) используется в качестве сокращения Masculine, F в препозиции к характеристикам различного типа (F-реплики, F- характеристики и т.п.) используется в качестве сокращения Feminine.

⁷ Разделение модально-оценочной лексики на оценочно-дескриптивную и собственно оценочную присуще для работы В.Ю. Костюченко, модифицирующие термины, предложенные Н.Д. Арутюновой : общеоценочные и частнооценочные [Арутюнова 1988] .

ублюдища (2 словоупотребления), дауны (2 словоупотребления), всего 16 М-реплик и 5 F-реплики:

Александр Тырцов

Цирк уродов бл*ть

Дима Адиков

Может это историческая отсылка к цирку уродов?

Юрий Тропин

Парад даунов бл*

Аliy Matizhev

Хоть бы все ненормальные и психически неустойчивые, п*дарюги и остальная нечесть переехали с РФ, туда, где вот все эти ублюдища живут!!!»;

Надежда Крупская

Вот уроды.

Обращает на себя внимание, что усиление оценочной негативной экспрессии достигается в том числе за счет соответствующих суффиксов: - ища, - юги, используемых в составе «новых аугментативов» с целью «выражения гиперболической оценки, что объясняет их востребованность жанром комментария» [Шмелева 2023: 13].

Случаи использования обценной лексики в качестве крайне негативной оценочной характеристики персонажей олимпийского шоу составили 45 единиц, среди которых преобладают существительные бл*ди (11 словоупотреблений) и у*бки (5 словоупотреблений). При этом обращает на себя внимание тот факт, что авторы-мужчины не прибегают к графическим техникам эвфемизации отдельных букв, как это имеет место в женских репликах. Например:

Вован Яшин

Сборище п*дарасов и бл*дей

Дмитрий Гюрджиев

Бл*ди *баные, святого ничего не осталось

Bolltozar Xne

Неужели там людей совсем не осталось, чтоб разогнать этих у*бков 🏆

София Зерцалова

Всё ваше безумие, замешанное — на @бле!

Значительное количество М-реплик выражает свое негативное отношение в менее эмоциональной форме, посредством апелляции к другим персонажам или реалиям, чаще всего по метонимическому принципу – соотнесения церемонии с местом ее проведения во Франции, с населением – французами или с актуальным лидером – Эммануэлем Макроном.

Представим ниже целостный полилог, построенный на обсуждении с последовательным развитием ассоциативных смыслов:

Александр Машилкин:

Макрон лично отбирал фриков подстать своей жене/мужу

Евгений Самсонов

Какой макарон такие и игры...

Рома Волк

А что вы хотели от страны где эмблема петух

Viktor Topspin

Петушьё

Майкл Мэн

Такое могли себе позволить только французы

Инициальная реплика, содержащая ироническое указание на, как предполагается, трансгендерную природу супруги президента Франции (*жене/мужу*), провоцирует целый ряд высказываний обобщающего характера.

В качестве субъективно-модальных средств используются фразеологизированные предложения различной синтаксической конструкции, дающие эффект обобщения. Эффект усиления субъективной модальности достигается также за счет языковой игры, результирующей сниженной оценкой: *макрон* – *макарон* (на основе созвучия с существительным «макароны»), а также иронических отнесений к культурным символам Франции.

Риторический вопрос «А что вы хотели от страны, где эмблема петух» - получает еще более пренебрежительную форму ответа с помощью существительного «*петушьё*». Примечательно, что, если в национально-культурном коде французов петух (лат. *gallus*), избранный символом французской идентичности еще со времен Галлии (региона современной Франции), олицетворяет храбрость, гордость и патриотизм [Похлёбкин 2001], то в русском уголовном жаргоне «*петух*» обозначает пассивного гомосексуалиста, «самую презираемую категорию осужденных» [ТСУЖ]. Употребление собирательного существительного «*петушьё*» усиливает негативную оценку, указывая на распространенность гомосексуальной ориентации среди жителей Франции. Хотя современные словари не фиксируют значения этого слова, однако о его

употреблении в данном значении может свидетельствовать популярная фраза из творчества музыкального коллектива Биртман «Все диджеи *петушьё*» [УРЛ].

В комментариях членов сообщества встречаются также способы оценки посредством апелляции к историческим фактам:

Леон Кеннеди

Не знаю, я не эксперт, но именно из-за такой h*йни распалась римская империя

Особой приметой мужского полилога в данной ветке является его многократное обыгрывание с повтором первой части и варьированием второй:

Юрий Перфилов

Не знаю, я не эксперт, но именно из-за такой h*йни распались Соловьев с Гордоном

Димитрий Васк

Не знаю, я не эксперт, но именно из-за такой h*йни распались частицы атома

Роман Андропов

Димитрий, не знаю, я не эксперт, но из за такой фигни распалась Непара

Александр Борисович

Denis, Я не эксперт, но возможно Римская империя распалась из-за того, что вы в ж*пу *бались

Имеются и прямые соотнесения с Олимпиадой 1936 года, устроенной фашистской Германий:

Дима Адиков

Может это историческая отсылка к цирку уродов? Бородатая женщина, карлики, адовы жирухи? Гитлера например на открытии олимпиады шагали всякие атлеты и атлетки которые типо отсылали зрителя в эпоху древних германцев, ну у этих вот такая история это чисто гипотетически

Ответная реплика непосредственным образом говорит об отношении автора к угрозам прошлого и будущего:

Дмитрий Вредняков

Раньше боялись *наступления немцев* а сейчас боишься что п*дорасы на двигаются с европы 🤔

В качестве положительного примера ценностных ориентаций приводится эпоха СССР, период правления Л.И. Брежнева.

Дима Адиков

Но то что автор этого «шоу» обсаженный непонятно чем это прям очевидно. при *леониде ильече* эти люди бы все кончили в дурдоме

Резко отрицательная аксиологическая модальность передается не только с помощью разговорного окказионализма «*обсаженный*» в значении

«обкуренный, обдолбанный», но и подчёркивается с помощью размещения в начальной позиции акцентирующей частицы «но то что», а также разговорного варианта «прям», интенсифицирующего значение предикативного наречия «очевидно».

Достаточно частотными являются характеристики посредством апелляции к религии или другим высшим силам (7 – реплики женщин, 18 – мужчин). К ним относятся устойчивые сочетания, восходящие к библии или другим религиозным дискурсам:

Алексей Кучеров

Содом и Гоморра Чертовы содомиты. Где там второе пришествие...

Александр Седин

Не веди нас в искушение и избави нас от лукавого (цитата из молитвы «Отче наш»)

Serge Strahov

аузубилиахи мин ай шайтани раджим, бесмиляхи Рахмани рахим. Так правильно молиться надо 🙏

Иван Ефремова

Слава Богу, что не участвуем с этими с*ками

Высокочастотное использование модальных фразеологизмов, апеллирующих к господу и одновременно выражающих отношение к современной геополитической ситуации:

Владимир Работкин

Слава всевышнему что мы не участвуем в этом позоре

Иван Ефремов

Евгений, позор теле, который не понимает, что это уже не те игры которые были И к западным п*дарасам больше ехать не надо Слава Богу, что не участвуем с этими с*ками

Буда Пешт

Уберёг Господь что наши не участвуют...

Присутствуют также характеристики самих организаторов с точки зрения их полного отхода от сакральных институтов и христианских ценностей:

Дмитрий Гюрджиев

Бл*.... *б....., святого ничего не осталось

Сочетание обсценной лексики с констатацией факта полной десакрализации внешнего мира подчёркивает эмоциональность отношения адресанта.

В качестве средств аксиологической модальности выступают также другие прецедентные тексты, в основном, восходящие к кинематографу, например:

Николай Камелин

Были же люди как люди, и вдруг все стали кретины х/ф «Брат 2». 🤪

Ивана Миноянца

Остановите планету я сойду

использующего прецедентное высказывание из «Остановите Землю — я сойду» (англ. Stop the World – I Want to Get Off, дословно: Остановите Мир — я хочу выйти) – мюзикл Лесли Брикасса и Энтони Ньюли [Ливант 1968: 6].

Чаще всего обыгрывается название «Голодные игры» (англ. The Hunger Games), американской медиафраншизы, состоящей из научно-фантастических приключенческих фильмов-антиутопий, в которых освещаются ежегодные смертельные зрелищные соревнования, с обязательным участием подростков от 12 до 18 лет.

Игорь Лысенко

Это точно не голодные игры?

Костик Попов

Реально голодные игры

Как видим, вопросительный речевой акт с разговорной частицей *точно*, указывающей на сомнение в достоверности чего-либо и утвердительный речевой акт с популярным наречием-интенсификатором «*реально*» выражают одинаковую модальность отрицательной оценки путем соотнесения с единым прецедентным фильмом.

Часть реплик представляет собой точное цитирование из этого же сериала.

Алексей Дубровский

Мы начинаем голодные игры!

Александр Макаров

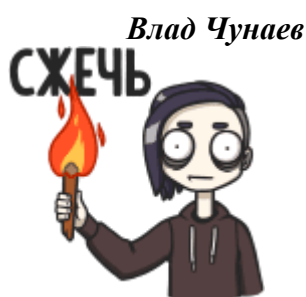
Да начнутся 75-ые голодные игры! И пусть удача всегда будет с вами!

В М-репликах намного активнее, чем в F-репликах, представлена сфера волеизъявления (речевые акты призыва, побуждения). Значительная часть М-высказываний данной сферы, независимо от конкретного типа речевого акта,

отражает призыв к уничтожению территории перверсий различными военными средствами. Значительная часть реплик (19 из общего рассматриваемого числа) представляет собой инфинитивно-побудительные предложения, в которых приказание обращено к «неопределенным лицам или вообще ко всякому, до кого оно касается» [Шахматов 1941: 81-83]. Например:

Игорь Гринь
СЖЕЧЬ НА..... В ЯДЕРНОМ ПЕПЛЕ!!!!

Типичный полилог с активным использованием речевого акта волеизъявительного типа выглядит следующим образом:

Максим Игоревич
Когда их всех сожгут уже ...
Станислав Урванцев

Если кто то скажет, при всей своей толерастии, что фрики это норм. Ну таких только убивать. Я вот сам лично, отношусь нейтрально к любым там гендерам и тд, но когда откровенно начинают в лицо тыкать безумием, ну тут только сжигать

Роман Донцов
Вот почему их нужно истреблять

Свойственная высказываниям с независимым инфинитивом безапелляционность и категоричность в других репликах смягчается с помощью частицы «бы», например:

Михаил Цветков
Я конечно не гомофоб, но это край. Просто напалмом все бы сжечь

Несмотря на сослагательность конструкции, выраженной с помощью инфинитива с модальной частицей *бы*, лексическое содержание сочетания «сжечь напалмом» вместе с наречием «просто», используемым в качестве

интенсификатора, свидетельствуют о преобладании в высказывании модальности побудительности⁸.

Эллипсис инфинитива в речевых актах данного типа смягчает модальность призыва к уничтожению, придавая ей оттенок желательности (частица *бы*) и даже некоторой мечтательности, отражаемой с помощью междометия *эх*:

Евгений Кургузов

Туда бы фаб 9000

Yuriy Kosenkov

Эх туда бы кассетный снаряд какой-нибудь

Модальность уверенности в неминуемости выполнения желаний выражается в высказываниях других дискутантов, использующих в качестве средств усиления наречие со значением неизбежности «непременно» и императивный призыв к автору предыдущей реплики в форме глагола второго лица:

Александр Хорошко

«Игорь, Непременно сгорят все в ядерный пепел. Не сомневайся. Вопрос времени».

В большинстве высказываний данной группы адресат, он же потенциальный исполнитель, лишь подразумевается, и только в единичных репликах эксплицируется с помощью использования имени или отчества президента РФ В.В. Путина, например:

Николай Суханов

Володя ты знаешь что делать 🚀🔪

Себастьян Перейро

Владимирыч может *банем разок?

Использование вопросительной формы вместе с вводным словом «*может*» придает вопросу модальность вероятностного, желательного предложения, агрессивный смысл которого передается с помощью обценной лексемы.

Форму вопроса-предложения имеет и единственное F-высказывание в этой ветке диалога:

Vasilisa Kormishina

Можно 2 ракеты туда, и чтобы больше не видеть этого? 🇺🇸🇺🇸🇺🇸

---

⁸ О пересечении модальности побудительности и желательности см. подробнее в диссертации «Побудительная модальность и способы ее выражения в современном эрзянском языке» [Шепелева 2005].

Побудительная модальность в форме императива второго лица множественного числа и единственного числа встречается гораздо реже, нежели инфинитива, например:

Юрий Александрович

Закройте уже это окно в Европу. Навсегда!!!

или

Саша Саша

Галя, тащи базуку!» «Ща будем мочить всю эту гомосятину!»

где модальность агрессивного призыва смягчается иронической окраской, – намеренной стилизацией под разговорное «ща» и употреблением суффикса модально-экспрессивной окраски - *ятина*.

Объект обсуждения вызывает потребность в активном использовании в качестве средств субъективной модальности первичных междометий. В соответствии с классификацией А. Вежбицкой, междометия принято делить на эмотивные, когнитивные и волитивные [Вежбицкая 1999: 618]. Самым высокочастотным в данной дискуссионной ветке является использование междометий *фу* и «*бе*» со значением отвращения. При этом женщины чаще используют междометие *бе* (6 реплик), мужчины *фу* (8 реплик), хотя эта разница не является принципиальной.

Согласно словарям, *фу* выражает «укоризну, досаду, презрение, отвращение» [Ожегов], *бэ* – в толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова характеризуется как свойственное речи детей: «(детск.). Плохо, гадко» [Ушаков]. Однако в случае анализируемых реплик не возникает сомнений, что оба данных междометия употребляются именно как способ выражения интенсивного нравственного отвращения, что подтверждается как контекстом, так и в еще большей степени соответствующими эмоджонами 🤢, 🤮 и 🖕:

Ксения Кириллова

Стас, ну когда ОНО скачет с сиськами и бородой это как бЭ норм да...да тут в целом не для здоровых умом людей картина 😂

Андрей Иванов

ПИДОРГИ, ФУУУ, ЧУТЬ НЕ ВЫРВАЛО ВОТ ОНА ЕВРОПА 🖕🖕

Денис Гизатуллин

Фу бл.. 🤢

Виктория Петухова

А какое отношение все эти фрики имеют к спорту? Френчи явно переборщили с «креативом». Фу..

Анжелика Анжелика

Совсем не зрелищно, противно смотреть, бе

Алексей Кучеров

Содом и Гоморра 🤢🤮

Кроме эмоджикона 🤢 со значением «рвота (face vomiting)» для обозначения сильного отвращения, в рамках дискуссии активно используются еще более выразительные изображения соответствующих рвотных процессов:

Артём Алексеев

Вячеслав Манаков

Только мужчины употребляют междометия как маркеры вражды. Так, в реплике «*Опа*, это же тир» междометие «*опа*», используемое чаще всего как «восклицание со значением неожиданной встречи и способное выразить удивление, злорадство» [РАСМ], демонстрирует готовность коммуниканта, нашедшего жертву, к ее уничтожению. Очевидно, сходные эмоции негодования, злорадства или угрозы, выражаются и посредством употребления междометия *ааа*....

Николай Яшин

Аааа, садомиты

Гриша Измайлов

Бодхи, ааа бородатый гомосек

Еще чаще используются вторичные междометия, то есть те, которые способны функционировать и как денотативная лексика, и как средства эмоциональной реакции на некий стимул. Кроме вторичных междометий, эту же

функцию выполняют другие клишированные фразы, терминологизируемые различными учеными как «фразорефлексы, коммуникативы, релятивы, специальные коммуникативные единицы» и др. [см. подробнее Шкапенко 2011].

Их состав постоянно пополняется как за счет собственных источников метафорической природы (*дно, дно пробито, край, жесьть*), так и за счет заимствований из английского языка (*треш, кринж*). Всего нами зафиксировано 24 реакции, 9 F-реакций, 15 M-реакций с использованием данных средств, из которых женщины не употребляют только вторичное междометие «жесьть», например:

Сергей Чесноков

какой же кринж

Дмитрий Гальчин

Жесьть» Vladislav, ну реально же похоже. Раньше думал что в фильме жесьть, а теперь это уже в реальности 😊

Михаил Иванов «Дно пробито» 🧑

Аля Салихова

Наша страна ничего не потеряла не участвуя в них. Это просто дно, мракобесие»;

Михаил Цветков

Я конечно не гомофоб, но это край

Дмитрий Ворон

И казалось бы это уже дно но они же его пробьют» и др.

Обе метафоры «*край*» и «*дно*» символизирует точку невозврата, за которой общество, по мнению говорящих, полностью утрачивает свою моральную основу. Приведем для сравнения реплики с эксплицитным выражением аксиологической модальности:

Александр Древницкий

Деграция ниже плинтуса....

Алексей Сатик

Мракобесие...

Отметим, что несмотря на предельную интенсивность негативной оценки в данных реакциях, участники нередко сопровождают их средствами акцентирования различного рода: синтаксическими, лексико-морфологическими (*какой же кринж, это нереальный кринж, кринжовее не может быть*) и даже интонационными, передаваемые в условиях письменной фиксации устного текста с помощью мультиплицирования гласных звуков:

Александр Вилков

Та ну неет ну неет

Владимир Высокий

П*пееееец

Андрей Иванов

П*ДОРГИ, ФУУУ, ЧУТЬ НЕ ВЫРВАЛО ВОТ ОНА ЕВРОПА 👎👎

Несмотря на существующие гендерные стереотипы о большей эмоциональной насыщенности женской речи [Шрамко 2019 :52], примеры графического удлинения гласных в репликах женщин нами обнаружены не были. Вполне вероятно, меньшая эмоциональность высказываний женщин в данном паблике обусловлена их меньшей вовлеченностью в проблему гомосексуальных отношений, которая в Россия всегда маркировалась преимущественно отношениями мужчин [см. подробнее Шкапенко, Шаповаленко 2021: 131-133]. Эмоциональная индифферентность женских высказываний прослеживается также в репликах, эксплицитно выражающих свое безразличное отношение, например:

Татьяна Константиновна

Пофиг

Alona Polha

Не колышет

а также в высказываниях, ограниченных только диктумом, констатирующим факты, например:

Stanislava Konstantinova

Европа деградирует.

Кристина Смирнова

Здравый смысл закончился. И это не хэппи энд.

Елена Шевцова

20е годы 21 столетия прям бум и расцвет п*дорасии в Европе. И это при большом наплыве беженцев.

Наталья Князева

Больше на Евровидение похоже, где одни клоуны 🙄

Карина Галямова

Для этого всего сброда можно было и не наводить порядок в париже 😏

или сводящим оценочную часть высказывания к акцентирующим частицам или эмотиконам:

Надежда Крупская

Вот уроды (с)

Наталья Болтенкова

Вот такая теперь олимпиада 🙄

Анна Николаевна

Прям как в Капитолии 😞

Ольга Кан

Кринж

Особую зону гендерной маркированности в рамках данной группы представляет собой пласт обценной лексики, используемой в функции вторичных междометий-восклицаний. Лишь 16 % F-реплик включает в свой состав обценные средства, в то время как общее число бранной лексики составило 45 единиц.

Кирилл Шинкарев

Пи.... ец

Антон Кондратьев

*.....ть 😞

Тимур Драковцов

*...ть»

Александр Максимов

**....нишь.... Фриков набрали⁹.

Нередко присутствуют случаи использования обценизмов как своего рода дискурсивных слов, привычным образом заполняющих паузы в речевых практиках неофициальной речи, но в данных случаях передающих одновременно эмоции возмущения, злости или негодования:

Тимур Потемин

Это блэть смурфик

Александр Тырцов

Цирк уродов бл...ть. Это не нам от них надо изолироваться, это их надо изолировать от нормального мира

Существуют и отдельные игровые формы образования междометий путём синтаксической склейки английского многосоставного выражения *Jesus Fucking Cries*:

Владимир Погребной

Чизусфакингкрайс!

---

⁹ Пропуски букв сделаны нами, внутри текста полностью сохраняется написание обценизмов.

Обсценная лексика широко представлена не только в виде междометных восклицаний, но и в качестве различных синтаксически связанных членов предложения, общее число словоупотреблений бранной лексики составило 45 случаев, из них – только 7 в F-репликах, в которой одна из гласных заменена на интернет-символ @. Для M-реплик характерно полное воспроизведение обсценной лексики без эвфемических замен букв:

Александр Калинин

Это п@здец товарищи

Никита Николаев

Они там совсем *бнулись уже

Александр Тёщин

Они там вообще *банулись 😞

Александр Кириллов

Евгений, каким враньем? То что в открытие ои участвовали п*доры? Алкаш *бучий

Evgeniy Porodin

Мутанты @баные

Иван Иванов

Это долбо*ба тоже туда заберите и не возвращайте

К активным средствам экспликации негативной аксиологической модальности следует также отнести приемы языковой игры. Отдельные из таких лингвокреативных употреблений уже получили широкое хождение (*гей-европа, толерасты, либерасты, европедерасты*); другие, как можно предположить, представляют собой спонтанный плод окказионального смыслопроизводства, например: «*пидорги*», «*пидорши*», «*педолимпиада*», «*педоигры*» и некоторые другие. Лингвокреативность, по данным анализируемого публика, присуща и мужчинам, и женщинам в равной степени (44% F-реплик и 56% M-реплик, соответственно), но всегда направлена на выявление скрытых негативных смыслов. Например, в результате деконструкции слова *олимпиада* на две составные части или контаминации существительного *киборги* и *пидеры* получаются следующие игровые словообразования:

София Зерцалова

Наталия, олимп — ада! 🔥😡👍🔥

Андрей Иванов

П*ДОРГИ, ФУУУ, ЧУТЬ НЕ ВЫРВАЛО ВОТ ОНА ЕВРОПА 🙌🙌

Регулярно воспроизводимым в М и F репликах стали окказиональные образования с помощью сложения основ «педо-» и «фрик» с другими основами, например:

Артём Хорев

Педо-игры в Париже! ссс

Лилия Севумян

Я не могу Фрикшоу! Педолимпиада какая-то

Модальность резкого неприятия, характерная для абсолютного большинства высказываний в данной ветке обсуждения, ограничивает использование таких средств выражения субъективной модальности как сомнение или неуверенность, и в то же время предполагает использование средств акцентирования, подчеркивания своей мысли, правильности своей оценки или неверности чужого утверждения. В качестве средств усиления модальности чаще всего используются универсальное для обоих полов наречие-интенсификатор *реально*, а также разговорная форма наречия *пряма*, присутствующая в женских репликах:

Даниил Якименко

Реально страшно, до чего дошли...

Евгений Карпов

Vladislav, ну реально же похоже. Раньше думал что в фильме жесть, а теперь это уже в реальности...

Анна Николаевна

Пряма как в Капитолии

Елена Шевцова

20е годы 21 столетия пряма бум и расцвет пидорасии в Европе

Таким образом, в рамках данного фрагмента отрицательные модальные оценки составили 92% (из них мужчины 71%, женщины 29%), нейтральные 5% (из них мужчины 10%) и положительные 3% (из них мужчины – 4%). Преобладание М-реплик в данном тематическом сегменте связано с резко отрицательным отношением именно мужчин к проблеме легитимизации гомосексуальных отношений, о чем свидетельствует использование ими огромного количества различных пейоративных или обценных номинаций лиц с гомосексуальной ориентацией. Из 82 случаев употребления пейоративной или обценной лексики данной семантики женские реплики составили только 9, с

преимущественным употреблением заимствованного из английского языка существительного «фрики».

Несмотря на обычно фиксируемую многими исследователями большую эмоциональность женского речевого поведения, именно мужские реплики в данном фрагменте отражают экспрессивное, категорическое неприятие навязываемых западной идеологией норм сексуальных отношений, в то время как женские реплики имеют преимущественно форму безэмоциональных утверждений, констатирующих факты (*Европа деградирует; Здравый смысл закончился. И это не хэппи энд* и т.п.).

В качестве эмоциональных маркеров, усиливающих аксиологическую модальность, чаще всего выступают обценнизмы, используемые как в виде существительных в целях номинации участников перформанса (38 – мужские реплики, 7 – женские), так и в форме вторичных обценных междометий (28 – мужские реплики, 4 – женские). Для F-реплик в большей степени характерно обращение к нейтральным клишированным предикатам, выражающим отрицательную аксиологическую модальность менее экспрессивным образом (*треш, кринж, дно* и др.).

Именно мужчинам в большей степени свойственно использование наречий-интенсификаторов: *совсем, вообще, реально, в разы, очень* и др., а также общеоценочных прилагательных: *плохой, ущербный, ужасный* и др. (15 – мужские реплики, 4 – женские), а также эмотивных междометий: *ай, ой, ах, эх, ух* и др. (22 – мужские реплики, 8 – женские). Симптоматично, что только мужчины активно используют эмотиконы, выражающие максимальную степень отвращения: 🤢, 🤮 и 🤦 (15 – мужские реплики, 0 – женские).

В сфере волеизъявления для мужских реплик характерны в гораздо большей степени речевые акты побудительной модальности в форме императивных инфинитивных предложений (21 – мужские реплики, 4 – женские). При этом аналогичное содержание женщины предпочитают оформлять в виде высказываний с модальностью желательности, чаще всего в форме безглагольных предложений с частицей *бы* (8 женских реплик).

Обращение к прецедентным высказываниям как косвенный способ выражения аксиологической модальности в большей степени присуще мужчинам. При этом используемые мужчинами прецедентные тексты отсылают чаще к историческим и геополитическим реалиям (13 – мужские реплики, 2 – женские), в то время как женщины предпочитают использовать цитаты из фильмов (9 – женские реплики, 5 – мужские).

Лингвокреативность (изобретение окказиональных лексических единиц) примерно в равной степени присуща и мужчинам, и женщинам (9 случаев – в мужских репликах, 7 – в женских).

1.3. Гендерные особенности репрезентации метакоммуникативной модальности (на материале паблика МДК)

К основным значениям, формирующим область метакоммуникативной модальности в пространстве данного фрагмента паблика, относятся отношение к собственному высказыванию, с одной стороны, и отношение к высказыванию другого участника коллективного обсуждения, с другой. Ко второй группе межличностной реализации метакоммуникативной модальности относятся:

- отношение к смысловой (оценочной) части высказывания;
- к манере, стилю, грамотности выражения мысли (орфографии);
- к самому коммуниканту как к автору оцениваемого высказывания.

В общем смысле метакоммуникативная модальность может выразить похвалу, одобрение, неодобрение, опровержение и т.п.

Реплики, реализующие значения метакоммуникативной модальности, составляют незначительный процент среди общего количества реплик в данном паблике (12 % мужских реплик, и 0,3 женских). Однако именно в них в большей степени проявляются гендерные различия в выборе средств выражения модальности. Во-первых, в случае негативной оценки смыслового содержания реплики коммуниканта мужчины предпочитают использовать средства

побудительной модальности, указывая те действия, которые надлежит осуществить адресату, чтобы улучшить состояние своих знаний, грамотности, степени осмысления событий и т.п. Зачастую категоричность данных высказываний с глаголами второго лица единственного числа усиливается посредством обращений, включающих в себя различные пейоративные лексические средства, например:

Александр Борисович

Учи историю, щегол! Поэтому в следующий раз, шлифуй мимо педрос!

При этом на способ экспликации своего негативного отношения к адресату не влияет его гендерная принадлежность. По отношению к женщинам реплики, указывающие на неадекватность их оценочных высказываний, выглядят примерно одинаково:

— *Понтий Пилат* — София, таблетки прими мать

— *София Зерцалова* — Понтий, ни в коем случае! 🙄😏

Женщины гораздо реже вступают в межличностные диалоги метакоммуникативной направленности, и даже в том случае, если они выражают свое негативное отношение, то предпочитают использовать стратегии митигации, «закрывающиеся в устранении или нейтрализации нежелательных перлокутивных последствий речевых актов» [Тунян 2022: 156]. Обращает на себя внимание активное использование диминутивных суффиксов, передающих сожаление в связи с тем, какое мнение выражают коммуниканты. Например:

Анна Фишер

Евгений, ты дурачок? 🤔

София Зерцалова

Ты, что такое несешь глупенький, может водички попить и успокоиться?»;

Анна Николаева

Ну ты и чудик, конечно... без обид... 😞

Не соответствующая общей отрицательной аксиологической направленности реплика Софии Зерцаловой о том, что ничего особенного она в этом перформансе не видит, встречает отпор в виде высказываний, в которых указывается на «слабоумие» участницы. Это могут быть косвенные речевые акты побудительной модальности («София, таблетки прими мать») или реплики, содержащие сниженную или оскорбительную лексику:

— **София Зерцалова** — Владимир, ой, ли?! 😞 Здесь творится всё то же самое, только — в СКРЫТОЙ ФОРМЕ, а не — в открытой, как там. Это — единственное различие. И даже, в разы — злее и кринжовее.

— **Понтий Пилат** — София, таблетки прими мать

— **Матвей Спектаренко** — София, эх как бы ты не старалась прикрыть это мракобесие, тут уже даже тупорылая соя(ты) бессильна 🙄

Если первый участник косвенным образом дает понять, что считает участницу дискуссии неадекватной и обращается к ней с помощью просторечно-сниженного «мать», то другой выражает сожаление с помощью междометия эх по отношению к ее позиции, связанной с отсутствием ума, что обозначается с помощью оскорбительного прилагательного «тупорылая».

Негативная оценка высказывания коммуниканта зачастую принимает форму клишированных вопросительных высказываний риторического характера, в которых выражается подозрение в неадекватности собеседника, если он высказывает определенное мнение, например:

— **Василий Пупкин** — Евгений, как у Вас получается от санитаров телефон прятать?

— **Дмитрий Полукаров** — Евгений, а ты там на открытии, случаем не принимал участие? Может это ты баба бородатая?

В рамках межличностной М-М коммуникации использование оскорбительной лексики различного рода представляет собой обычный стиль общения. Достаточно широко распространены утвердительные высказывания, напоминающие детский дискурс вражды: «сам такой» или «я с такими не разговариваю», например:

Александр Борисович

Denis, с пидорасами не разговариваю.

Александр Борисович

Denis, да в целом с тупоголовыми нет смысла вести беседу

Речевые акты, оценивающие содержание высказывания с точки зрения неадекватности выражаемого в нем смысла, могут также получать форму риторических вопросов, например:

Бодхи Саттва

Завидуйте молча

Владислав Тановицкий

Бодхи, чему?

Felipe Melo

Бодхи, завидовать отсутствию мозга?

Одновременно высокочастотны и позитивно окрашенные высказывания, выражающие похвалу как смыслу высказывания, так и его языковой оформленности. Чаще всего это некие остроумные, по мнению комментаторов, высказывания, на что указывают сопровождающие их эмодзи, визуализирующие похвалу, а также радостный или саркастический смех, например:

Михаил Александрович

Андрей, красава 🤔

Антон Никулин

Андрей, хорош 🤔👍

Vladislav Alekseevich

Евгений, хорош, только хотел подобное скинуть 🤔

Генрих Миллер

Евгений, красава)

Исключительно мужской (всего 5 реплик) приметой является использование когнитивных междометий, кодирующих различные стадии или особенности протекания мыслительного процесса: «мда» и «эмм» (выражают озадаченность, недоверие, задумчивость), или «дк» (от дескать, или просторечного с «то же, что так; дак; да») [БАС].

Дмитрий Дудин

Эмм. Может поэтому Раша и не участвует в этой вакханалии и уже *по моему конечно мнению*

Иван Третьяков

дк они замаскировали это под эгиду толерастии

(от дескать, или просторечного с «то же, что так; дак; да») [БАС].

Некоторые мужские высказывания перенасыщены интеръективными фразами, включая обценные междометия:

Vladislav Alekseevich

Мда, бл..., ах..., поеду я отсюда

В вышеприведенной реплике использование гендерно маркированного женским употреблением междометия *ах* [Вежбицкая 1997] выражает ироническое отношение к тем, кого столь сильно задевает падение нравственных устоев на западе.

Ирония характерна и для других реплик, негативным образом оценивающих высказывание коммуниканта как с содержательной, так и с аксиологической точки зрения. Так, в посте «*Александр, тебя это беспокоит? хочешь поговорить об этом? разобраться в себе... Не стесняйся голубок, расскажи о своей печали!*», его автор обращается сначала к коммуниканту по имени, а затем с помощью аллюзий, содержащихся в слове «*голубок*», апеллирующих как к значению влюбленной пары с слове «*голубки*», так и к пейоративному смыслу разговорного субстантивированного прилагательного «*голубой*», призывает адресата признаться в своей принадлежности к определенной группе сексуальных меньшинств. Включение в пост калькированного американского вопроса «*Хочешь поговорить об этом?*» не только выстраивает целую цепь иронических средств аксиологической модальности, но и служит в качестве средства объективации оппозиции «свой/чужой» между американским миром с характерными для них «*come out*» и миром традиционных представлений об этике интимных отношений в России.

Оценка сообщаемого с точки зрения степени достоверности, убежденности в абсолютной правильности или, напротив, в наличии сомнений в собственной правоте находит выражение лишь в незначительной части высказываний. При этом традиционно причисляемые к данной группе вводные слова или предложения «*наверное, надеюсь, думаю, полагаю, пожалуй, кажется, думается, видимо, по-видимому*» и т.п. используются крайне редко, например:

Стас Старовойтов

Ксения, не знаю, я посмотрел, и у меня это не вызвало ни негатива, ни восхищения. Спокойно ко всему относиться это наверное не каждому дано

Алексей Зражевский

Надеюсь от нас туда никто не поехал, это дичь

Дмитрий Дудин

Эмм. Может поэтому Раша и не участвует в этой вакханалии и уже (по моему конечно мнению) не человеческому п*здецу 🤔🤔

В то же время в качестве регулярного средства оценки степени достоверности собственного высказывания выступают вводные предложения, построенные по модели «подлежащее и именное сказуемое с отрицательной

частицей «не», намеренно снижающие собственный статус говорящего и смягчающие категоричность высказывания, например:

Леон Кеннеди

Не знаю, я не эксперт, но именно из-за такой h*йни распалась римская империя

Мер Рыбкин

Я не эксперт, конечно, но это не Тайная вечеря

Михаил Цветков

Я конечно не гомофоб, но это край. Просто напалмом все бы сжечь

Сергей Уткин

Я не знаток, но здесь знаний особых и не требуется

Указание на свой статус с целью аргументации своей правоты, напротив, встречаются чрезвычайно редко, например:

Андрей Илли

Наша Олимпиада это про спорт, их Олимпиада это продолжение Евровидения, мерзость и разврат. Глумление сразу над всеми видами спорта. Говорю, как спортсмен.

Несмотря на то, что несоблюдение орфографической нормы является традиционным для интернет-коммуникации, тем не менее в публичке регулярно встречаются высказывания непосредственно метаязыковой модальности. Их особенностью является обращение внимания на искажение написания известных названий или ошибки культурологического характера, при этом в качестве средств метаязыковой модальности выступают косвенные речевые акты, например:

Егор Палыч

Напомните что стало с садомом

Гошка Васильев

Егор, такого города не было в природе

Максим Самарский

Европа страна гомиков и лесбиянок

Sam Sebe

Максим, есть такая страна Европа?

Несогласие с общим тоном высказываний находит отражение в репликах, оценивающих всех членов сообщества или дающих строго определенную оценку их высказываниям, например:

Евгений Владимиров

Ватный мдк бомбит

Евгений Романов

неужели реально думайте, что спортсмены и адекватные здравомыслящие люди поверят в вашу блевотню и продажные коменты о том, что ОИ отстой и наша РФ великая???

Виктор Артемьев

После таких зачётных комментариев даже жалко стало этого добряка Евгения...

Alex Flex

Вброс для слабоумных

Саня Купцов

Тупо из ада коммент

Подобные комментарии составляют незначительную часть в пространстве данного паблика, однако чаще всего выступают в качестве средств объективации оппозиции «свой/чужой», указывая на недостаточную образованность, или на занятие адресатом реплики подозрительно толерантной позиции по отношению к объекту обсуждения.

В целом, гендерные различия в метакоммуникативных репликах в наибольшей степени проявляются в сфере волеизъявления. В ситуациях критической оценки высказываний собеседника мужчины чаще прибегают к побудительным конструкциям. Вместо прямого осуждения предлагают адресату конкретные действия с целью исправления ошибок: повышения грамотности или более глубокого анализа ситуации («Учи историю, щегол», «Учи матчасть» и т.п. (мужчины 96%, женщины 4%). В речи мужчин критика нередко принимает форму прямых или косвенных речевых актов, в агрессивной манере указывающих на интеллектуальную несостоятельность собеседника («Ты вообще соображаешь?»; «Это уровень детского сада»; «Таблетки прими мать!») и т.п.). Женщины в аналогичных ситуациях предпочитают тактики митигации (смягчения), активно используя уменьшительные суффиксы (*дурачок, чудик, глупенький* и т.п.), выражая сожаление или снисходительность по поводу позиции оппонента (женщины 89%, мужчины 11%).

Выражая свое мнение о высказываниях коммуникантов, мужчины крайне редко используют вводные конструкции с модальностью сомнения или неуверенности (*кажется, возможно*), предпочитая категоричные утверждения, формирующие неравностатусный коммуникативный стиль. Высокочастотной становится оскорбительная лексика, причём мужчины часто воспроизводят паттерны детского противостояния («Сам дурак!», «Я с тобой не общаюсь» и т.п.). Отличительной мужской особенностью в данном фрагменте

является также использование когнитивных с междометий, эксплицирующих протекание мыслительного процесса: *мда, эмм, дк* и др. (мужчины 100%, женщины 0%).

§ 2. Гендерные особенности репрезентации субъективной модальности (на материале паблика НТВ «Место встречи»)

2.1. Общая характеристика паблика НТВ «Место встречи»

Паблик «Место встречи» НТВ в социальной сети «ВКонтакте» представляет собой официальную страницу одноимённой общественно-политической телепередачи, выходящей на российском телевидении. Данный паблик функционирует как площадка для взаимодействия зрителей, предоставляя возможность обсуждения актуальных тем, затронутых в эфире [ntv.ru 2024]. Контент страницы включает анонсы передач, видеоматериалы, ключевые цитаты участников дискуссий, а также опросы, направленные на выявление общественного мнения [vk.com/mesto_vstrechi 2024].

Всего зарегистрированных в паблике участников 24 736 человек. Женская часть аудитории представлена в количестве 11 873 человека (48% от общего числа пользователей), а мужская часть 12 863 человек (52% от общего числа участников). Средний возраст пользователей, зарегистрированных в паблике, составляет 27 - 45 лет.

Комментаторская активность пользователей паблика демонстрирует высокий уровень вовлечённости аудитории в обсуждение острых социальных, политических и культурных вопросов. Характер общения варьируется от конструктивного диалога до эмоциональных высказываний, что создаёт уникальные условия для анализа речевого поведения в рамках интернет-дискурса.

В материал нашего анализа вошли сетевые комментарии к двум передачам, посвященным обсуждению сходной проблематики о роли женщин в России, об изменениях их социальных функций, о возможности женщин занимать пост президента. Первая сетевая дискуссия, связанная с вопросами о роли женщин в обществе, восходит к выпуску телевизионной передачи «Место

встречи» от 23 октября, в которой Сталина Гуревич, общественный деятель и юрист, заявила, что женщина не может быть президентом.

Вторая передача, от 20 ноября, была посвящена обсуждению проблемы «Какова роль женщины в нашей стране и почему мужчины все чаще идут в женские профессии?» и включала в себя интерактивный опрос телезрителей. Общее количество участников обсуждения в первой ветви обсуждения составило 36 человек, 21 из них – женщины, мужчины – 15, во второй – 54 участника, 32 женщины и 22 мужчины.

2.2. Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности (на материале публика НТВ)

Как было сказано выше, инициатором дискуссии о возможности женщин занимать пост президента, явилась Сталина Гуревич, общественный деятель и юрист, заявивший, что женщина не может быть президентом. При этом ее аргументы восходили к американской культуре, а само высказывание содержало общеоценочное прилагательное «замечательный», должное по определению оказывать соответствующий перлокутивный эффект на слушателей. Как справедливо указывает Ю. Д. Апресян, «в оценочных словах прагматическая направленность на адресата в большинстве случаев оказывается важнее, чем передача собственной оценки (принадлежащей говорящему)» [Апресян 2004 с. XXXIX].

Высказывание Сталины Гуревич звучало следующим образом: «Как было сказано в одном замечательном американском мультфильме South Park: «Не доверяй ничему тому, что пять дней в месяц истекает кровью и не сдыхает». *Женщины* очень сильно подвержены гормональным эмоциональным всплескам и принимать решения...» [ntv.ru 2024]¹⁰.

---

¹⁰ Необходимо пояснить, что в телевизионной программе выступающей не удастся произнести фразу до конца, поскольку ее внезапно прерывает Мария Арбатова, активная деятельница российского феминистского движения.

Заметим, что, приводя цитату, Сталина Гуревич, очевидно, не вполне отдавала себе отчет в том, что этот комедийный мультсериал высмеивает недостатки американской культуры и подвергает критике множество присущих ей убеждений и табу, используя пародию и черный юмор. Реакция находящейся в студии Марии Арбатовой была следующей: «Это безграмотность абсолютная! Это бред, вы не психолог! Мужской климакс проходит тяжелее!» [ntv.ru 2024].

Использование известной российской феминисткой номинативных предложений, с характерных для них формой утверждения, в контексте лексики с негативным значением преобразует утвердительное высказывание в оценочно-экспрессивный речевой акт. Резко отрицательная аксиологическая модальность высказывания усиливается за счет инверсивного употребления общеоценочного прилагательного «абсолютный», а также следующего за ним вторичного междометия «бред!», значение которого определяется МАС как «1. бессвязная, бессмысленная речь больного, находящегося в бессознательном состоянии. 2. Разг. о чем-л. несуразном, бессмысленном» [МАС]. Ряд номинативно-указательных предложений, направленных на резко негативную оценку высказывания собеседницы, заканчивается выводом о полной профессиональной несостоятельности С. Гуревич, выраженным с помощью субстантива «психолог» в роли именного сказуемого. Сопровождаясь отрицательной частицей «не», фраза «Вы не психолог», максимально уничижительным образом характеризует профессиональные компетенции адресата.

Примечательно, что в качестве аргумента Мария Арбатова приводит не доказательство отсутствия влияния биологических гендерных факторов на интеллектуально-управленческие способности человека, как это можно было ожидать от феминистской деятельницы, а довольно неожиданный антитезис о еще большей зависимости данных способностей от физиологии у представителей мужского пола.

Однако, ни уровень аргументации, ни форма высказывания не вызвали активного обсуждения в пространстве публика. Только отдельные женские

реплики содержали позитивную оценку Марии Арбатовой, которая ограничивалась устойчивым актом похвалы «Молодец!» (3 реплики), или же эксплицитным указанием на ее правоту, связанную не с обсуждаемой проблемой полоролевых функций мужчин и женщин в государстве, а с проблемой уплаты мужчинами алиментов, например:

Света Морозова

 Мария Арбатова права во всем 🍷. Особенно, что касается долгов по алиментам в РФ.

Леся Рябцева

МОЛОДЕЦ 🍷🔥🍷

В целом, основными объектами модально-аксиологических оценок в рамках данного фрагмента сетевого обсуждения явились:

- способность мужчин и женщин занимать руководящие государственные посты (58 реплик – 50%), из них – женских (15 реплик – 26 %), мужских (43 реплики – 74 %);
- проблема уплаты алиментов мужчинами и женщинами (11 реплик – 9 %), из них – женских (8 реплик – 73 %), мужских (3 реплики – 27 %);
- некоторые частные проблемы (47 реплик – 41%), из них – женских (24 реплик – 51 %), мужских (23 реплики – 49 %).

В рамках обсуждения основной проблематики телевизионной передачи преобладают высказывания аксиологической направленности (общее количество составило 64 реплики). Среди высказываний, оценивающих способность женщин управлять государством, абсолютное большинство принадлежит мужчинам – 43 реплики (из них – отрицательных 36, положительных – 7), женщинам – 15 (из них – отрицательных 10, положительных – 5).

Самыми распространенными средствами выражения аксиологической модальности являются использование стилистически маркированных синонимов и квазисинонимов к существительному «женщина». В негативном смысле авторами М-реплик регулярно используется существительное «баба», имеющее негативную коннотацию: «1. Замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (прост.). 2. Вообще о женщине (иногда с пренебр. или

шутл. оттенком) (прост.). 5. перен. О робком слабохарактерном мужчине (разг.)» [Ожегов, Шведова 1997: 33], а также его производное прилагательное «бабский». Для мужских реплик характерно употребление пренебрежительно коннотированного «баба» преимущественно во множественном числе, например:

*Анатолий Калинин*¹¹

Бабы совсем с ума сошли. Мало того что министрами стали так еще и в президенты рвутся. Оборзели»

Олег Зайцев

Евгений, Сейчас вообще мир баб. Чего хотят то и творят. Хотя бы уж тогда на войну их тоже брали

Олег Зайцев

Света, А давайте начнём сначала штрафовать баб за «голова болит»?))

Использование наречия «вообще» в значении «в общем, в большей части случаев» [Ожегов, Шведова 1997: 96] придает фразе смысл генерализации, уточняемый с помощью фразеологизированного сочетания «Чего хотят, то и творят», имеющего явную негативную коннотацию. Хотя словари и не фиксируют в семантике глагола «творить» значения «сделать что-то ненужное или нелепое», однако оно находит свое отражение как в префиксальных глаголах «натворить» «(разг. неодобр.) наделать глупостей» и «вытворять» «Делать, выделывать (что-н. странное, неподобающее). В. глупости.» [Ожегов, Шведова 1997: 121], так и во фразеологизированных оборотах «Не ведает, что творит (книжн.). Что ты только творишь!» [Ожегов, Шведова 1997: 396].

Для М-реплик, оценивающих потенциальную роль женщины на посту президента, характерно наличие иронической окраски. Так, ставшее крылатым выражением отговорка «голова болит» как регулярная причина отказа женщин от выполнения «супружеских обязанностей» сопровождается графическими знаками круглых скобок, подчеркивающих ироническое отношение к своему сообщению. Еще более ярко выраженная ирония, основанная на эффекте обманутого ожидания, характерна для некоторых других реплик участников публичного общения, например:

---

¹¹ Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография и пунктуация высказываний, размещенных в рассматриваемом публичном пространстве.

Алексей Смирнов

Агрессивный феминизм — это угроза для России и русского народа! Женщина должна быть, в первую очередь, ЖЕНЩИНОЙ, ЖЕНОЙ, МАМОЙ, БАБУШКОЙ... и только потом асфальтоукладчицей, сталеваркой, шахтёркой...

Автор сначала перечисляет все традиционные функции женщин, прежде всего в рамках семейного уклада, выделяет их с помощью приема капитализации, а затем внезапно переходит к перечислению традиционно мужских профессий, используя окказионально образованные им феминитивы от названий мужских профессий.

Преобладание средств эмоциональной аксиологической оценки вне аргументационной базы характерно для большинства М-реплик, например:

Иван Васильевич

женщина прекрасна как мать, жена, бабушка.но президент! блин!

Автор комментария начинает с предикативной характеристики «прекрасна», перечисляя семейные функции женщин, и усиливает вводимое с помощью противительного союза «но» отрицание вставкой экспрессивного разговорного междометия «блин!», характеризуемого словарями как «восклицание или вводное слово, употр. вм. грубого ругательства» [СЭРЯ 2008: 68]. Тем самым подчеркивается полная, по мнению коммуниканта, абсурдность назначения женщин на пост главы государства и те эмоции, которые способна вызвать подобная мысль.

Другой комментатор апеллирует к собственному житейскому опыту, при этом наречие «спокойно» в сочетании с глаголом коммуникативного действия «поговорить» в определенной мере не согласуется с последующей оценочно-дескриптивной характеристикой «нормальный сильный ум»:

Андрей Черноскутов

вот за всю свою жизнь видел только трех женщин, с которыми можно было спокойно поговорить. у них был нормальный сильный ум. а остальные...ну не обижайтесь, девочки, но это так..

Размещение в конце комментария непосредственного обращения к представительницам другого пола, с помощью снижающего в данном случае общий статус женщин «девочки» преследует цель смягчения категоричности

своего мнения, которое, однако, тут же сопровождается безапелляционным утвердительным речевым актом, констатирующим положение дел: «это так».

С целью подчеркивания собственной правоты, не требующей содержательной аргументации, используются различные средства субъективной модальности: наречие «просто» в общеоценочном значении «по определению, априори», определительное местоимение «все» с прагматической функцией подытоживания и исключения возможности дальнейшей дискуссии, а также определительное местоименное прилагательное «всякие»:

Самсон Выин

Если всякие тут будут лезть в президенты, то просто сразу можно хоронить государство.

Иван Васильевич

женщина просто не может быть президентом. и все. без всяких намеков

Ник данного участника паблика мотивирует другого коммуниканта к использованию названия популярной советской кинокомедии в качестве прецедентного высказывания. За ним следует вопрос, начинающийся с клишированного сочетания «а как же...», подчеркивающего направленность последующего содержания на высказывание противоположного мнения:

Рыбарь Бар

А как же Ангела Меркель. Правда она всегда в брюках ходила)))

Василиса Премудрая

А как наши императрицы правили: Лучше всех мужского пола....

Михаил-Александрович Акованцев

Иван Васильевич, смените профессию. А как же Маргарет Тэтчер и королева Британии?!

Примечательно, что само фразеологизированное начало риторического вопроса с помощью «а как же» предполагает наличие не просто мнения, но и определенного контраргумента. В рамках ответной реплики, как справедливо указывает Г.Е. Щербань, мы имеем дело «с гибридным типом, с частицей-союзом, обеспечить синтаксическую и семантическую связь с антецедентом в предыдущем предложении» [Щербань 2001: 106].

Усилительно-подчеркивающие средства субъективной модальности используются и другими комментаторами при ответе на это, казалось бы, вполне соответствующее действительности высказывание:

Юрий Сохович

Михаил-Александрович, вот как раз таких и не надо!

Сочетание указательной частицы «вот» с уточняющей составной частью «как раз» усиливает модальный смысл противоположной аргументации.

Микродиалоги других участников обсуждения также строятся с активным использованием в них модально-оценочных средств: эмоционально-оценочных наречий, глаголов с пренебрежительной коннотацией, а также намеренно искаженного, эрративного написания причинного союза «потому что», содержащего имплицитную иронию, усиливаемую повтором данного слова:

Иван Васильевич

Михаил-Александрович, а тэтчер чего хорошего сделала? она сдуру даже детям в школах бесплатное молоко отменила. это к слову, тем, кто чирикает, что при женщине страна будет счастлива, патамушта она милостивая, патамушта женщина

Обращение одного из коммуникантов к прецедентным именам женских правительниц естественным образом влечет за собой развитие цепочки с однородными примерами, однако с различной аксиологической оценкой. Так, Евгений Фролов констатирует, что у нас тоже были женщины-правительницы и в качестве положительного оценочного средства использует восходящие к Библии фразеологизмы.

Евгений Фролов

У нас тоже были Императрицы и правили дай Бог каждому !

Данный фразеологизм имеет значение «грех жаловаться, отличный, первый сорт, хорошо», «(разг.) – о чем-н. хорошем, желательном» [Ожегов, Шведова 1997: 52] и выражает максимально возможную положительную характеристику действий какого-либо лица.

Другие М-участники паблика также апеллируют к историческим именам, активным образом используя в структуре аргументации вопросительные предложения, начинающиеся с частицы «а...», например:

Евгений Фролов

А Евдокия Московская, жена Дмитрия Донского ? 23 года правила Московским Княжеством в те лихие времена !!! Но это были не президентши ..... 🤔

Вопрос, начинающийся с частицы «а», приобретает функцию риторического, прагматически близкого к вышерассмотренным «а как же...», имплицитного приведение автором неких весомых контраргументов к предыдущему высказыванию.¹²

Положительную аксиологию высказывания, однако, нейтрализует использование негативно окрашенного феминитива «президентши», сопровождаемого эмоджи со значением радости, смеха 😄. В результате правительницы прежних времен противопоставляются современным представительницам властных структур, назначаемым в различных западных странах с точки зрения необходимости соблюдения гендерного равноправия.

Появляется окказиональный феминитив «президентки», который в силу его неузуальности, в еще большей степени отражает пренебрежительное отношение к женщинам на посту президента:

Юрий Сохович

Олег, не помню, чтобы они в президентки...

Негативно окрашенные феминитивы присутствуют и в других М-репликах. Ярким примером насыщенности модально-оценочными средствами может служить следующий пост:

Олег Фролов

Именно при бабских правительствах Скандинавия истерично поспешила в НАТО, хотя раньше нейтралитет берётся как зеница око. И немецкая министерша обороны первой поспешила помогать Украине. И гинекологиня Европы всё это раскрутила, ввязывая европейские страны в военную истерию. Кстати, Ангела Меркель по типу была мужиком и всегда носила брюки

Данные примеры служат также поводом для проявления иронии, эксплицитруемой как с помощью синтаксических средств акцентирования на союзе со значением причины, так и с помощью парасегментных средств - двух параллельных скобок ((, передающих ироническое отношение к сказанному.

Олег Фролов

Михаил-Александрович,)) Отличные примеры почему женщина не может быть на руководящих постах)

---

¹² Подробнее о прагматических функциях частиц «а» см. в статье А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлина, в которой они указывают, что частицы и междометия являются не только важными фактическими средствами диалога, указывающими на смену тем, но и «выполняют в диалоге особую метатекстовую функцию: они говорят о намерениях одного из партнеров провести беседу в том или ином иллокутивном ключе» [Баранов, Крейдлина 1992: 87].

Количество женских реплик в данном фрагменте паблика чрезвычайно незначительно и составляет 15 реплик. При этом большинство из них также отражают недоверие к способностям женского пола находиться у государственного руля, и лишь одна представляет собой оценочно-нейтральный ответ, представляющий собой, на наш взгляд, образец здравого, гендерно не ангажированного, подхода к обсуждаемому вопросу.

Любовь Гацтольд

Света, прочитала слова президента. Все верно. Но когда нужны мозги мужчины работают гораздо эффективнее. У меня была возможность сравнить по своей работе. И мужчина руководитель — это гораздо лучше. В женщинах ну очень много БАБСКОГО. Каждая из нас КОРОЛЕВА, а это вредит в любом деле

В аксиологически маркированном употреблении прилагательного «бабский» имплицитным образом указываются некоторые общие для всего женского пола определенные недостатки. Уточняющее предложение с использованием в качестве предикативной характеристики существительного «королева» выражает, однако, личную субъективно-модальную оценку причины, по которой женщины не могут быть эффективными правительницами.

Более внутренне логичной и взвешенной представляется следующая реплика:

Настя Вергун

Для президентства, нужно иметь склад ума государственный, а гендер не важен. Императрицы России только укрепили и прославили и своё правление, и страну. Но императрицы пачками не рождаются)

Следует особо отметить F-реплику, в которой автор с опасением усматривает наличие некоторых имплицитных смыслов во всей дискуссии:

Надежда Маркова

Если обсуждают тему «женщина в политике» значит ждите, продвигается женщина/Президент?!?и это чьё ^{объявля}я-то политика,?!? Интерес!?! (Навальную уже проталкивают в Президенты России!?) А,Женщиной легче управлять. Она боится мышей.

Неупорядоченное, хаотичное использование автором восклицательных и вопросительных знаков внутри отдельных фраз и их выделение красным жирным шрифтом в конце речевого акта выражает в целом недоверие к

институту демократии в Европе, продвигающей либеральные ценности и поощряющей продвижение женщин на самые различные государственные посты.

Данное высказывание стимулирует целый ряд М- и F-реплик, использующих имена тех российских женщин, которые претендовали на активное участие в государственной политике России: Хакамада, Собчак и некоторые другие.

Александр Баринов

Ирина, пусть тогда женщинам установят одинаковый возраст для выхода на пенсию, призывают в армию, как и мужчин, довольны будут эти борцуньи или нет? По выборам, люди выбирают не по полу, а по уму, не избрали Хакамаду, Собчак, ну не посчитали люди, что они более умные, чем кандидаты мужчины. 🍏🟢

Ирина Лыкова

Александр, по выборам - ни Собчак ни Хакамада мне не нравятся 🙄
А если вы в очередь с женой стираете и моете посуду, тогда - да, пусть в одном возрасте будет выход на пенсию 🍏

Олег Царегородцев

Юрий, у меня в памяти отразилась особа Хакамада — набрала мало, она тогда якшалась с Немцовым и Чубайсом все на самолёте летали ....

Напряженная геополитическая ситуация делает неизменным присутствие в каждом витке обсуждений темы отношений России с Украиной и остальными акторами межгосударственного конфликта.

В сопоставлении F-реплик и М-реплик на эту тему особо ярко выраженными представляются средства усиления субъективной аксиологической модальности. Для женщин, в основном, характерны высказывания в модальности примирения со сложившейся ситуацией. Например:

Ирина-Владимировна Лебедева

Что ж мы знаем : «Мы в Рай , а они просто сдохнут»©

Использование частицы «*что ж*» в данном контексте близко к значению «*ничего не поделаешь*». Готовность к худшему развитию военного сценария выражается автором с помощью известной фразы президента Российской Федерации В.В. Путина.

Ирина Лыкова

Михаил-Александрович, Украине как раз уже все разрешили - и амеры и мелкобританцы...

Констатация факта в его модальной реальности подчёркивается употреблением усилительной частицы «*как раз*» и выражением отрицательной аксиологической модальности с помощью редуцированного до основы слова «*амеры*» и игремы «*мелкобританцы*», в которой предлагается антонимический перевод первой части сочетания *Great Britain* с великого на мелкий.

Мужские реплики в данной тематической ветке выстроены в модальности долженствования. При этом использование предикативов «*должен*», «*нужно*», «*надо*» усиливается пропозициональной составляющей, указывающей на призыв к уничтожению Украины.

Хаус Грегори

Киев *должен быть* в руинах

Хаус Грегори

Юсин, туда *не нужно идти* воинам, туда *должны полететь* ракеты с бомбами.
Шкура косорылая

Хаус Грегори

Нет, блть! *Надо подождать*, пока тебя не замордуют вхлам, до кровавых соплей. Лишь бы никто не обвинил в агрессии. За Державу обидно

Эмоциональность высказываний усиливается посредством использования акцентирующего «*нет*» в значении противопоставления предыдущему высказыванию, употребления обценного междометия, а также прецедентного высказывания, сводящегося к художественному фильму «Белое солнце пустыни». Этот же автор эксплицитным образом выражает свое отношение к политологу Максиму Юсину, соединяя в сочетании «шкура косорылая» грубое указание на черты внешности, с одной стороны, и на продажность данного участника шоу, закодированную в переносном значении слова «шкура»: «2. м. и ж. «Продажный человек» вымогатель и шкурник (прост. презр.). Ах ты, продажная ш.1 в уменьш. шкурка, -и, ж. (к 1 знач.). II прил. шкурный, -ая, ое (к 1 знач.)» [Ожегов, Шведова 1997: 898].

Мужские беседы в данном тематическом отрезке протекают в модальности согласия, например:

Ведьмак Геральд

Русик, согласен на все сто, я предлагаю собрать журналистов всего мира, и демонстративно взорвать на Атлантике не обитаемый остров атомной бомбой, чтобы иллюзии ни у кого не было, а то все думают ядерная бомба это пуки после горохового супа

Gor Antonyan

Слушаешь испердов и такое впечатление, что США это просто чухан какой то, сидит и трясется, что вот вот долбанут атомом.....по моему у него тоже их много и тоже может долбанут.....

Старуха Шапокляк

Хитро***ый Юсин соломку стелит - если чо, я был против, эфир тому док-во. 🤔

Обращает на себя внимание сниженно-разговорная стилизация данных высказываний, в которых только реплика Старухи Шапокляк отличается графической эвфемизацией части слова с помощью соответствующего количества звездочек. Оригинальный пример игрового образования присутствует в авторском, как следует полагать, окказионализме «исперд». Паронимическое обыгрывание лексемы «эксперт» путем включения в нее части устойчивого разговорного «старый перд...» дает яркий эффект «дисфемизирующей паронимической аттракции» [Саакян, Северская 2023: 158].

В целом, в данном фрагменте дискуссии как в мужских, так и в женских высказываниях преобладает отрицательная аксиологическая модальность, выражающая общее, что примечательно, недоверие к способностям женщин править государством. Кроме данной проблемы, в фокусе внимания коммуникантов находится также тема уплаты алиментов. При обсуждении первой проблемы отрицательная аксиологическая модальность характерна в гораздо большей степени для мужчин (мужские реплики с отрицательной аксиологической модальностью составили 84 %, с положительной – 16%), в то время как у женщин реплик с отрицательной аксиологической модальностью 67%, с положительной – 33%), при обсуждении второй темы абсолютное большинство реплик принадлежат женщинам – 73 %, мужские реплики – 27 %. Аксиологическая оценка у женщин полностью положительная, у мужчин полностью отрицательная.

К гендерно маркированным чертам следует отнести бóльшую насыщенность мужской речи обценизмами (63% словоупотреблений, при 37% женских), пренебрежительно маркированными существительными (68% – мужских, 32% – женских), особенно различными дериватами существительного «баба» (8 М-реплик, 3 F-реплик); высокочастотным использованием

примеры (российские императрицы, канцлер ФРГ Ангела Меркель) используются избирательно: их успехи объясняются «мужскими» качествами (*носила брюки*), а неудачи — «женской» иррациональностью.

2.3. Гендерные особенности репрезентации метакоммуникативной модальности (на материале паблика НТВ)

Следующий фрагмент обсуждения был инициирован высказыванием депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, Александра Ильякова. В интервью российскому информационному интернет-агентству «Ура.ру», выступая против абортот, А. Ильяков призвал женщин рожать, «пока *рожалка* работает», и назвал «*чучелами*» тех, кто предпочитает самостоятельно планировать рождение детей [ura.ru 2024]. Данные оскорбительные высказывания вызвали широкий публичный резонанс, а общественная деятельница из Екатеринбурга Екатерина Герлах подала заявление в прокуратуру с просьбой проверить слова парламентария на предмет разжигания ненависти и вражды [svpressa.ru 2024].

Обращает на себя внимание, что в паблике «Место встречи на НТВ» реакция на данное высказывание подавляющего большинства женщин была имела, в первую очередь, метаязыковую модальность, и была обращена не столько против конкретного индивида, изобретшего столь уничижительную лексическую единицу «*рожалка*», сколько против самой оскорбительной ее словообразовательной формы. Метаязыковые комментарии составили 36 реплик – 14 % общего количества высказываний, из них женщинам принадлежат 15 реплик, мужчинам – 21 реплика. Абсолютное большинство из них отражают резко отрицательное отношение к высказыванию, эмоции возмущения и негодования.

Согласно словарю В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, суффикс *-лк(а)* используется в «сущ., жен. р., слова со знач. лица – также общ. р.; II скл. ЗМ: предмет (преимущ. неодушевл.), производящий действие, названное мотивирующим словом, или предназначенный для выполнения этого действия» [ССА 2016

:465]. Таким образом, данный суффикс используется для образования слов, обозначающих предметы, выполняющие действие, названное мотивирующим глаголом: механизмы, устройства и процесс, действие. Использование данной аффиксальной формы для наименования репродуктивного женского органа снижает значимость женского тела и низводит репродуктивную функцию до уровня механизма или «инструмента». Неслучайно «вброс» в публичное пространство слова, имеющего столь уничижительную коннотацию, вызвал лавину метаязыковых комментариев с резко негативной оценкой.

Чрезвычайно интересно с точки зрения использованных модальных средств выглядит высказывание, инициирующее само обсуждение в публичке:

Елена Черноморская

У меня нет другого слова для ДЕБИЛА, у которого в лексиконе имеют место быть такие слова, как «рожалка» ... Ты кто такой? И мне интересно, а твоя «стрелялка» работает раз в 9 месяцев, а остальное время ты «созидаешь»? Кто тебя выбирал слугой народа? Снять полномочия!!!

Подчёркивая в начале фразы невозможность наличия других мнений, кроме характеристики «дебил», с помощью утверждения «у меня нет другого слова», автор далее переходит к речевому акту вопросительной модальности. Косвенный речевой акт «Ты кто такой?», причисляемый В.Г. Гаком к так называемым фразорефлексам [Гак 1995 : 61 – 65], в ситуации известности говорящему, кем является человек, к которому обращен данный вопрос, получает прагматическую модификацию намеренного понижения его реального статуса. Данный речевой акт конкретизируется с помощью вопроса, адресованного уже электорату «Кто тебя выбирал слугой народа?» и, наконец, завершается призывом с побудительной модальностью, выраженной с помощью независимого инфинитива: «Снять полномочия!!!».

Одновременно автор включает в свое высказывание построенный по однотипной словообразовательной модели неологизм-дериват, представляющий собой симметричную номинацию для мужского репродуктивного органа: «И мне интересно, а твоя «стрелялка» работает раз в 9 месяцев, а остальное время ты «созидаешь?»»

Ответные мужские реакции также относятся напрямую к манере высказываний:

Юрий Сохович

Елена, а почему вы под этот неологизм («рожалка») негативный смысл подложили? Он вроде, даже ласковым тоном это сказал..

Некоторые из них используют неологизм «стрелялка» в прямом смысле – как эквивалент оружию, и включают его в речевой акт, содержащий ироническую оценку одного из ведущих передачи НТВ «Место встречи».

Ферапонт Афиногенов

Елена, а к тыловому клоуну Ваньке Трушкину, который не важно кому рекомендует «взять стрелялку и идти на фронт», вы хорошо относитесь?

В паблике развивается дискуссия о необходимости стилистической дифференциации речи в зависимости от статуса говорящего, в рамках которой ее участники ставят в кавычки те жаргонные средства, которые также имеют метаязыковую направленность:

Елена Черноморская

Ферапонт, депутат должен «фильтровать базар», а Трушкин... Ну, что Трушкин? Зелёный ещё, и шутить не научился 🤪

Юрий Сохович

Елена, ну вот вы ещё «по-фени ботать»...

Одна из участниц паблика в комментарии к обсуждению поделилась публикацией секретаря Алтайского крайкома КПРФ, Дарьи Зулиной, которая ранее на своей личной странице в социальной сети «ВКонтакте» разместила пост с заголовком «Шариковы от партии власти» [vk.com 2024]. Прецедентное имя Шарикова из «Собачьего сердца» М. Булгакова, уже давно ставшее лингвокультурным маркером черт необразованности и невоспитанности, используется здесь во множественном числе, подчеркивая массовый характер явления «шариковщины». Внутри текста-репоста автор указывает, что депутат Ильтяков выражается «на языке подворотни» и продолжает ряд пейоративных дериватов с суффиксом *-алка* неологизмом «соображалка», используемым по отношению к коллективному разуму представителей власти. «Можно себе представить, какие словечки еще накреативит провластная «соображалка». Кто-то возразит, мол Ильтяков со товарищи высказался в уменьшительно-

ласкательной манере. Но мы то знаем – в уменьшительной манере единороссы только бюджет принимают, когда из года в год уменьшаются расходы на социальную поддержку, здравоохранение и образование. Ну а чего-то ласкательного от буржуазной власти ждать вообще не приходится» [vk.com 2024].

Под данным текстом, в котором метаязыковой анализ осуществляется в резкой субъективной тональности, с акцентирующими элементами «кто-то возразит», «но мы-то знаем», размещается демотиватор, включающий еще один новаторский неологизм «ржалка»:

Таким образом, дериват «рожалка» спровоцировал появление вирусного ряда окказиональных неологизмов, демонстрирующих равнодушно отношение к слову и понимание участниками дискуссии его перлокутивного эффекта, вышедшего за пределы только данного паблика. Например:

Evgenii Zhdanov

Ежли все названное в понимании данного индивида корректно именовать «рожалка», то на плечах у него «бездумалка»

Среди мужских и женских реакций в данном паблике широко распространены речевые акты одобрения метаязыковой направленности, связанные как с формой выражения мысли, так и с её ясностью либо отсутствием таковой.

Елена Белая

Хорошо сказал Рыбаков!

Михаил-Александрович Акованцев

Дмитрий, верно сказано, не в бровь, а в глаз!!!

Андрей Рябцев

Всё ясно, что не чего не ясно, пустое, ля ля ля 😏😏😏

Некоторые участники используют пояснения вложенного ими в высказывание смысла, указывая непосредственно на необходимость его

кодирования с учетом функций, выполняемых кавычками как графического средства иронического использования высказываний:

Елена Черноморская

Юрий, кавычки видите?

Юрий Сохович

Елена, у меня то же видите?

Андрей Рябцев

Всё ясно, что не чего не ясно, пустое, ля ля ля 😏😏😏

Елена Мартынова

Дмитрий, что-то я не заметила, что он кого-то поставил на место. Очередное пи пи пи ни в одну ни в другую сторону

Irene Думова

Ирина, по крайней мере то, что он говорил в ролике, об этом не свидетельствует. Обтекаемо

Ирина Лыкова

Irene, подождем повтор новостей: должны озвучить... А «обтекать» их учат ... в английской спецшколе 😏

В отдельных репликах метакоммуникативная модальность пересекается с аксиологической:

Елена Муза

Норкин красавчик, Жгутовой «Вы больная?» 😏

Не вписывающийся в привычные нормы речевого поведения на официальных телевизионных передачах устойчивый косвенный речевой акт «Вы больная?» выражает отношение к адресату как к неадекватному, совершившему что-то выходящее за рамки нормального поведения. В условиях официальной дискуссии данный вопрос может быть квалифицирован как оскорбительный, однако в этом случае отрицательных метаязыковых комментариев, направленных на осуждение ведущего, не встречаем. Напротив, оно вызывает реакцию похвалы и одновременно злорадства по отношению к женщине, явленного в соответствующем эмотиконе.

Мужские реплики солидаризируются в своей оценке интеллектуальных способностей Жгутовой, подчеркивая ее с помощью усилительной частицы «ну и...»:

Юрий Сохович

Света, ну и дура эта общественница!

Усиление отрицательной аксиологической модальности осуществляется и с помощью оценочного восклицания «*кошмар*»:

Елена Муза

Светлана, Жгутовой не понравилась 😊, она же в брюках, о кошмар!

Светлана Платкова

Елена, кошмар, что такие Жгутовы решают как нам жить и что носить

Использование множественного числа фамилии, как и в случае «*Шарикова*», создает эффект апеллятивизации слова, подчеркивая не только количественную представленность носителей определенных порицаемых тут взглядов, но и несоответствие их тем критериям, которые должны формировать некий эталонный образец людей, принадлежащих к органам власти.

Напротив, поведение других участников шоу провоцирует метакоммуникативные высказывания – речевые акты одобрения и даже благодарности:

Дмитрий Протасов

Юсин спасибо! Хоть кто-то поставил горлопанов на место! А уж отважный уже Геворг задолбал. Моська из-под дивана - облаял всех! Старается, косточку кинут вкусную, вот и твякает!

Эмоциональную благодарность, как следует из высказываний, вызвало речевое поведение журналиста газеты «Коммерсант», Максима Юсина, выразившего свое мнение о речевой активности другого постоянного участника шоу Геворга Мирзояна.

Солидаризуясь с Юсиным, автор поста использует самые различные средства экспликации субъективной модальности: ограничительно-выделительную конструкцию частицы «*хоть*» с неопределенным местоимением «*хоть кто-то*», подчеркивая стадный консенсус остальных участников шоу. Прибегает к иронической модальности, используя прилагательное «*отважный*», противоположный смысл употребления, которого раскрывается в следующей за этим характеристикой «*моська*», апеллирующей к известной басне И.А. Крылова «Слон и Моська». Усиление негативной оценки достигается и за счет метафорической локализации лающей моськи «*из-под дивана*» и указания на оплачиваемость его дискурсивных услуг с помощью диминутивного образования «*вкусная косточка*».

Еще более жестко звучит следующая аксиологическая характеристика:

Gor Antonyan

Дмитрий,.....а Гевোলик просто холоп-шабашник без чести.....

Если «холоп» маркировано пренебрежительно «человек, готовый на все из раболепия, подхалимства, холуй (презр.)» [Ожегов, Шведова 2006: 866], то в рамках измышлённого автором аппозитивного сочетания «холоп-шабашник», указывает на ту дискурсивную активность, которая, будучи поставлена на нужные рельсы, независимо от собственных взглядов, приносит Геворгу Мирзаяну постоянную прибыль.

Женщины реже высказывают оценки общего характера, сопровождая их эмоциональными показателями субъективной модальности: междометиями, оценочными прилагательными и следующими за ним эмотиконом со значением отвращения, например:

Ирина Лыкова

Ой, какой этот депутат Ильяков отвратный 🤢

Ирина Лыкова

Вооот! Карпов признал, что у него все женщины разные...Многостаночник-полигамист!!!

Несмотря на претензии к стилю речи и к снижению общекультурного уровня дискуссии, именно женщины задают вопросы, в которых эксплицитным образом интересуются уровнем интимной активности адресата:

Ирина-Владимировна Лебедева

Виктор, а как Ваше КПД и либидо? 🤔

Виктор Шумихин

Ирина-Владимировна, .. либидо подавлено происходящим вокруг, ..для веселья причин нет..

В качестве ответа следует редкое для F-реплик высказывание в модальности необходимости, в котором безличный предикатив «стОит» в результате смены ударения посредством капитализации гласного «И» дает результат весьма неприятзательного юмора, сопровождаемого эмотиконом с семантикой злорадства:

Елена Мартынова

Виктор, не стОит рассказывать всем, что у вас уже не стоИт и прикрываться происходящим! 😏

Остальные пользовательницы размещают посты с советами в виде утвердительных высказываний, содержащих примеры общего и частного характера. Ответвление беседы по всем своим чертам протекает в стиле троллинга, однако заканчивается призывом в побудительной модальности к участникам микрополилога:

Ирина Лыкова

Виктор, либидо иногда активно стимулируется агрессией и физическим напряжением 😊 Может в тренажёрку? 😊

Ирина Лыкова

Елена, не, реально стимулирует! 😊 Одна девица рассказала как на тренажёре получила полноценный оргазм 😊

Елена Муза

Ирина, да, оставьте вы мужчину в покое, их и так мало остаётся 😊

Использование прецедентных феноменов, кроме приведенных выше «шариковых» или «моськи» включает в себя приведение известных цитат, например:

Шамиль Ахметшин

Роль женщины в системе консервативных ценностей в Германии описывается фразой «три К» (Kinder, Küche, Kirche)

Несмотря на отсутствие эксплицитных знаков субъективной модальности, содержательная часть высказывания достаточно прозрачно свидетельствует о мнении говорящего по отношению к роли женщины в обществе.

Именно женщины обращают внимание на клишированность сочетания «христианские ценности», формулируя вопрос риторического плана:

Светлана Платкова

Всегда хочется спросить этих бородатых - а до привоза в Россию христианства у нашего народа ценностей не было?

На ответный пост одной из пользовательниц,

Irene Dumova

Светлана, домострой

следует ответная реакция уточняющего характера:

Светлана Платкова

Irene, «Домострой» - это уже поповское «изобретение

Как видим, полилог, непосредственным образом относящийся к проблемам национально-культурных ценностей и их истоков, затрагивает целостные пласты исторического эволюционирования России.

Своего рода итог дискуссии на сайте подводит высказывание, ироническая модальность которого основана на «эффекте обманутого ожидания» [Ленец, Петрова 2009: 114].

**Лучшие воспитатели —
это мужчины... Никто,
кроме них, не сможет
научить женщину
рассчитывать только на
себя!**

В рамках публика самостоятельный фрагмент метаязыковой направленности представляет собой диалог двух участников публика, затрагивающий ставшую дискуссионной со времени обретения Украиной независимости предложно-падежную форму «на Украине /в Украине».

Шамиль Ахметшин

Михаил-Александрович, вы утверждаете, что вы русский, а по русски - НА УКРАИНЕ

Михаил-Александрович Акованцев

Шамиль, Если это море или река, то говорят и пишут: «Я живу не в Волге, а на Волге, на Дону, на Каспийском море!!» Если это город или государство, то говорят: «Я живу не на Москве, не на Англии, а в Москве; в Англии!!». Подобная, неправильная риторика родилась у казапов (помесь русских с монголо-татарами), которые жили на границе с Украиной!

Поэтому чтобы не обидеть эту помесь с татарами, и разрешили говорить неправильно!! В Югославии есть провинция Крайна, и Мы говорим, что не на Крайне, а в Крайне живут люди!!! Спросите любого преподавателя русского языка и он скажет, что люди живут не на реке Украина, а в Украине!!! Кстати, я чисто русский человек. Все мои старинные корни в Москве, а теперь я живу не на реке Воронеж, а в городе Воронеже!!!

Шамиль Ахметшин

Михаил-Александрович, Украина это преобразованная, со временем, Окраина.

Название пограничных, Окраинных земель, после присоединения к Российской Империи, преобразовалось в виде Украина, т.к. это не государственное обозначение, такого государства никогда не было, а обозначение территории, лежащей на краю империи. Мы же говорим На Кавказе, а не В Кавказе. Это незалежные в 1991 году вдруг придумали, что надо говорить В Украине. («Как умру, похороните на Украине милой, посреди широкой степи вырыйте могилу»). Тарас Шевченко¹³.

---

¹³ Приведем здесь пример научного обоснования употребления «геоконцептное выражения На Украине, которое имеет не только языковые, но и глубокие исторические и культурно-географические корни, отражая фронтально-пограничную сущность украинской культуры» [См. подробнее: Калуцков 2017: 79].

Данный фрагмент, полностью посвященный «наивной метарефлексивной филологии», образует основу для перехода к высказываниям с метакоммуникативной модальностью, в которых созвучность мнений о языковых особенностях становится основанием не только для речевых актов со значением согласия «Шамиль, Во многом Ты прав!», но и для прямого предложения дружеских отношений:

Михаил-Александрович Акованцев

Шамиль, Во многом Ты прав! Я говорю "ТЫ", потому что считаю тебя своим другом!!! Да, человек не может жить в море, в реке, в горе, поэтому и говорят: "На горе", и т.д. Я тут участвую потому, что стало скучно жить!!

Таким образом, согласие по поводу грамматических вопросов приводит к метакоммуникативам, переходящим к призыву установить более близкие, дружественные отношения:

Михаил-Александрович Акованцев

Будем дружить, и для общего веселья будем друг друга подкалывать!! С большим уважением, Михаил (Миша).....

В целом, повышенная активность пользователей в рамках экспликации метакоммуникативной модальности в данном фрагменте была мотивирована крайне неудачной репликой депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Александра Ильтякова, с использованием уничижительного деривата «рожалка». Реплики, относящиеся к стилю речи, пересекаются с оценочными высказываниями, характеризующими участников ТВ-передачи или самих коммуникантов на основе типичных для них языковых характеристик.

В целом, женщины в данной ветви обсуждения были более активны, нежели мужчины. Женская аудитория единодушно осудила как спорное выражение, так и его автора. В данном случае ценностные суждения тесно переплелись с оценкой коммуникативных стратегий - использование прецедентных имен во множественном числе, («Шариковы», «Жгутовы и др.»), описывающих общий культурный уровень дискутантов (женщины 100%, мужчины 0%).

Ключевой формой протеста стало создание окказиональных неологизмов («стрелялка», «ржалка», «бездумалка»), которые несли выраженную

инвективную нагрузку. Подобное словотворчество служило не только способом выражения негативной реакции, но и прямым требованием соблюдения норм вежливости в публичной дискуссии, а также признания социальной роли женщин за пределами репродуктивной функции (женщины 90%, мужчины 10%). Примечательно, что абсолютное большинство мужчин не разделили возмущения данной формой уничижительной метонимической характеристики женщин.

Оба пола продемонстрировали равную заинтересованность в соблюдении языковых норм, настаивая на необходимости «фильтровать базар» и «избегать жаргонизмов» (женщины 56%, мужчины 44%).

Дискуссия содержала также реплики о грамматических нормах (например, использование предлогов «на Украине»/ «в Украине»), где доминировали мужские реплики (мужчины 86%, женщин 14%). Для данного фрагмента характерно активное использование этностереотипной лексики («пиндосы», «амеры», «хохлы» и др.) с преобладанием мужского участия (мужчины 76%, женщины 24%).

Участники активно используют речевые акты одобрения метаязыковой направленности «хорошо сказал», «верно сказано», «все верно», «вот это правильно», «ты прав» и др. (мужчины 62%, женщины 38%).

§ 3. Гендерные особенности репрезентации субъективной модальности (на материале паблика ВПШ)

3.1. Общая характеристика паблика ВПШ

«ВПШ» («Вся правда шоу») представляет собой популярное российское интернет-издание, созданное в 2013 году и функционирующее в настоящее время на платформе «ВКонтакте». Тематическая направленность ресурса охватывает актуальные события блогосферы, текущую политическую повестку и популярные тренды в мужской и женской моде. Столь широкая проблематика обеспечивает высокую коммуникативную активность

пользователей сообщества «ВПШ», свидетельствующую о значительном уровне вовлечённости аудитории в обсуждение противоречивых вопросов современного развития общества. Данная особенность создаёт благоприятные условия для углубленного изучения речевого поведения пользователей и изучения особенностей выражения ими различных видов модально-оценочных смыслов.

По состоянию на декабрь 2024 года аудитория издания включает 2 357 448 подписчиков. Гендерный состав подписчиков характеризуется преобладанием женщин: 1 937 822 подписчицы (82,2 % от общего числа пользователей); мужская аудитория составляет 419 626 человек (17,8 % от общего числа участников). Средний возраст участников сообщества варьируется от 18 до 27 лет [vk.com/pravdashowtop 2024].

В рамках исследования были проанализированы комментарии, входящие в состав дискуссии от 23 февраля 2023 года, посвященной обсуждению чрезвычайно острой на сегодняшний день проблемы идеологии «чайлдфри», распространившейся на западе и проникающей различными способами в российский медиадискурс. Данную идеологию можно рассматривать как составную часть концептуальной системы неолиберальных свобод, в рамках которой институт социального принуждения к репродукции должен быть признан признаком репрессивной организации общества. Так, один из 15 принципов «Программы действий», принятой в 1994 году на Международной конференции по народонаселению и развитию (The International Conference on Population and Development), гласит: «Все супружеские пары и отдельные люди имеют основное право свободно и ответственно решать вопрос о количестве детей и промежутках между их рожденьями, а также иметь знание, образование и средства для этого (перевод наш — *Р. Ф.*)» [populationmedia.org 2024].

Несмотря на активное внедрение данного прямого заимствования из английского языка в активный дискурс современного русского языка, его значение в настоящий момент фиксируется только в электронном ресурсе Института лингвистических исследований РАН: «*чайлдфри́* неизм. сущ. Тот, кто не хочет

иметь детей, стать родителем. <Пост>: Первый вопрос, который я предлагаю обсудить — как перевести на русский язык слово «childfree»? Это не «бездетный» («childless»), а «свободный от детей» — человек, который отказался от деторождения сознательно. Интересно, можно ли это назвать по-русски одним словом? <Комментарий>: Боюсь, что нет. Одним словом не выразишь по-русски. Можно попробовать поискать определение. Или оставить чайлдфри. Коряво звучит, но тем не менее. livejournal.com 20.12. 2004» [neolex.iling.spb.ru].

Согласно Википедии, чайлдфр́и (англ. *childfree* — свободный от детей), или «добровольная бездетность» (англ. *childless by choice*) — система взглядов, центральным аспектом которой является добровольный и осознанный выбор в пользу отказа от рождения детей и которая подразумевает наличие идентичности, связывающей и ограничивающей круг единомышленников по вопросу о репродуктивном выборе» [WIKI].

Реплика модераторов, инициирующая дискуссию о законодательной инициативе, относящейся к запрету пропаганды идеологии чайлдфри среди несовершеннолетних, выглядела следующим образом:

ВПШ

27 февраля 2023

В Госдуму внесли законопроект о запрете пропаганды чайлдфри среди детей 🤪 «Сторонники идеологии „чайлдфри“ распространяют идеи, формирующие основу деструктивного социального поведения, базирующегося на добровольном отказе от рождения детей, что идёт вразрез с традиционными семейными ценностями и государственной политикой РФ».

Как видим, первая часть представляла собой высказывание чисто фактологического характера, хотя сопровождалась довольно странным эмоджи «клоун», который «может выражать, что кто-то глуп или дурашлив или что что-то жуткое или страшное» [symbl.cc 2024]. Вторая часть поста администраторов представляла собой заковыченную цитату, включающую не только разъяснение самого термина, но и его соотнесение с традиционной системой ценностей и актуальной демографической политикой страны. Иначе говоря, «надлежащее» отношение к данной инновационной идеологии и направление дискуссии закладывалось в самом инициирующем посте.

3.2. Гендерные особенности репрезентации аксиологической модальности (на материале паблика ВПШ)

Всего в анализируемый фрагмент дискуссии входят 263 реплики, из них 87 – мужских реплик (33%) и 176 – женских (67%). Примечательно, что абсолютное большинство дискуссионщиков (из 123 человек) составили женщины (81 человек – 58%), мужчины соответственно (52 человек – 42%). 204 реплики (78%) содержат модально-аксиологические оценки, из них отрицательные модальные оценки составили 83%, положительные – 7% и нейтральные – 10%.

Несмотря на то, что содержательно аксиологически маркированные высказывания в данной ветви обсуждения чрезвычайно разнообразны, абсолютное их большинство составили реплики каузального характера (199 – 76%). Говоря о том, что «оценочные предикаты информативно недостаточны и требуют от текста компенсировать их смысловую неполноту и неоднозначность», Н.Д. Арутюнова указывала на следующие возможные варианты развертывания оценки: «1) ее дескриптивное развертывание, когда сначала сообщается аксиологический итог, и вслед за тем дается фактическая характеристика объекта или положения дел; 2) интерпретирующие (предполагаемый вопрос «Что значит хороший/плохой?»), и 3) каузальные отношения (предполагаемый вопрос «Почему хороший/плохой?») [Арутюнова 1999: 215 - 218].

В репликах каузального характера в анализируемом фрагменте паблика задействованы не все перечисленные выше элементы: аксиологическая оценка представлена имплицитно, за счет выраженности каузальных отношений, которые не ставят эксплицитного знака «минус» или «плюс», а в различной пропозициональной форме указывают на причины несостоятельности/невыполнимости законопроекта. Основными факторами, оформляющими отрицательную аксиологическую оценку, выступили:

- слабая финансовая обеспеченность законодательной инициативы, невозможность заводить детей по финансовым обстоятельствам (37 реплик – 18%), из них – женских (24 реплик – 64%), мужских (13 реплик – 36%);

- экономическая, социальная и нравственная несостоятельность представителей мужского пола, их неспособность выполнять обязанности мужей и отцов (14 реплик – 7%), из них все реплики женские.
- отношение к законодательной инициативе в целом, воспринимаемой как попытку ограничения основных прав и свобод граждан (151 реплика – 74%), из них – женских (88 реплик – 58%), мужских (63 реплик – 42%);
- бездетность, обусловленная физиологическими причинами и связанные с этим опасения о предстоящей необходимости платить налог после принятия закона – (29 реплики – 14%), из них – женских (24 реплик – 82%), мужских (5 реплик – 18%);
- отношение к самой идеологии «чайлдфри» – (29 реплик – 14%), из них женских (19 реплик – 64%), мужских (10 реплик – 36%).

Анализ каузальных способов выражения аксиологической модальности свидетельствует о преобладании в них личного, субъективного отношения, мотивированного собственной жизненной ситуацией и жизненным опытом. Одним из способов экспликации отрицательного отношения по причине финансовых проблем становятся иронические высказывания. Типичный диалог (полилог), протекающий в иронической модальности, выглядит следующим образом:

Лия Гасай¹⁴

Ура, заводим тройню на 15 тыс р 🤔👉

Meowont Coctorain

на 15тр в мс пятерых воспитывать. мечта.

Ника Меав

честно, я даже как то не удивлена. давайте нарожаем детей!!!!1111!пачками!1

Тимофей Галич

Лия, ты чего, а как-же миллиарды рублей за рождение первенца?

Андрей Шляпин

Лия, а так же ипотекой и тремя кредитами 🤔

Лия Гасай

Timofey, ой забыла сорян

Лия Гасай

Andrey, тремя? Богато живете

¹⁴ Здесь и далее сохраняется оригинальная орфография и пунктуация высказываний, размещенных в рассматриваемом паблике.

Лия Гасай

Уапа, ммм что же выбрать? Содержать ребенка 18 лет 365 дней в году платить за учебу и его хотелки, или отдавать 500-1000 р в мес налога и жить как хочется? Хммммм)

Как известно, ирония – это «один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном), с целью насмешки» [Ермакова 2017: 5]. Уже первая реплика в приведенном выше фрагменте представляет собой пример использования языковых средств с целью выражения иронического, противоположного словарному значению, смысла. Начало фразы с эмотивного междометия «Ура!», обычно используемого как «восклицание, выражающее воодушевление» [Ожегов, Шведова 2006: 837], входит в противоречие с ее окончанием, в котором указана сумма 15 тысяч рублей, на которую содержать семью представляется невозможным. Точно так же концовка следующей реплики с помощью употребления слова «Мечта» в противоположном ему значении говорит о горькой иронии по отношению к перспективе воспитания детей на 15 тысяч рублей в месяц.

Активное вступление в разговор мужчин продолжает предложенную ироническую тональность высказывания за счет фразеологизированного начала риторического вопроса с помощью клишированного сочетания союзов и частицы «а как же», предполагающего наличие определенного контраргумента, а также за счет саркастической гиперболы «миллиарды рублей». Поддерживая иронический тон диалога, участница извиняется, что не обратила внимания на столь «щедрую» поддержку со стороны государства, используя междометие «ой» и свойственное молодежному сленгу образование «сорян» (от англ. «sorry»).

Коммуникант с ником *Andrey* сообщает о своих финансовых трудностях, сопровождая реплику эмотиконом «клоун». Его сообщение о трех кредитах провоцирует реакцию удивления, подчеркиваемую с помощью переспрашивания, выполняющего здесь функцию притворного изумления, за чем следует не менее саркастическая реплика «богато живете». Показательно, что в рамках

данного полилога междометия «mmm...» в начале реплики и «хммм» в конце, выражающие, как правило процесс раздумья, используются с целью подчеркивания абсурдности предполагаемого выбора между уплатой налога за бездетность и дорогостоящим содержанием ребенка.

Ироническая модальность высказываний, указывающих на слабую финансовую обеспеченность россиян, свойственна только 18 % процентам высказываний, из них – женских – 14 %, мужских – 4 %. Больше количество реплик данного каузального типа содержат описание проблемы в речевых актах различного типа, сопровождающихся чаще всего эмоциями сожаления. При этом женские реплики демонстрируют, в основном, большее понимание к существующим проблемам государственного финансирования, готовность удовольствоваться небольшими повышениями доходов. Например:

Степан Калмыков

Поднять людям зарплаты: нет 🙅 Запретить несуществующую пропаганду в России: Да!

Vins Morozova

Степан, с 1 января всем бюджетникам подняли зарплаты вообще то. Правда на 4 процента. Но хоть что-то))

Егор Воронов

Винс, ну да хули наверно легко поднять на 10тыс

Aaa Nnn

Vins смешнявку сказал, у меня ЗП была 16850 (черная, трудовой договор), стала 1750, от того что подняли я разницы не ощущаю

Ольга Кириллова

Людям и так жить не на что, и еще детей растить.

Как видим, аксиологическая модальность высказываний мужских участников паблика приобретает различные формы экспликации. Самой категоричной из них является использование бессоюзного предложения со значением противопоставления: «Поднять людям зарплаты: нет 🙅 Запретить несуществующую пропаганду в России: Да!», протестный характер которого усиливается за счет графического знака со значением резкой негативной оценки. Показательно и использование обценной вопросительной частицы «хули» со значением («почему бы не») [thesaurus.altervista.org], выражающей отношение к тому, что такие повышения особого труда не составляют. Следующая мужская реплика в данном полилоге обобщает дискуссию посредством устойчивого

выражения «и так жить не на что», предлагаемого в качестве причины для отказа обзаводиться детьми.

Лишь одна мужская реплика, относящаяся к финансовой стороне вопроса, стоит вне общей линии речевых актов жалоб и упреков, выражая резко отрицательное отношение к их авторам, именуемых коммуникантом с помощью распространенного разговорного существительного метафорической природы с общеоценочной семантикой «уроды»:

Данил Рашин

Лия, проблема только уродов которые 15к зарабатывают.

Если данная мужская реплика нацелена на выражение собственного превосходства по отношению к другим участникам сообщества, то женские реплики в данном полилоге часто выражают понимание государственных проблем и эксплицитным образом указывают на то, что у людей должны быть, кроме своих личных, и государственные интересы. Отношение к тем, кто этого не понимает и рассчитывает только на государственную поддержку, выражается с помощью существительного «халывщики» со значением «о недобросовестном, неумелом работнике; бездельник. Тот, кто стремится получить что-л. бесплатно, даром; нахлебник» [БТСРЯ].

Ольга Барскова

Алена, я могу заплатить налог и не вижу в этом проблемы. Это вы халывщики не думающие о будущем страны.

Эксплицитная положительная модальность содержится в высказываниях и других участниц, указывающих на целесообразность введения такого налога:

Ольга Барскова

Демографию нужно поднимать, и если те кто не хочет иметь детей но живёт тут будет платить налог тем, кто заботятся о будущем страны, то ничего плохого в этом нет. Наоборот, хорошо

Положительная аксиологическая модальность отражается и в следующей реплике посредством вопросительного высказывания, пытающегося выяснить причину всеобщего недовольства и иронической манеры обсуждения:

Ксения Батаева

я не знаю, почему тут все так резко настроены, или читать просто не умеют (никто не заставляет вас рожать, а то тут уже шутят про 3 детей на зарплату 15 тысяч и обязательную подростковую беременность)

Эксплицитным образом выражает свое одобрение закона и другая участница, напоминая о естественном стремлении человека к продолжению своего рода и имению детей, а также называя дурустью попытку внушения массам, что идеология чайлдфри – это норма:

Карина Леденева

на самом деле это закон с которым я более менее солидарна... Ибо для меня это дурусть отказываться от продолжения рода и тем более втирать другим, что это норма...

Мужчины выражают свое одобрение инициативы преимущественно с помощью вопросительных предложений, которые только в пропозиции представляют собой «запрос информации», а на самом деле выражают несогласие с отрицательной модальностью обсуждения, например:

Кирилл Бедаш

и в чем они не правы?

Vladimir Exort

В чем же минусы?

В качестве маркеров «вопроса-наступления» [Львова 2012] выступают, с одной стороны, союз «и», в другой стороны усилительная частица «же».

Тема финансовой неуверенности перерастает в более широкую проблему потенциальной безотцовщины, которая может быть вызвана многими факторами. Высказывания на эту тему представляют собой конфликтную интеракцию, в которой мужчины выражают свое мнение в более агрессивной, а порой и в обвинительной манере, причем каузаторами становятся текущий конфликт с Украиной, а также сами жены и их отношение к мужьям. Например:

Федор Гаврилов

Цены в магазинах и на квитанциях ЖКХ - лучшая пропаганда этого чайлдфри. Ах да, еще постоянная вероятность мобилизации и вероятность того, что ребенок вырастет без отца.

Ксения Мосцеева

Федор, ну, дети и без мобилизации без отцов росли и растут)

В ответной женской реплике, с одной стороны, прослеживается попытка смягчить действие экстралингвистических факторов, но одновременно проблема «безотцовщины» генерализируется как вневременная. Ответные мужские реплики отражают модальность несогласия, например:

Дмитрий Кантышев

Кsenia, теперь шансов вырасти с отцом у них не осталось совсем.

Сергей Кузнецов

Ксения, Вы же их и лишаете отцов! То денег мало, то пьёт много!!!

Последняя реплика строится в форме обвинительного речевого акта, адресованного женщинам, с использованием двойного союза «то..., то...», что подчёркивает постоянность претензий и усиливает экспрессивность высказывания. При этом автор реплики, говорящей о вечном недовольстве жен, удивляет уникальным для сетевых комментариев написанием обращения «Вы» с прописной буквы. Этот же коммуникант, рассуждая о проблемах измены в семье, прибегает к категорическим высказываниям, в том числе побудительного характера, однако их смысл состоит в том, что отношения между супругами должны строиться исключительно на высоких моральных принципах:

Сергей Кузнецов

Ксения, Ну скажу одно: семья - это постоянная работа, <...> Гармония во всём. ps Любая не пьющая, и не курящая девушка, леди! И мужчина настоящий рыцарь, тогда. Если нет БЕГИ И НЕ ОБОРАЧИВАЙСЯ!!!!

Аксиологическая модальность фразы выражается через суперлативные оценки, заключенные в словах-архетипах «леди», «настоящий рыцарь». Использование повелительного наклонения во втором лице единственного числа «беги и не оборачивайся» со множеством восклицательных знаков и заглавных букв передает категоричность предлагаемой формы поведения, не допускающей компромиссов.

Для ответных женских реакций характерны уточняющие риторические вопросы или развернутые высказывания, констатирующие безосновательность огульных обвинений и выражающих сожаление в связи с существующими ситуациями супружеской измены:

Кира Богомол

Сергей, для Вас отец - безработный алкаш? Зачем дома такой паразит вообще нужен. Чисто для примера детям, кем быть НЕ НАДО?

Ксения Мосцеева

Сергей, не всегда так, к сожалению. Было бы так - было бы проще. Масса и куча примеров, когда мужчины даже разводятся с беременной женой из-за появления на горизонте другой особы женского пола. Так что не всегда виновата женская сторона, бывает, конечно, но не только.

К высказываниям каузального характера относится также целый ряд мужских и женских реплик, обсуждающих зависимость деторождения от уровня жизни в стране и от других социокультурных факторов (всего 37 реплик, 24 женских (64%), 13 мужских реплик (36%). Общий стиль дискуссии в данном фрагменте не имеет отличительных гендерных признаков: как женщины, так и мужчины в одинаковой степени используют предложения различного типа, представляющие собой речевые акты «естественно-языковой аргументации» [Баранов 1990]. Это, в первую очередь, сложноподчинённые предложения с двойным союзом *чем..., тем*, устанавливающие определенную закономерность между содержанием главной и придаточной части; простые предложения с частицей «не» и противопоставлением с союзом «а», традиционно используемые в речевых актах - утверждениях доказательного характера.

Например:

Арина Филиппова

Ариадна, от обстановки и зависит. Чем ниже уровень жизни, тем больше рожают.

Иван Иванов

Рождаемость зависит не от законов, а уровня жизни и обстановке в стране

Сергей Носков

Иван, Индия отсталая страна с низким уровнем жизни но рождаемость высокая, в Германии уровень жизни шикарный но рождаемость низкая.

В рамках аргументативной дискуссии женщины чаще прибегают к просительным предложениям-утверждениям, например:

Ирина Филина

Олег, вы как будто не понимаете реальных причин?

Ольга Плитина

Опять какая-то расовая дискриминация? Немки одно, арабки другое...

Ариадна Рид

Иван, почему же тогда немки не стремятся рожать, а те же самые арабки, живущие в Германии, рожают по три-пять детей? Обстановка в стране у них одинаковая :) Не только от этого рождаемость зависит

Как указывает РГ-80, «вопросительные предложения часто имеют субъективно-модальную окраску, вопросы часто могут совмещаться с теми значениями, которые обычно выражаются невопросительными предложениями: элементами утверждения, просьбы, совета, угрозы и т.п». [РГ-80: 387]. Для усиления достоверности высказывания участницы используют вводные конструкции «по факту», «к слову», например:

Анастасия Иванова

Ариадна, ещё от определённых «традиций», зарплат, религии, уровня ответственности человека (вернее готовности её взять, ибо дети не игрушки) по факту сильно зависит от обстановки экономической и менталитетной(?). К слову самая высокая рождаемость именно у людей исповедующих ислам (про пример с арабскими женщинами).

Собственно оценочные высказывания законодательной инициативы, вне каузальных факторов, встречаются намного реже (всего 10 реплик, из них - 3 мужских) и выражают отрицательную аксиологическую модальность преимущественно с помощью вторичных междометий. Чаще всего в них фигурирует самое распространенное в разговорном стиле клишированное оценочное средство «бред», которое может быть усилено с помощью прилагательных, или усилительной частицы «Ну и...», «употребляющейся для придания высказыванию большей силы, выразительности, подчёркивает значение того или другого слова» [БТСРЯ]. Например,

Татьяна Ивановна

Бред....

Мария Михеева

Ну и бред..

Ольга Перец

Полный бред..

При этом часто используются первообразные междометия «ох», «ах», «ой», «фу», выражающие субъективные эмоции, такие как насмешка, удивление, осуждение и отвращение.

Тимофей Галич

ох ноу кринджые

Алина Тураева

Фу бож, осуждаю

Айталипа Саввина

да, треш

Нек Сочнев

Нет слов

Как мужчинами, так и женщинами используется популярный в молодежной среде мем, сочетающий первичное междометие «Фу» со вторичным «боже» и различными изображениями:

Анна Соколова

Фу боже, осуждаю

Томас Одейр

Популярное в молодежном сленге «кринж» (с английского 1. «испытывать неловкость» 2. «съёживаться, скукоживаться» [CD]), выражает чувство стыда и дискомфорта, используется в различных морфологических вариациях окказионального типа:

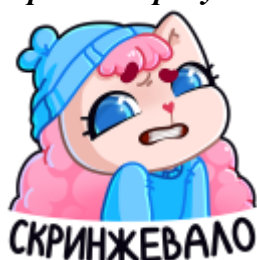
Настя Чернышева

Кринж 🧑

Тимофей Галич

ох ноу кринджые

Ирина 'анфлаутова'

Отрицательная оценка законодательной инициативы передается также с помощью предикативного наречия в превосходной степени в сочетании с частицей «не» или высказываний сходной семантической структуры:

Варя Мирецкая

ничего тупей я ещё не видела

Софья Попова

Видимо остальные проблемы уже решили

Ya Na

Ну серьезно, столько предложений делают, и с каждым разом все тупее и тупее)

Отдельный тематический фрагмент публика составляют высказывания с отрицательной аксиологической модальностью, причины которой кроются в недовольстве участников попыткой ограничения их личных прав и свобод (всего 151 реплик – 74%), из них – женских (88 реплик – 58%), мужских (63 реплик – 42%).

Целый ряд аксиологических модальных значений представлен с помощью реплик, содержащих лексические единицы со значением низкого качества чего-либо, включающими в себя сниженную лексику («дерьмо, дерьмовый, всратый, хрень» и др.). Причем все данные реплики принадлежат женским участницам дискуссии, предлагающим резко негативную оценку инициативы в составе различных синтаксических конструкций, например:

Алина Болотникова

я так понимаю, что-то дерьмовое уже произошло или произойдет, если опять внимание общественности надо переключать на какую-то хрень?

Союз «если» в данном предложении выполняет роль модального квалификатора, в котором содержание придаточной части выражает ирреальную модальность, выступающую логическим следствием предположения, сделанного в главной части. Таким образом, синтаксический рисунок размещения следствия и условия обуславливает ее отнесение к речевым актам недоверия.

Схожее подозрение в заместительной функции разговоров о чайлдфри выражается также другими языковыми средствами. Так, развернутое высказывание следующей участницы в определенной степени построено по законам экспрессивного синтаксиса. Участница парцеллирует предложения, описывающие в кратких предикативных фразах финансово-экономические реалии страны. Размещение в препозиции заключительной фразы наречия «тем временем» придает темпоральному сочетанию характер противопоставления, а самому речевому акту – модальность неодобрения или даже осуждения:

Анна Граняк

Дороги херня, Зарплаты копейки, Цены растут даже как будто на воздух Тем временем гос.: Запретим говорить о том, что ты не любишь детей👍

Для данного типа оценок характерно также использование риторических вопросов, например:

Виктория Брынцева

А кто захочет в такой стране детей рожать

Форма риторического вопроса усиливает негативную экспрессивную оценку высказывания, предполагая, что ответ очевиден (никто не захочет). Использование указательного местоимения «такой» в качестве атрибутивной характеристики страны также получает явный пейоративный характер.

Имплицитная отрицательная аксиологическая оценка реализуется и с помощью отсылок к историческим или географическим фактам, в которых проводятся аналогии с государствами с ограниченными правами и свободами личности. В качестве таковых приводятся, в первую очередь, КНДР и СССР, причем последнее сопоставление вызывает и критические реакции:

Анна Соломатова

Привет из КНДР 😬 😱

Лена Кошка

мы возвращаемся в ссср

Светлана Малышева

Лена, я родилась в 1963 году. При Брежневе и позже в СССР аборт были бесплатными и считались обычным делом и женской неприятностью. Не детоубийством и не грехом. И церковь - любая - в светские дела не вмешивалась. И слова «чайлдфри» никто не знал, хотя сознательно бездетные люди были во все времена. Так что такого давления, как сейчас, в СССР не наблюдалось. Налог с бездетных был, да. Но из женщин его платили только официально замужние в возрасте от 20 до 45 лет.

Первая реплика с десемантизированным употреблением междометия «привет» имеет цель соотнесения с Северной Кореей, имплицитным образом указывая на сходство действий по ограничению гражданских свобод. Сопровождение реплики эмоджи, выражающими чувство ужаса, передает эмоциональное отношение к вероятности уподобления России данной стране. Утвердительное высказывание «мы возвращаемся в ссср» проводит параллель с Советским Союзом, о негативной оценке которого автором реплики может также свидетельствовать написание названия СССР строчными буквами. Ответная реплика вносит разъяснения в состояние репродуктивной политики в советской стране, причем автор, чтобы усилить достоверность собственного

высказывания, апеллирует к собственному жизненному опыту, начиная с указания даты своего рождения.

Некоторые реакции по поводу вероятного ограничения свобод выглядят чаще всего в форме утвердительных предложений, в которых выражается модальность невозможности, относящаяся к прогнозам усиления запретов в будущем времени:

Вова Шейдлин

Скоро тут нельзя будет уже дышать после 6

Василиса Спиридонова

а можно хотя-бы дышать после 21:00??

Ира Пермякова

А дышать можно?

Гиперболизированная форма запрета в виде составного глагольного сказуемого «нельзя будет дышать» становится вирусной и провоцирует целый ряд сходных высказываний, в которых ироническая модальность может принимать как формы утвердительных высказываний, гиперболизирующих вероятное будущее, так и форму вопросов, например:

Тим Наймантаев

Вова, а до 6 по талончикам)

Ина, они скоро и налог на безбрачие введут. Те кому 25+ а штампа нет будут платить 😏

Богдан Азаров

С каждым днем убеждаюсь, что СССР возвращается. Дальше что? Девушкам запретят в штанах ходить?

Marisha Aliza

Богдан, ага, а еще секса не будет. Все будут размножаться почкованием.

Алина Малышева

Ждём налог на воздух

Азалия Зарипова

Как скоро введут налог на воздух?

Луда Петруш

не знают уже что на этот раз обложить налогом. мы уже буквально за все в нашей стране платим налоги. осталось еще за воздух платить, и будет ВО 👍

Негативное отношение к возможности запретительного регулирования жизни российских граждан демонстрирует следующий участник дискуссии. С помощью предикативного наречия «хорошо», усиленного восклицательной частицей «как», относящихся к проживанию автора за пределами России, именуемой пренебрежительным «Рашка» (от англ. произношения Russia /Рапшэ +

суффикс – к), коммуникант не только понижает статус страны, но и повышает свой собственный статус, дистанцируясь от иных участников коммуникации:

Юрий Бесов

Как хорошо что я не в Рашке живу

Сходная отрицательная оценка попытки ввести закон о запрете пропаганды чайлд-фри характерна и для двух F-реплик, авторы которых делают вывод о необходимости покинуть страну, при этом одна из участниц использует обценный глагол со значением «быстро удалиться, обычно в страхе» [sinonim.org], прибегая к графической эвфемизации с помощью астериска * :

Валерия Галахова

пора уезжать

Даша Петрова

Здорово живём. Пора съ*бывать

Лишь одна мужская реплика пытается ввести контраргумент, который в определенной мере оправдывает актуальное состояние действительности. Примечательно, что данная аргументация выражается в форме вопросов, предполагающих отрицательный ответ:

Андрей Ореев

Алексей, а когда было лучше скажи? При царе? До царя? И где сейчас хорошо назови.

Речевой акт с просьбой ответить, где хорошо сейчас, также предполагает универсальный ответ – вывод, что не следует судить о своей стране в черных тонах и считать, что в других странах ситуация лучше.

Невозможность полноценного существования в предполагаемой действительности отражается также посредством ссылок на прецедентные тексты, среди которых традиционно упоминается высказывание «Остановите Землю — я сойду» (англ. Stop the World – I Want to Get Off, дословно: Остановите Мир — я хочу выйти) – из мюзикла Л. Брикасса и Э. Ньюли [Ливант 1968: 6]. Все реплики принадлежат женщинам:

Лера Соловьёва

Остановите землю, я сойду.

Александра Москаленко

Остановите планету, я сойду 🙄

Юлия Рыбина

Аааа, остановите эту планету 🌍

С иной целью обыгрывается название «Беременна в 16», популярного российского ТВ реалити-шоу, являющегося одноименной адаптацией американского реалити-шоу «16 and Pregnant», посвященного подростковой беременности [u-tv.ru 2024]. Их основной целью, независимо от способа формулирования, является указание на ту непоследовательность, которая характерна для трансляции передач сомнительного дидактического содержания и инициативы запретить «пропаганду чайлд-фри среди детей»:

Шолохова Татьяна

mmm еще больше рожаящих малолеток еще больше выпусков «беременна в 16»

Ульяна Зарнадзе

Меня больше всего прикалывает, что это запрет пропаганды среди ДЕТЕЙ. Ну да, давайте наоборот пропагандировать рождение детей среди детей, а то давно новых выпусков Беременна в 16 не было.

Реплика, включающая в себя междометие «mmm», выражающее традиционно раздумье, используется в ироническом смысле, имплицитно смысл, к каким результатам может привести неверное прочтение законодательной инициативы. Ирония заключена и в словах другой участницы диалога, с помощью написания заглавными буквами слова ДЕТИ указывающей на нелепую формулировку.

Отдельный сегмент каузальных высказываний, выражающих отрицательную аксиологическую модальность, составляют реплики коммуникантов, опасующихся введения налога на тех, кто желает, но не может иметь детей (24 F-реплик, 5 M-реплики). Значительная их часть представляет собой описание личных бед, связанных с невозможностью иметь детей, ответные реакции носят характер разъяснений, предполагающих, что данной группы супружеских пар это не коснется. Типичный диалог в данном сегменте строится следующим образом:

Кристина Никифорова

А если люди больны, и не смогут заделать детей для государства?)

Draining Evee

А если не может иметь детей?

Варя Шломина

Ну допустим, а если человек не может иметь детей?

Ина Еремян

почему они не думают о том, что может у пары не получается иметь детей?

Юлия Зиновьева

Ина, при чем тут получается или нет? Тут должно быть ХОЧУ. Если у человека получается, но он не хочет детей, какого фига он должен платить. А для людей, которые не могут, думаю Госдума мед справки придумает, которые будут подтверждать бесплодность.

Ина Еремян

Юлия, да ладно? правда? мы с мужем 4,5 года не могли иметь детей, все анализы были в порядке, о каких справках может идти речь? конечно скажут, что не хотят иметь детей открою секрет 😊 есть пары такие, как мы, по здоровью всё прекрасно, а ребенка нет и нет.

Сама содержательная часть данного фрагмента дискуссии предполагает преобладание в них вопросительных предложений, в которых «частица *что, если* служит для выражения вопроса о возможности чего-либо, осложняемого оттенками опасения, неожиданности или внезапности» [РГ-80: 387]. Ответы на эти преобладающие количественно вопросы-опасения носят преимущественно характер ободряющих разъяснений, среди которых встречаются и отдельные иронические высказывания, например:

Карина Черешенка

Ина, лол, думаю, они их на эко по гос программе отправят

Использование участницей аббревиатуры лол (от англ. lol – «laughing out loudly» – «смеяться вслух» [OD], указывает, что такая перспектива представляется автору утопической и смехотворной.

Ответными реакциями чаще всего являются высказывания, выражающие модальность недоверия самым различным способом: от клишированных сочетаний «да ладно?» до иронических высказываний, имитирующих структуру лозунгов с модальностью «экспрессивного одобрения перформативного характера» [Ваулина, Кукса 2018 : 63].

Saida Begzi

Да здравствуют взятки за справку о бесплодии

Таким образом, отрицательная аксиологическая модальность, демонстрируемая большинством высказываний, связана с самыми различными факторами: социально-экономическими, культурными, политическими,

этическими, личностными. Однако принятие этой идеологии характерно только для незначительного процента участников, высказывающихся в категорической модальности, не допускающей никакой альтернативы (9 реплик – 18%), из которых женских (8 реплик – 80%), мужских (2 реплик – 20%).

Александра Сидорина

Даже если за бездетность будет расстрел, я рожать не буду.

Вероника Амстердамова

А если я не хочу вообще детей рожать? 🤡

Adel Vagner

Не хочу рожать и никогда буду

Данил Беклемышев

Я не хочу иметь детей, убейте меня

Подавляющее большинство коммуникантов обсуждающих идеологию чайлдфри (48 реплик – 24%) от общего числа реплик, выражает, либо свое недоумение тем, что можно не желать иметь детей или призывать к этому (29 реплик – 60%), из которых женских (19 реплик – 66%), мужских (10 реплик – 34%), либо свое нейтральное отношение к данной проблеме (10 реплик – 21%), из которых женских (7 реплик – 70%), мужских (3 реплики – 30%).

Анна Сорокина

Не понимаю, как можно не хотеть детей? Это же смысл жизни, продолжение рода. Или я что-то упускаю?

Максим Гармс

Все вокруг спорят рожать или нет. Живите как хотите, мне кажется, это личное дело каждого.

Лица @SunnyCat

Странно, что кто-то осуждает бездетных. Разве нельзя просто... не хотеть? Мир же разный и люди тоже.

Игорь Нестеренко

Мне всё равно, сколько детей у других, но лично я хочу семью и детей.

Карина Лис

Не осуждаю, но и не понимаю. Может, вы просто ещё не встретили того, с кем захотите семью? Или чайлдфри стало трендом?

Таким образом, отличительной особенностью данного фрагмента является наличие большого количества реплик каузального характера, которые составили 76%. В репликах каузального типа активно используется форма риторических вопросов различного типа, в большей степени свойственная женщинам (18% всех каузальных реплик, из них женщины 71%).

Гендерно маркированными в данном фрагменте представляются также высказывания с иронической модальностью (женщины 80%, мужчины 20%), особенностью которых является употребление первообразных эмотивных междометий (женщины 76%, мужчины 24%) и общеоценочных наречий (*замечательно, хорошо, классно*) (женщины 67%, мужчины 33%) для выражения иронического, противоположного словарному значению, смысла.

Модальность волеизъявления преимущественно реализуется в речи мужчин (мужчины 60%, женщины 40%), при этом для мужских реплик характерно использование устойчивых конструкций, в которых побудительная модальность пересекается с модальностью желательности («шли бы они на...», «да чтоб их камазом...») и усиливается обценной лексикой, эвфемизируемой с помощью знака астериска.

Следует отметить, что в данном паблике обценная лексика практически одинаково часто встречается в мужских репликах и женских репликах (мужчины 52%, женщины 48%). Однако маскировка отдельных букв с помощью астериска характерна в большей степени для женщин (женщины 70%, мужчин 30%).

Участие в данном паблике более молодого контингента обуславливает более активное использование ими лексики молодежного сленга (*сорян, кринж, скринжевало, кринжные, тильт, лол, байт, коменты, хейт*) и словарных сокращений (*збс, чзх, ппц, пзди, мб, нах, мес, мс, тр.*). При этом элементы молодежного сленга используются одинаково часто мужчинами и женщинами, в то время как сокращения – чаще используются женщинами (женщины 80%, мужчины 20%).

Наличие эмотиконов в рассматриваемом фрагменте почти в два раза меньше, чем в других, что связано с меньшей эмоциональностью в обсуждении темы. Вместо них чаще всего используются графические элементы-пиктограммы (:)) :) ;) , при этом в высказываниях женщин, адресованных к мужчинам, преобладают :-) – «улыбка, шутка»; ;-) – «улыбка с подмигиванием, ироническая улыбка» (женщины 77 %, мужчины 23%).

3.3. Гендерные особенности репрезентации метакоммуникативной модальности (на материале паблика ВПШ)

Область метакоммуникативной модальности в рассматриваемом фрагменте паблика формируется высказываниями следующего типа:

- высказывания метаязыкового характера, разъясняющие сам смысл лексем «чайлдфри» и других лексем, входящих в инициальную реплику модераторов паблика, а также оценивающие стиль формулировки проекта законодательной инициативы (14 F- реплик –23%, и 5 M- реплик–8%);
- высказывания метакоммуникативного характера, выражающие оценку вербального поведения собеседника (19 F- реплик–31%, и 14 M- реплик–23%);
- высказывания метакоммуникативного характера, выражающие отношение к собственному высказыванию (9 F- реплик –15%, и 0 M- реплик–0%);

Реплики первой группы, реализующие значения метаязыковой модальности, составляют довольно значительный процент среди общего количества высказываний: 61 реплика (25%) от общего числа, из них 19 M- реплик (31%) и 42 F- реплики (69%).

Повышенному вниманию к метаязыковой стороне высказывания способствует включение в инициальную реплику «В Госдуму внесли законопроект о запрете пропаганды чайлдфри среди детей 🇷🇺» самого слова «чайлдфри», смысл которого не всем понятен, что вызывает необходимость метаязыковых комментариев разъяснительного характера. Так, именно с вопроса о значении данного неологизма открывается обсуждение темы законодательной инициативы:

Егор Пармонов

это кто ваще?

Включение имитирующего разговорное произнесение наречия «вообще» призвано, как можно предположить, выразить недоумение автора по поводу незнакомого ему слова. Следующая за ним женская реплика

доступным образом разъясняет смысл заимствованного из английского языка слова, на что следует ответ того же пользователя, выражающий полное безразличие к нежеланию некоторых граждан иметь детей:

Лия Гасай

Егор, люди которые не хотят иметь детей

Егор Пармонов

Лия, пусть не имеют

Использование предложения с частицей «Пусть» в данном случае имеет значение, определяемое «Русской корпусной грамматикой» как «невмешательство» (нонкуратив), при котором говорящий сообщает о том, что не намерен «вмешиваться в ситуацию, самим фактом своего высказывания допуская ее существование» [RUSGRAM].

Несмотря на предложенное участницей под ником Лия Гасай вполне четкое объяснение значения англо-американизма «чайлд-фри», смысл фразы о недопустимости пропаганды идей чайлдфри «среди детей» продолжает вызывать недопонимание коммуникантов:

Даня Тимкив

это лютый бред, какое чайлдфри??? То есть несовершеннолетним рожать надо???

Заметим, что инициальная реплика модераторов ВПШ «В Госдуму внесли законопроект о запрете пропаганды чайлдфри среди детей», действительно, способна вызвать подобное истолкование. Резко отрицательная оценка в виде клишированного сочетания «это лютый бред» сопровождается синтаксически фразеологизированным вопросом, начинающимся с десемантизированного определительного местоимения «какое» [о фразеосхемах подобного типа см. подробнее Панкова 2007]. Нелепость предложенной автором интерпретации высказывания подчёркивается за счет его оформления с помощью 3 вопросительных знаков.

Непонятливость пользователя под ником Даня Тимкив вызывает ряд отрицательных реакций метакоммуникативного характера, продолжающие разъяснять смысл формулировки и оценивающих интеллектуальные способности автора в целом:

Наталья Наумова

Даня, вы чем читаете? никто не обязывает вас рожать детей.

Полина Кауфман

Даня, глядя на вас, надо выпустить закон о принудительном образовании.

Однако речевая оплошность вызывает и другие комментарии метакоммуникативного толка:

Ульяна Зарнадзе

Меня больше всего прикалывает, что это запрет пропаганды среди ДЕТЕЙ. Ну да, давайте наоборот пропагандировать рождение детей среди детей, а то давно новых выпусков Беременная в 16 не было.

Ироническая модальность выражается как эксплицитно, с помощью разговорной лексики «прикалывает» и выделения заглавными буквами вызывающего недоумение слова ДЕТИ, так и традиционными имплицитными способами путем использования побудительного высказывания в прямо противоположном смысле и отнесения к названию телепередачи с весьма сомнительным воспитательным потенциалом.

Мужские реплики выражают недоумение по поводу вероятности пропаганды чайлдфри среди детей в более резкой форме, используя форму риторического вопроса и проводя демаркационную границу между своими и чужими:

Кирилл Макаров

Да кто это на\$>й среди детей будет обсуждать???? Ваш это чайлдфрииии

При этом обценную форму вопроса «зачем» автор реплики эвфемизирует оригинальным образом: с помощью знака доллара и математического знака «больше».

Определенная степень недопонимания смысла инициальной реплики характерна и для других участников публича, высказывания которых свидетельствуют о недостаточной вовлеченности авторов комментариев в обсуждаемую проблематику:

Екатерина Аграфонкина

так вот к чему сегодняшний бред на разговорах о важном.

Выражая отрицательную аксиологическую оценку с помощью сочетания «сегодняшний бред», автор комментария связывает ее с той темой, которая, очевидно, была предложена педагогам в рамках занятий, которые

проводятся в школах под названием «разговоры о важном». Начало фразы с акцентирующего сочетания двух частиц «так вот к чему» показывает, что до вхождения в паблик автор не понимал, почему на уроках была предложена данная тема. Сходное недопонимание, спровоцированное темой дискуссии, выражают и другие коммуниканты, некоторые из них прибегают к более грубым формам экспликации своих мыслей:

Marisha Aliza

Катя, я то думаю, нах нам про детей рассказывают. Вот оно что

Как это свойственно большинству женских реплик, обценная форма заменяется эвфемизмом – в данном случае его редуцированной формой, соответствующей литературному наречию цели «зачем».

Другие участницы также продолжают данную ветвь дискуссии:

Katherine Ekaterina

Катя, а че было

Лена Ваганова

Екатерина, традиционные семейные ценности.)

Александра Ситникова

Екатерина, «традиционные семейные ценности»)

Алина Чертовских

Дарья, глупый вопрос, потому что такие ценности в государстве, типо семья, брак и

тд

Полина Валянская

Духовные скрепы, так сказать 😊

Ответ на вопрос о содержании «разговоров о важном» содержит в себе только часть цитаты «традиционные семейные ценности», однако размещение в постпозиции знака скобок в значении иронии, может свидетельствовать о соответствующем отношении автора поста, демонстрирующего определенную степень усталости от некоторых языковых клише, утрачивающих свою первоначальную семантическую ценность в связи с их излишней амортизацией в рамках идеологизированного педагогического дискурса. Как указывает Л.П. Доронина, кавычки в межличностном общении используются для подчеркивания иронии или негативного отношения автора [Доронина 2005 : 24]. Частое употребление слов и фраз вроде "традиции" и "духовные скрепы" может восприниматься как инструмент манипуляции, как попытка с помощью

пафосных выражений создать определенный образ мысли, а в результате вызывает недоверие и скепсис.

Примечательно, что необходимость метаязыковых комментариев вызывает также само слово «пропаганда», неверное понимание которого в данном социальном контексте, способно, по мнению пользователей, спровоцировать нежелательные последствия:

Александра Приходько

слово "добровольно" главное фигурирует в словах, и это "противоречит традиционным ценностям".

Arina Rapatsevitch

Александра, "пропаганда" противоречит а не желание или ещё что-то

Авторы женского пола в дружелюбной манере, обращаясь друг к друг по имени, пытаются интерпретировать смысл слова «пропаганда», высказывая свои опасения, что одно использование слова «чайлдфли» в любом контексте может повлечь за собой негативные последствия административного толка:

Алина Решетникова

Варечка, да не, я не думаю, что именно упоминание. ведь если я скажу что против чайлдфри, тем самым упомяну его, как это может быть пропагандой

Марийка Писарева

Алина, как мы знаем у нас не конкретизировано слово "пропаганда".

Алина Чертовских

Марьям, да, я тоже не совсем понимаю значение этого слова в данной ситуации

Дискуссия на предмет «истинного», не словарного значения слов и высказываний, протекает в различной форме, при этом сами авторы нередко используют лингвистические термины и эксплицитным образом выражают свое личное отношение к собственному высказыванию, например:

Ариадна Рид

Анастасия, да, я это и сама прекрасно понимаю. Вопрос был скорее риторическим, чтобы автор первого коммента порассуждал над своим суждением

Лия Гасай

я не знаю, почему тут все так резко настроены, или читать просто не умеют никто не заставляет вас рожать...

Ирина Вальзер

Лия, ты в тильте жёстком сейчас находишься, или реально не понимаешь о чём речь?

Варвара Гнедых

Лия, реально, ты не понимаешь как-будто суть закона: пропагандируешь чайлдфри = плохой, ничего про это не говоришь = хороший, всё)

Использование сленгового выражения «*в тильте*» указывает на эмоциональное состояние адресата, при котором он «не контролирует свои действия» [WIKI]. В сочетании с конструкцией «реально не понимаешь» выражает недоверие к способности собеседника понять смысл обсуждаемой темы. В следующей, более умеренной по своей эксплицитной модальности реплике наречие «реально» снова подчеркивает сомнения в когнитивной компетентности адресата. При этом собеседница предоставляет свою собственную, упрощенную интерпретацию закона: «*пропагандируешь чайлдфри = плохой...*», ничего про это не говоришь = хороший». Авторская метакоммуникативная модальность отдельного высказывания имплицитным образом свидетельствует о ценности молчания и опасности употребления самого слова, особенно в условиях интернет-коммуникации. Иронический характер собственного разъяснения заканчивается скобкой со значением ироничного отношения к высказыванию.

Смысл слова «пропаганда» и конкретное его содержание вызывает различные метакоммуникативные интерпретации. Многие из них призывают к прямой трактовке смысла законопроекта и призывают не усложнять его посредством возможных интерпретаций. Приведем целый полилог, иллюстрирующий различные виды экспликации метакоммуникативной модальности:

Анна Орешина

Вероника, так не рожай, говорят же о запрете пропаганды

Марья Чаплин

Вот именно, запрет пропаганды это не запрет думать и делать что хочешь

Лия Гасай

Ануа, а что именно отнесут к пропаганде ты откуда знаешь

Вероника Валянская

Лия, если ты будешь призывать детей не рожать. что не понятного?

Лия Гасай

Вагумбай, а зачем мне это делать. Я в отличии от инициаторов таких законов, не лезу в принципе в чужую личную жизнь, касаемо рождения детей и так далее)

Вероника Валянская

Лия, ну не именно для тебя же этот закон ввели) понятно же, что разные люди бывают, кто-то не лезет, кто-то лезет и продвигает свои идеи.. для них и будет закон)

Определенную усталость от нежелания понимать смысл инициативы вместе с эмоциональным призывом к адекватности демонстрирует нижеприведенная реплика:

Полина Кауфман

Люди ау. Запретили ПРОПОГАНДУ а не делать выбор МОЛЧА не рожать. Речь о том что чайлдфри любят орать и обзывать личинусами детей и тупыми тех кто их заводит. Вот и все. Не рожать вам никто не запрещает. Будьте просто адекватными.

Междометие «ау», следующее за фатическим обращением «люди», имеет здесь значение побуждения, призывающее прийти членов сообщества в себя и опомниться. Автор, пишущий с ошибкой слово «пропаганда», прибегает к капитализации букв в данном слове и в предлагаемой к нему антитезе «МОЛЧА», а также в негативном свете характеризует самих последователей чайлдфри с помощью сниженного разговорного «орать» и окказионального образования «личинус» (от «личинка» + суффикс латинского происхождения -ус, которыми чайлдфри пользуются для уничижительного обозначения тех, кто хочет иметь детей).

Выявление скрытых смыслов слов может приобретать также форму употребления антонимических лексем, заключенных в кавычки с целью подчеркивания противоположности смысла высказываний их истинному смысловому содержанию, например:

Лия Гасай

Вагумбай, я как раз все прекрасно понимаю. Очередное «невмешательство» в жизнь людей.

Саркастический смысл может передаваться и с помощью эрративного написания наречия «типа» – типо:

Алина Чертовских

Дарья, глупый вопрос, потому что такие ценности в государстве, типо семья, брак и тд.

Использование окказионального окончания подчёркивает, что слово употребляется не в его традиционной функции слова-паразита, рассмотрению которого посвящено значительное количество статей [см. подробнее: Морозов 2014; Горбунова 2019; Воротников 2019 и др.], а маркирует ироническое отношение к составу «навязываемых сверху» ценностей.

Критической оценке подвергается и включение заимствованного слова «чайлдфри» в состав проекта планируемой законодательной инициативы. Его использование вступает в противоречие с декларируемой правительством борьбой с засорением речи англо-американскими заимствованиями¹⁵. Например:

Иванна Иванова

А че они используют иностранные слова, которым есть аналоги в русском языке??
Атата

Вопрос, начинающийся с нарочито разговорного «че», рассчитан на общую для участников дискуссии пресуппозицию (знание проекта закона), а включение в его концовку междометия «атата», употребляемого в качестве «шутливой угрозы наказания маленькому ребенку, в форме отшлёпать по попе» [ru.hinative.com 2024], в определенной мере снижает статус инициаторов законов о «чистоте» русского языка.

Не проходят мимо внимания участников обсуждения и другие недостатки языкового оформления проекта о запрете пропаганды чайлдфри. Некоторые из них прибегают к использованию косвенных речевых актов, предполагающих декодирование противоположного по отношению к пропозициональному суждению смысла, например:

Полина Стафеева

мне нравится сочетание слов «добровольно» и «пропаганда» 😄😄

Алогизм подобного сочетания представляется вполне очевидным, однако автор комментария усиливает его экспрессивный смысл с помощью удвоенных эмодзи, выражающих «ухмыляющееся лицо с большими глазами» [ЕМОJI].

Общее качество написанного проекта также получает отрицательную оценку путем его сравнения с рефератом школьного уровня:

Дарья Туманова

Федеральный закон написан как реферат в школу.

---

¹⁵ Согласно официальным источникам, в Госдуме прошел первое чтение законопроект, который в случае окончательного принятия запретит им официально использовать англо-американские заимствования, аналоги которых есть в русском языке [см. подробнее rg.ru].

Вторая группа высказываний, маркирующих межличностную метакоммуникативную модальность, оценивающих вербальное поведение собеседника, также занимает значительное место в пространстве диалога участников публича. При этом выражаемое отношение к высказыванию тесным образом взаимодействует с аксиологической оценкой самих авторов высказываний, градуируемой в рамках оппозиции «свой/чужой».

Незначительная часть реплик (2 реплики – 1%) предвещает авторам высказываний их принадлежность к классу приверженцев так называемых либеральных ценностей. Примечательно, что такие отрицательно маркированные утверждения являются ответными реакциями на реплики, которые содержат либо эксплицитное указание на саму попытку запрета как вмешательство в личную жизнь, либо (гораздо реже) выражают категорическое нежелание иметь детей:

Алина Липчанская

Ну конечно, государству виднее, как нам жить! Уже и детей заводить становится не личным выбором, а обязанностью. Скоро за чайлдфри в тюрьму сажать начнут?!

Валерия Исаак

Сначала запреты, потом налоги, а теперь ещё указывать, рожать или нет. Такое чувство, что личная жизнь в этой стране скоро совсем исчезнет

Данил Беклемишев

Я не хочу иметь детей, убейте меня

Именно высказывания подобного типа расцениваются отдельными пользователями как свидетельства приверженности либеральным ценностям, пытающимся транслировать основы идеологии «чайлдфри»:

Александр Серегин

Данил, Фига тут либералы рвутся

Сергей Александрович

Александр, либералы ущемились смешно

Аня Смалевская

Мутить стало после ваших комментариев

Другая группа реплик, оценивающих авторов высказываний по их содержанию и формулировкам, имеет достаточно традиционную для пространства интернета в целом форму бездоказательных высказываний о предполагаемом «авторстве» высказываний, приписываемых ботам. Приведем в качестве

примера весьма показательный для понимания смысла обвинительных речевых актов данного типа полилог:

Багымбай Рахметов

Олеся, когда уже будут банить ботов...

Матильда Чичнахивили

Багымбай, а давно люди, не согласные с политикой президента, стали ботами?

Багымбай Рахметов

Матильда, ну, где-то с конца февраля прошлого года

Матильда Чичнахивили

Багымбай, аааа, я тебя понял, телевизор смотришь да?

Багымбай Рахметов

Матильда, а ты типа нетакуся да? нет, я смотрю ютуб и мультики. если тебе очень хочется докопаться, то объясню, ботами я называю тех людей, которые приплетают действия в соседней стране абсолютно везде, к любому инфоповоду.

Первая реплика диалога, несмотря на эксплицитный вопрос о том времени, когда участие ботов в дискуссиях станет запрещено, имплицитным образом указывает на уверенность коммуниканта в том, что высказывание автора под ником «Олеся» сгенерировано ботом. То есть, запрос на подтверждение источника информации выражает сомнение в достоверности авторства и подвергает высказывание критической оценке. *Ответная реплика, содержащая риторический вопрос с фразеологизированным началом «а давно ли»*, не только выполняет семантическую связь с предыдущим высказыванием, но и ироническим образом указывает на традиционную полемическую «уловку» автора причислять всех согласных с мнением президента к техническому клану ботов.

Дальнейший обмен ответными репликами происходит в имплицитно-ироническом русле, когда авторы прибегают к различным средствам: к указанию на прецедентное событие (начало российско-украинского военного конфликта), к ответному речевому акту «Аа... телевизор смотришь», содержащую в подтексте упрек избобличительного характера, поскольку противники официальной идеологии не должны смотреть то, что они именуют «зомбоящиком». Интонационное оформление фразы с помощью когнитивного междометия «аааа» в значении реакции говорящего на те действия, которые его адресат желал бы скрыть, усиливает иронический характер высказывания. Заданный

предыдущей репликой иронический стиль поддерживается с помощью интересного окказионального образования «нетакуся», представляющего собой свернутую синтаксическую склейку разговорного клише «я не такая» с добавлением диминутивного суффикса *-уся*. Включение в концовку вопроса частицы «да», служащей для «подтверждения собственной правоты и побуждения собеседника к ответу» [см. подробнее Воейкова 2015], имеет одновременно имплицитный смысл указания на то, что собеседнику присущи те же качества, что и его оппонентке.

Как видно на примере этого и других диалогов или просто отдельных высказываний метакоммуникативного характера, несмотря на то, что под ботами, согласно «Словарю новейших иностранных слов», принято понимать «программу, незаконно устанавливаемую на чужом компьютере, позволяющую злоумышленнику выполнять некие действия с использованием ресурсов зараженного компьютера» [СНИС], в условиях данного полилога реализуется конкретизированное значение слова «бот». Заинтересованность тех политических кругов, которые осуществляют некое воздействие на общественное мнение, выражается, по мнению отдельных участников публика, именно в активизации ботов, обслуживающих «нужные», «востребованные» правящими кругами аксиологические или идеологические установки. При этом именно женские реакции на высказывания, содержащие подозрения в авторстве ботов, зачастую выражают сомнения, связанные с определенной политической ангажированностью других коммуникантов.

Кроме реакций метакоммуникативного характера, содержащих негативную оценку, в данной группе также широко распространены речевые акты одобрения. Позитивно окрашенные высказывания выражают похвалу как содержанию высказывания, так и его форме, часто выражают согласие, одобрение и похвалу автору высказывания и его интеллектуальных способностей, например:

Сергей Кузнецов

Алексей Мудров, ты правильный человек! Значит думающих, и видящих, сущность диктата: Есть!

Савелий Попов

Алексей, хорош

Анна Орешина

Сogaline, вот с этим согласна

Лада Формалёва

а завод по рождению детей скоро откроют??

Михаил Стебанский

Лада, он уже существует.

Лада Формалёва

Михаил, где же?

Михаил Стебанский

Лада, в людях

Лада Формалёва

Михаил, остроумно))

Все вышеуказанные реплики, насыщенные позитивно-оценочными прилагательными и причастиями («правильный», «думающий», «видящий»), предикативными формами («хорош», «согласна», «остроумно») направлены на установление дружелюбной атмосферы, поддержание беседы и подтверждение интеллектуальной общности оценок.

Третья группа, выражающая отношение к собственному высказыванию, т.е. к степени его достоверности, источника знаний, или эмоциональному отношению, представлена ограниченным количеством специализированных модальных средств. Чаще всего с их помощью выражается степень уверенности, указание на то, что высказанная мысль – это только мнение, которое не является проверенным и не имеет характер утверждения:

Алина Чертовских

Варечка, да не, я не думаю что именно упоминание. ведь если я скажу что против чайлдфри, тем самым упомяну его, как это может быть пропагандой

Марийка Писарева

Алина, как мы знаем у нас не конкретизировано слово "пропаганда".

Алина Чертовских

Марьям, да, я тоже не совсем понимаю значение этого слова в данной ситуации

Sev Kamisato

Данил, мне понятно, но многим другим не очень, судя по тому, сколько девочек-подростков беременеют)

Дмитрий Кантышев

Polina, да я не про себя совсем, у меня с этим нет проблем, к счастью. Просто привел по аналогии пример, который гораздо чаще встречается.

Фраза «*мне понятно*» демонстрирует уверенность говорящего в своем адекватном понимании слова, однако противопоставление «*но многим другим*

не очень», за которым следует неожиданное окончание о беременности малолетних, выражает не сомнение в общем уровне осведомленности, а достаточно злую иронию, маркируемую соответствующим знаком скобок. Существуют фразы, содержащие прямой запрос на источник информации:

Вероника Амстердамова

А если я не хочу вообще детей рожать?

Yana Maligina

Вероника, налог введут

Александра Иванова

Yana, это откуда такая информация?

Yana Maligina

Александра, ну очевидно кто рожать не хочет платите налоги за бездетность))

Автор ответа не обременяет себя необходимостью на указание конкретного источника, ограничиваясь использованием вводного слова «очевидно», выражающим модальный смысл полной уверенности в достоверности своего высказывания.

В целом, из анализа средств выражения метакоммуникативной модальности следует, что женщины гораздо чаще становятся авторами высказываний, посвященных критическому осмыслению языковых проблем (14 F-реплик – 74%, и 5 M-реплик – 26%), активно вступают в межличностные диалоги метакоммуникативной направленности, разъясняя значения слов и потенциальные скрытые в них смыслы, а также полемизируют с другими участниками по поводу вербальной стороны высказываний.

Высокочастотным маркером метакоммуникативной модальности в рамках исследуемого материала выступают риторические вопросы, всего 34 единиц, 23 F-реплик – 67%, и 11 M-реплик – 33%).

В отдельных репликах метакоммуникативная модальность пересекается с аксиологической, когда участники используют устойчивые сочетания «к сожалению», «к большому сожалению», «к счастью» (6 F-реплик – 67%, и 3 M-реплик – 33%).

Несогласие с общим тоном высказываний находит отражение в редких репликах, оценивающих всех членов сообщества или дающих строго

определенную оценку их высказываниям (1 F-реплика–33%, и 2 M-реплик – 67%). Нередко встречаются речевые акты одобрения метаязыковой направленности (4 F-реплик –31%, и 9 M-реплик–69%).

Выводы

Анализ средств экспликации аксиологической и метакоммуникативной модальности в их гендерной специфике, выполненный нами на материале популярных российских пабликов, выявил, что в рамках сетевого обсуждения гендерно маркированных проблем мужчины и женщины проявляют различную степень активности. В качестве основных типов модальных значений, репрезентируемых в репликах пользователей, нами были выделены аксиологическая и метакоммуникативная модальность. Количественные данные о соотношении различных видов модальности в изучаемых пабликах представлены в приложении 1. Процентное соотношение мужских и женских реплик, репрезентирующих аксиологическую и метакоммуникативную модальность, представлено в диаграммах, включенных в приложение 2.

Как показал анализ, причины различной степени активности мужчин и женщин в рамках конкретных дискуссионных фрагментов зависят от характера обсуждаемой темы. Если дискуссионный объект в большей степени касается мужчин и вызывает у них резкое неприятие, то в паблике наблюдается преобладание комментариев мужских коммуникантов, и, напротив, если тема в большей степени относится к женщинам и вызывает у них, в целом, негативную реакцию, это отражается на коммуникативной активности женщин, принявших участие в конкретной тематической ветви обсуждения. Именно стремление высказать свое резко отрицательное отношение к проблеме, содержащейся в инициальной реплике модераторов, становится основным триггером, обуславливающим абсолютное преобладание в пабликах отрицательной аксиологической модальности (Приложение 3).

Так, превращение церемонии открытия Олимпийских игр в парад сексуальных меньшинств с акцентом на продвижение гомосексуальных и трансгендерных практик предопределило количественное преобладание в данном дискуссионном фрагменте мужчин. В то же время оскорбительное наименование «рожалка», сводящее функции женщин исключительно к репродуктивным, вызвало возмущение представительниц женского пола и обусловило численное преобладание женских комментариев.

Выполненный нами анализ подтвердил предположение о том, что, если само содержание высказывания определяется присущей пользователям системы ценностей, то выбор модально-оценочных средств в значительной степени зависит от самой формулировки реплики, инициирующей дискуссию. Предъявление высказываний иронического характера вместе с его иллюстрацией стимулирует ответные реакции с высоким коэффициентом аксиологической модальности. Включение в формулировку фразы, предлагаемой для обсуждения, неоднозначно трактуемых лексических единиц (окказионализм «рожалка» или заимствование «чайлдфри») увеличивает долю высказываний, репрезентирующих метакоммуникативную модальность.

Количественный анализ гендерных особенностей средств репрезентации аксиологической и метакоммуникативной модальности обнаружил, что наибольшая дифференциация наблюдается в сфере волеизъявления. Для мужских высказываний характерно преобладание категоричных, экспрессивных форм выражения побудительной модальности с помощью инфинитивных предложений-призывов или конструкций с императивом второго лица единственного и множественного числа. Данный тип речевых актов характерен как для выражения аксиологической, так и метакоммуникативной модальности. В женских репликах имеет место преобладание модальности желательности, выражаемой с помощью форм сослагательного наклонения, чаще всего в форме безглагольных предложений с частицей *бы*, а также с помощью речевых актов с иронической модальностью и различных средств митигации.

В меньшей степени гендерные отличия проявляются в выражении аксиологической модальности с помощью риторических вопросов, функционирующих в рамках интеракции коммуникантов. Они представлены значительным количеством реплик как в мужской, так и в женской речи, однако женщины чаще используют риторические вопросы уточняющего характера, в то время как мужчины прибегают к риторическим вопросам фразеологизированного типа в качестве контраргумента.

На лексическом уровне гендерные отличия проявляются в более высокочастотном употреблении мужчинами обценизмов, этнофолизмов, инвектив и стилистически сниженной лексики. При этом обценная лексика крайне редко используется мужчинами по отношению к другим участникам общения; объектом обценных характеристик становятся те индивиды, сообщества, нации или страны, которые не вписываются, по убеждению коммуникантов, в традиционную систему ценностей. Так, резкое неприятие гомосексуальных практик нашло свое лексическое отражение в полном спектре синонимических и деривационных средств, именующих представителей гомосексуальной ориентации (мужчины 92%, женщины 8%); существительных общеоценочного значения, обладающих негативной семантикой: *уроды, ублюдки, дауны и др.* (мужчины 76%, женщины 24%); этнофолизмов как лингвистических маркеров вражды: *пиндосы, амеры, хохлы и др.* (мужчины 73%, женщины 27%). Исключительно мужскую маркированность имеет также использование обценных междометий в качестве средства экспрессивизации своего негативного отношения.

Мужчинам в значительно большей степени свойственно использование наречий-интенсификаторов (*совсем, вообще, реально, в разы и др.*), а также общеоценочных прилагательных негативной окраски (*плохой, ущербный и др.*), в то время как женщины чаще используют оценочно-дескриптивную лексику (*глупенький, странный и др.*).

В использовании мужчинами и женщинами лингвокреативных средств аксиологической модальности практически не наблюдается количественной

разницы. Кроме уже получивших широкое хождение игровых словообразований (*гей-европа, толерасты* и т.п.), участники изобретают собственные неузусальные образования. При этом нередко возникают целые ряды однотипных игр, построенных по единой словообразовательной модели. Так, женщины обыгрывают модель «рожалка» (*стрелялка, доставалка, бездумалка*), мужчины образуют искусственные феминитивы (*сталеварки, президентки, борцуньи* и т.п.). Все игры объединяет общее стремление выразить в необычной форме остро негативное отношение к характеризваемым объектам.

В выборе клишированных средств выражения аксиологической модальности наблюдается предпочтение женщинами более мягких фразеологизированных форм, образованных как на исконной языковой почве (*дно, дно пробито, край* и т.п.), так и заимствованных из английского языка (*треш, кринж* и др.). Все заимствованные фразеорефлексы игровым образом ассимилируются на почве русского языка, получая самые различные морфологические вариации (*скринжесвало, кринжатина* и т.п.).

Определенные отличия наблюдаются в использовании мужчинами и женщинами прецедентных текстов как способа аргументации. Мужчины чаще апеллируют к историческому и геополитическому контексту, женщины – к цитатам из кинодискурса. Обращает на себя внимание активное вхождение в состав прецедентных высказываний фраз из американского кинематографа – «Голодные игры», «Остановите Землю – я сойду», «451 градус по Фаренгейту», «Уродцы», «Безумный Макс» и некоторых других.

Как мужчины, так и женщины активно употребляют эмотивные междометия, однако именно мужские реплики чаще насыщены данными интеръективами (*ай, ой, ах, эх, ух* и др.). Когнитивные междометия используются примерно в равных пропорциях мужчинами и женщинами, однако, если мужчины используют их в первоначальной функции, для выражения мыслительного процесса (*мда, эмм* и др.), то для женской речи характерно использование когнитивных междометий (*хм, ммм, эм*) в не свойственной им функции иронической модальности.

языковым средствам проявляется и в пересечении метакоммуникативной модальности с аксиологической, выражающееся в использовании вводных конструкций «к сожалению», «к счастью» и т.п. (женщины 67%, мужчины 33%).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать ряд выводов и обобщений, относящихся как к типологическим характеристикам субъективной модальности, так и к гендерной маркированности средств ее экспликации.

В рамках субъективно-объективной модальности, отражающей отношение не только к высказыванию, но и к самому характеризуемому объекту, особый смысл имеет выделение модальности аксиологической, характеризующей ценностные установки и ориентиры говорящего. Предложенное нами в работе разграничение данного вида модальности от категории оценочности на основе синтаксического критерия предоставляет типологическое основание для решения споров о соотношении двух функционально-семантических категорий. Исключительно предикативный уровень реализации модальности снимает вопросы о зонах ее пересечения с оценочностью.

Выполненный нами анализ показал, что предложенная в работе расширенная интерпретация субъективной модальности как отношения не только к собственному, но и к чужому высказыванию, является оправданной и целесообразной, прежде всего, в рамках изучения метакоммуникативной модальности. Отношение к языку, к грамотности или стилю изложения редко получает форму авторефлексии и значительно чаще относится к уровню метарефлексии по поводу чужих высказываний. В условиях интернет-пространства метарефлексивные высказывания пользователей выполняют не только функцию индикаторов грамотности, но и функцию регулирования речевой интеракции.

Обнаружение гендерных различий в области средств реализации двух выделенных типов модальности – аксиологической и метакоммуникативной – привело нас к выводу о том, что в данных модально-оценочных значениях в концентрированной степени проявляет себя антропоцентричный характер языка, отражающий ценностное отношение человека к миру и к самому себе в этом мире. Выбор в качестве эмпирической площадки исследования

популярных российских пабликов создает объективные условия для наблюдения за спонтанным, не стесненным этикетными или статусными ограничениями, речевым поведением мужчин и женщин. Будучи пространством свободной реализации коммуникантами собственных мыслей и эмоций, паблик обеспечивает высокую степень достоверности получаемых исследователем данных в области аксиологических характеристик и репертуара средств экспликации модальных значений.

Обнаруженная в результате осуществленного анализа разница в способах репрезентации аксиологической и метакоммуникативной модальности между женщинами и мужчинами является относительной, что подтверждает справедливость методологического положения о двухъярусной модели строения человека, в рамках которой метагендерный уровень является базовым, объединяющим, а собственно гендерный – дополнительным, дифференцирующим. Ряд средств экспликации аксиологической и метакоммуникативной модальности характерен именно для женской/мужской части коммуникантов и фиксируется во всех исследованных пространствах пабликов (гендерный уровень), другие отличия в различной степени фиксируются в различных пабликах (метагендерный уровень). Однако само существование гендерно маркированных признаков речи может свидетельствовать о проявляющейся на языковом уровне сохранности естественной человеческой онтологии, о неизменности феминных и маскулинных характеристик, вне давления модных глобалистских трендов постгендерной идеологии. Обнаруженные отличия позволяют также судить о сохранности базовых особенностей женской и мужской речи, выявленных ранее в различных трудах по гендерологии зарубежных и российских лингвистов.

Выявленное в процессе анализа материалов исследованных пабликов абсолютное преобладание отрицательной аксиологической модальности обусловлено, с одной стороны, характером обсуждаемых проблем (десакрализация церемонии открытия Олимпийских игр в ее трансгендерном формате, идеология чайлдфри и т.п.), с другой стороны, самими языковыми

формулировками дискуссионных тем. Так, низведение женщин до патриархального уровня репродуктивности, высказанное посредством неодеривата «рожалка», вызывает массовый протест не против продолжения рода как естественного человеческого инстинкта, но против самой языковой формы. Наличие значительного количества резко отрицательных высказываний, относящихся как к этому слову, так и ко многим другим, свидетельствует о сохранении равнодушного отношения к языку, а также к стремлению значительного количества пользователей к нормированной, грамотной речи. Такие метакоммуникативные высказывания представляют особую ценность внутри пространства, в котором орфографическая цензура фактически полностью отсутствует.

Выделение в качестве объекта изучения средств экспликации аксиологической и метакоммуникативной модальности позволило решить две важнейшие задачи, в рамках которых собственно лингвистический аспект переплетается с ценностным, аксиологическим. Выполненное нами исследование показало, что только незначительный процент (7%) пользователей поддерживает формы неолиберального конструирования человека в рамках идеологии «новой этики».

Собранные в ходе исследования языковые факты и сделанные на их основе выводы позволяют обозначить дальнейшие перспективы разработки избранной нами научной темы. Во-первых, предложенный в работе синтаксический критерий дифференциации аксиологической модальности и категории оценочности создает устойчивую типологическую перспективу для изучения аксиологической модальности в русле теории речевых актов. Расширение классического понимания модальности за счет включения в ее объект не только отношения говорящего к собственному, но и к чужому высказыванию, дает импульс для изучения различных аспектов модальности в рамках речевой коммуникации в целом.

Актуальным направлением дальнейшей разработки темы представляется также расширение эмпирической базы исследования – проведение

анализа гендерной маркированности средств аксиологической и метакоммуникативной модальности на базе популярных пабликов в различных платформах (например, VK, Telegram и др.). Если в проанализированных нами пабликах возраст участников был практически одинаков (от 18 до 45 лет), то вовлечение в процесс лингвоаксиологического анализа старших возрастных групп способно предоставить данные о динамике ценностного отношения к проблемам гендерного «переустройства» мира и состояния современного русского языка.

Оригинальную исследовательскую перспективу может составить использование в процессе сбора эмпирического языкового материала других социолингвистических методик и приемов, в первую очередь, методики устного интервьюирования, в русле которого создаются особые условия для наблюдения за гендерной маркированностью речевого поведения представителей различных социо-возрастных групп.

Наконец, особый интерес с точки зрения изучения гендерных особенностей в репрезентации различных типов модальности, а также дальнейшего состояния идей «новой этики» и их экспликации в языке и в речи представляет собой вероятная перспектива их трансформаций в условиях официального признания новым президентом США, Д. Трампом, бинарной гендерной модели вместо прежней официальной доктрины множественных гендеров. Наблюдение за потенциальными изменениями на материале разножанрового англоязычного нарратива способно предоставить лингвистам важные данные, свидетельствующие о степени влияния экстралингвистических факторов на функционирование языка. Решение вышеуказанных задач позволит внести дополнительные научные сведения в теорию модальности, лингвистической гендерологии и лингвоаксиологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретическая литература

1. Александрова О.В., Кубрякова Е.С. Дискурс // Категоризация мира: время, пространство. — М.: Диалог-МГУ, 1991. — С. 3–18.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материалах креолизованных текстов). — М.: Академия, 2003. — 107 с.
3. Анисимова Т.В. Похвала и одобрение как жанры выражения положительной оценки на интернет-канале // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 115–124.
4. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Принципы формирования системы ценностей социальной рекламы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 4 (36). С. 65–74.
5. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. — Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Наука, 1995. — С. 135–155.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Наука, 1999. — 896 с.
8. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. — С. 133–143.
9. Бакушева Е.М. О различиях речевого поведения мальчиков и девочек // Антропоцентризм прагматика. — Кривой Рог; М., 1995. — С. 100–110.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. — 418 с.
11. Балюнис Е.В. Рискогенность маскулинистских речевых практик (на материале социальной платформы vk.com) // Культура в фокусе научных парадигм. — 2023. — № 17. — С. 187–193.

12. Балюнис Е.В. Смысловые доминанты и аксиологические ориентиры женского блогинга (на примере каналов Морены Морана) // Журналистика в современном мире: сб. материалов VI междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону, 2024. — С. 210–213.

13. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов-на-Дону, 1993. — 182 с.

14. Белая Н.В. Гендер как фактор социальных отношений в английской, американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 165 с.

15. Беленко В.Е., Мордвинова П.А. Городские и районные паблики как объект медиаисследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2021. — Т. 20, № 6. — С. 122–130.

16. Беленко В.Е., Мордвинова П.А. Новосибирские паблики «Вконтакте» как средство «оплатформенной социальности» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2022. — Т. 21, № 6. — С. 9–19.

17. Бовуар С. Второй пол. — СПб.: Азбука, 2022. — 928 с.

18. Божанова Н.Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник ТГУ. — 2012. — Вып. 5 (109). — С. 69–74.

19. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 260 с.

20. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. — Л.: Наука, 1971. — 116 с.

21. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. — 1972. — № 5. — С. 20–35.

22. Бондарькова А.В. Диагностика гендерной идентичности участников чат-коммуникации на основе анализа англоязычных никнеймов // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 23. — С. 221–232.

23. Буторина Е.П. Феминитивы в узусе новых медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, вып. 8. — С. 2600–2605.
24. Булатая Е.В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя и их немецкоязычного перевода): дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2017. — 224 с.
25. Валгина Н.С. Теория текста. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
26. Ванько Т.И. Гендерные аспекты функционирования оценочных структур в англоязычной прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 633. — С. 102–112.
27. Васильева И.Б. Гендерная специфика функционирования наречий неуверенности в специальных текстах: между модальностью и аффективностью // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 27 (382). — С. 35–44.
28. Васильева И.Б. Гендерная специфика наречий-модификаторов в англоязычных специальных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — 25 с.
29. Ваулина С.С. Многообразие терминологических определений модальности — коммуникативная проблема? // Модальность. Коммуникация: сб. науч. тр. — Калининград, 2021. — С. 4–12.
30. Ваулина С.С. Исследование модальности в РГУ им. И. Канта: некоторые результаты и перспективы // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению модальности: сб. науч. тр. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 8–16.
31. Ваулина С.С. К вопросу о структурно-содержательной природе языковой модальности (от модальности предложения к модальности текста) // Вестник Калининградского государственного университета. — 2004. — № 1. — С. 12–20.

32. Ваулина С.С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Вып. 8. — С. 7–12.
33. Ваулина С.С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр.: В 2 ч. — Ч. 2. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. — С. 3–10.
34. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 144 с.
35. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). — Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. — 70 с.
36. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2018. — Т. 17, № 2. — С. 63–73.
37. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Глаголы как экспликативы субъективно-модальных значений (на примере реализации значений уверенности/неуверенности в русских газетных текстах XVIII–XIX вв.) // Слово в языке и тексте: сб. статей к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. — С. 34–42.
38. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. VIII. Лингвистика текста. — М.: Прогресс, 1978. — С. 402–421.
39. Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 76–96.
40. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.

41. Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурносопоставительном аспекте // Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 647 с.
42. Викторова Е.Ю. Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Известия Саратовского университета. — 2011. — Т. 11, № 3. — С. 52–57.
43. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 53–83.
44. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 254–294.
45. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1972. — 616 с.
46. Воейкова А.А. Структурно-функциональные особенности вопросительных предложений (на примере текстов русской рекламы) // Вестник ТГПУ. — 2015. — № 6 (159). — С. 113–117.
47. Волошина К.С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. — Нальчик, 2010. — 184 с.
48. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
49. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 260 с.
50. Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерных теорий в России и на Западе // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 9–20.
51. Воротников Ю.Л. «Как бы на самом деле, да?» или «О чём говорят паразиты»? — М.: Российская академия наук, 2019. — 138 с.
52. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. — 1995. — № 4. — С. 61–65.

53. Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских. — Пермь: ПГНИУ, 2020. — 228 с.
54. Гонопольская А.В. Лексико-грамматические характеристики коммуникации фем-блогеров // Риторика в социокультурном пространстве современной России: матер. XXVII Междунар. науч.-практ. конф. — М.: 2024. — С. 132–139.
55. Горбунова И.В. Социолингвистический эксперимент в образовательном пространстве: к проблеме использования слов-паразитов в русской разговорной речи // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2019. — № 1. — С. 12–16.
56. Городникова М.Д. Гендер в коммуникативной интеракции // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». — М.: МГЛУ, 2002. — С. 70–76.
57. Городникова М.Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 36–44.
58. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 20.12.2024).
59. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 44–60.
60. Горошко Е.И. Гендерные аспекты интернет-коммуникаций: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. — 21 с.
61. Горошко Е.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик интернета // Educational Technology and Society. — 2008. — Т. 11, № 2. — С. 388–411.
62. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1970. — 768 с.

63. Григорян А.А., Стрельчук Е.Н. Русскоязычные диминутивы в социальной сети «Инстаграм» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12, № 4. — С. 981–995.
64. Гриценко Е.С., Лалетина А.О., Бодрова А.А., Дуняшева Л.Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах. Монография. М., Наука. 2011. 220 с.
65. Гриценко Е.С. Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе // Journal of Eurasian Research. Winter 2003. Vol. 3. No. 3. P. 71–79
66. Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 3 (49). — С. 60–73.
67. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. — Н. Новгород, 2005. — 405 с.
68. Гузаерова Р.Р. Феминитивы в русскоязычном медиапространстве: словообразовательный аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2021. — 189 с.
69. Гукосьянц О.Ю., Хачересова Л.М. Диагностика гендерной идентичности участников чат-коммуникации на основе анализа англоязычных никнеймов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 4. — С. 69–75.
70. Гулик О.О. Национально-обусловленные модели гендерной метафоризации зоонимов в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2019. — 231 с.
71. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. — М., 1981. — 158 с.
72. Дементьева К.В. Особенности креолизации медиатекстов о Республике Мордовия в новостных пабликах социальной сети «ВКонтакте» // Вестник

Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2020. — № 4. — С. 170–196.

73. Дементьева К.В. Системные, структурные, организационные и типологические особенности формирования региональных моделей СМИ: дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2012. — 195 с.

74. Дементьева К.В. Тенденции развития региональной блогосферы (на примере Республики Мордовия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. — 2023. — С. 103–115.

75. Демидова И.А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2005. — 198 с.

76. Деминова М.А. Аксиологическая модальность в языке современной журналистики // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2012. — № 6. — С. 110–116.

77. Донченко Ю.И. Языковые средства репрезентации эмоций в английской и американской прессе: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2009. — 167 с.

78. Доронина С.В. Нормативная интерпретация приемов высмеивания в свете статистических данных // Юрислингвистика. — 2005. — № 6. — С. 19–29.

79. Дыбкина А.Н. Новостные паблики ВКонтакте как фактор формирования политического сознания // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 2 (42). — С. 350–355.

80. Дубровченко Е.М. Специфика метакommunikации как особого типа общения // *Lingua mobilis*. — 2011. — № 2 (28). — С. 79–82.

81. Егорова М.А., Степаненко Ю.А. История развития гендерных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике // *Global and regional research*. — 2020. — С. 461–466.

82. Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова: сб. ст. памяти Д.Н. Шмелёва. — М.: 1997. — С. 48–58.

83. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. — 204 с.
84. Ермакович С.П. Гендерные исследования в российском языкознании // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2015. — Т. 6, № 4. — С. 33–38.
85. Ермолаева Л.С. Понимание модальности в современной лингвистике (на материале немецкого и английского языков) // Лингвистика и методика в высшей школе. — М.: МГИИЯ им. М. Тореца, 1978. — Вып. 8. — С. 47–60.
86. Ерофеева Е.В., Обухова И.А. Конструирование образа феминизма в российских СМИ: корпусное исследование // СибСкрипт. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 35–46.
87. Ерофеева Т.И. Современная городская речь. — Пермь: ПСИ, 2004. — 316 с.
88. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование. — Пермь: ПГУ, 2009. — 240 с.
89. Ефремов В.А. Речевой этикет: обращения в современной речи // Русская речь. — 2009. — № 6. — С. 53–59.
90. Ефремов В.А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. — 184 с.
91. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2010. — 406 с.
92. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2010. — 40 с.
93. Ефремов В.А., Матвеева С.У. Язык и гендер в аспекте новой этики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2023. — № 210. — С. 265–274.
94. Замышляева Ю.С. Функционирование феминитивов в современной коммуникации: прагматический и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2023. — 194 с.

95. Захарова У.С. Языковая репрезентация культурного измерения «маскулинность/фемининность» в этнокультурах (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2015. — 253 с.
96. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. — СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. — 768 с.
97. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 1997. — 40 с.
98. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 90–136.
99. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 224–241.
100. Золотова Г.А., Онтипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Наука, 2004. — 544 с.
101. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. — 1962. — № 4. — С. 65–79.
102. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1973. — 351 с.
103. Зубенко Я.В. Функционально-прагматический аспект женского нарратива (на материале немецко- и русскоязычных художественных произведений): дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2023. — 193 с.
104. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 232 с.
105. Илмаз-Леденева Т.О. Гендерно-ориентированные аккаунты в коммуникативном пространстве дискурса социальных сетей Facebook и Instagram: дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2022. — 193 с.
106. Ильясова С.В., Пугачева Е.В. Феминизация феминитивов // *Philology and Culture*. — 2021. — № 3 (65). — С. 12–17.

107. Иркова А.В. Виртуальная коммуникация как ведущий формат социального общения молодежи // Виртуальная коммуникация и социальные сети. — 2022. — Т. 1, № 4 (4). — С. 208–214.

108. Каллистратидис Е.В. Игровые трансформы узуальных обозначений лиц мужского пола как средства репрезентации категории маскулинности в неформальной интернеткоммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 10. — С. 3034–3039.

109. Каллистратидис Е.В., Ильясова С.В. Лексические инновации с корнем пополам в русском гендерном интернет-дискурсе // Русистика. — 2022. — Т. 20, № 4. — С. 434–448.

110. Калугина Е.Н. Теоретико-методологические основы гендерных исследований в лингвистике: состояние и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 7, ч. 1. — С. 79–81.

111. Калуцков В.Н. На Украине и в Украине: взгляд культургеографа // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — № 3. — С. 79–88.

112. Каркищенко Е.А. Гендерные стереотипы: дискурсные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. — 272 с.

113. Киктенко В.В. Литературный паблик «Россия без нас»: идеология, специфика содержания и языковой формы // Таврический научный обозреватель. — 2015. — № 5. — С. 63–65.

114. Кипервар Е.А., Севелова М.А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии // Омский научный вестник. — 2012. — С. 82–84.

115. Кирилина А.В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. — 1998. — № 2. — С. 21–27.

116. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Ин-т социологии РАН, 1999. — 189 с.

117. Кирилина А.В. Особенности развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация: матер. Первой междунар. конф. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 54–55.
118. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. — 1998. — № 2. — С. 51–58.
119. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 3 (49). — С. 109–147.
120. Кирилина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты. — М.: МЦГИ, 2000. — 155 с.
121. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 101–112.
122. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 139–150.
123. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. — М.: РОССПЭН, 2004. — 252 с.
124. Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: язык, культура, коммуникация: докл. Второй междунар. конф. — М.: МГЛУ, 2001. — С. 5–13.
125. Кирилина А.В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании // Вестник Военного университета. — 2010. — № 4 (24). — С. 110–114.
126. Кирилина А.В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований. — М.: МЦГИ, 2001. — С. 56–78.
127. Кирилина А.В. Философская база и методология гендерных исследований в применении к российской лингвистике // Гендерный фактор в языке и коммуникации. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 14–22.

128. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. — 2005. — № 2. — С. 112–134.
129. Кобызева С.В. Аксиологическая модальность и специфика ее реализации в рекламном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 20 (235). — С. 99–104.
130. Кожанова Н.В. Гендерные исследования в области языка и коммуникации // Вестник АлтГПА: гуманитарные науки. — 2014. — С. 40–43.
131. Козлова Е.А. Гендерные аспекты лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук. — Смоленск, 2021. — 226 с.
132. Козловская Л.А. Неофеминитивы в СМИ и интернете: коммуникативно-прагматический аспект // Прикладная лингвистика: наследие и современность: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. — Минск: БГУ, 2024. — С. 82–87.
133. Колесник С.В. Выражение модального значения объективной возможности/невозможности действия зависимым инфинитивом в публицистическом тексте (на материале публицистики М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Функционирование языковых единиц в разных речевых сферах: факторы, тенденции, модели. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1995. — С. 68–79.
134. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. — 1961. — № 1. — С. 94–98.
135. Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005. — 219 с.
136. Костюченко В.Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. — 2018. — № 3. — С. 71–82.
137. Костюченко В.Ю. Эпистемические модальности в сетевых ток-шоу и комментариях (на русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 2020. — 24 с.

138. Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). — СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 2002. — 189 с.
139. Кронгауз М.А. Семантика. — М.: Академия, 2005. — 352 с.
140. Крылова М.Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2019. — № 1. — С. 128–137.
141. Кубасов А.В. Отражение женской самоидентификации в зеркале иронической поэзии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. — 2016. — С. 134–144.
142. Кудрина Л.В. Просторечная лексика в заголовках интернет-СМИ // Медиалингвистика. — 2019. — Т. 6, № 3. — С. 315–326.
143. Кузнецов А.М. О понятии «гендер» и гендерной лингвистике // Социалингвистика вчера и сегодня. — 2004. — С. 180–200.
144. Кузнецова И.А. Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2006. — 162 с.
145. Кукса И.Ю. Диахронический аспект изучения модальности публицистического текста // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению модальности: сб. науч. тр. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 169–180.
146. Кукса И.Ю. Оценка уверенности адресанта в газетных текстах XVIII века // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. — Ч. 2. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. — С. 200–206.
147. Лалетина А.О. Языковое конструирование тендера в журналах об образе жизни (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2007. — 185 с.
148. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык: Лингвистический сборник. — М.: Изд-во МГПИ им. Н.К. Крупской, 1976. — Вып. 6. — С. 97–102.

149. Ливант О. Как неважно быть Оскаром. — Нью-Йорк: Pocket Books, 1969. — С. 6.
150. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. — 139 с.
151. Лорбер Дж. Пол как социальная категория // Альманах THESIS. — 1994. — Вып. 6. — С. 127–136.
152. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблема семантики. — Новосибирск: Наука, 1986. — 230 с.
153. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 11 (71). — С. 58–65.
154. Лысикова И.В., Файзиева Г.В. Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике // Вестник Калмыцкого университета. — 2023. — С. 60–65.
155. Ляпон М.В. Вводные слова. Вставная конструкция // Русский язык: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1986. — С. 95–96.
156. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. — М.: Наука, 1986. — 200 с.
157. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1971. — Т. XXX, № 3. — С. 230–243.
158. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистическая энциклопедия. — М.: Наука, 1990. — С. 303.
159. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
160. Макарова Е.Л. Обучение средствам метакоммуникации в аргументирующем дискурсе (немецкий язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1994. — 24 с.
161. Макарова Н.П. Диалог. Категория модальности. — Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1989. — 87 с.

162. Максименко О.И., Савин М.А., Почерняева О.Е. Гендерные особенности речи в интернеткоммуникации // Вопросы прикладной лингвистики. — 2020. — № 40. — С. 54–86.
163. Максимова О.Б. Самоидентификация и конструирование гендерной идентичности в интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2014. — № 2. — С. 129–144.
164. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. — 1996. — № 1. — С. 80–89.
165. Маркелова Т.В. Частицы в высказываниях с оценочным значением // Русский язык в школе. — 1995. — № 2. — С. 87–94.
166. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 152 с.
167. Мелихова Е.В. Проблемы лексикографирования конструкта «гендер»: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2008. — 157 с.
168. Мерзлякова К.Б. Особенности реализации модальности в испанском гендерном медиадискурсе (на материале журналов *Cosmopolitan* и *Telva*) // *Litera*. — 2018. — С. 10–16.
169. Мецлер А.А. О лингвистическом статусе категории модальности // Филологические науки. — 1982. — № 4. — С. 66–72.
170. Мечковская Н.Б., Гурина Н.М. Языковые средства презентации речи и смежные функциональные категории // Вестник Белорусского университета. — 1992. — № 2. — С. 60–63.
171. Мечковская Н.Б. Философия языка и коммуникации. — М.: Флинта; Наука, 2017. — 520 с.
172. Минеева З.И. Феминитивы с суффиксом -щац(а)/-чиц(а) // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 142–157.
173. Митина О.В., Войскунский А.Е. Интернет в гендерном измерении // Введение в гендерные исследования. — М.: Аспект-Пресс, 2005. — С. 212–224.

174. Молоторенко М.А. Лингвистические маркеры гендерной идентичности в англоязычной интернет-коммуникации // Ступени роста - 2021. — Кострома: КГУ, 2021. — С. 114–115.
175. Морозов Е.А. Дискурсивные слова ведь и doch: опыт семантического анализа (на материале словарей современного русского и немецкого языков) // Проблемы истории, филологии, культуры — М.: 2014. — С. 258–260.
176. Мудрая М.В. Репрезентация гендера в «Пословицах и поговорках русского народа» В.И. Даля: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2021. — 254 с.
177. Муфясов Р.З., Самигуллина А.С., Федорова А.Л. Опыт анализа оценочных высказываний // Вопросы языкознания. — 2004. — № 5. — С. 68–78.
178. Навалихина А.И. Гендерный фактор в активации модальности восприятия или почему «мужчина любит глазами, а женщина – ушами»? // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 3 (46). — С. 102–115.
179. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1991. — 187 с.
180. Немец Г.П. Семантико-стилистические средства выражения модальных отношений в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Днепрпетровск, 1990. — 45 с.
181. Нестеров В.Н. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. — М.: Евразийский регион, 2002. — 82 с.
182. Новоженова З.Л. Модальность как фактор поля глагольного предложения // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 126–133.
183. Носовец С.Г. СМИ в социальной сети «Вконтакте»: структурная и содержательная специфика // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 2. — С. 245–255.

184. Остапенко Д.И. К трактовке понятия «метакоммуникация» // Вестник Воронежского государственного университета. — 2013. — С. 32–35.
185. Остапенко И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в интернет-коммуникации (Социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. — Ростов н/Д, 2004. — 196 с.
186. Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. — 184 с.
187. Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В.А. Белошапковой. — М.: Наука, 2001. — С. 184–197.
188. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
189. Панина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 368 с.
190. Панкова В.В. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-местоимением: язык и речь: дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2007. — 154 с.
191. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в констатировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. — 1977. — № 4. — С. 37–48.
192. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. — М.: Наука, 1971. — 231 с.
193. Петрова Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. — Новосибирск: Наука, 1982. — 161 с.
194. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 56 с.
195. Попова В.П. Средства выражения модального значения «волеизъявления» в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2000. — 18 с.

196. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: дис. ... канд. филол. наук. — Липецк, 1996. — 254 с.
197. Попова З.Д., Стернин И.А. Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации // Текст – дискурс – картина мира. — Воронеж: Истоки, 2005. — С. 4–8.
198. Пронякина М.В. Гендерные особенности англоязычного текста журнального интервью: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2016. — 168 с.
199. Радбиль Т.Б. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты. — М.: Флинта, 2021. — С. 10–92.
200. Рацибурская Л.В. Язык современных российских СМИ: речевая агрессия. — Н. Новгород: ННГУ, 2010. — 79 с.
201. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. — Н. Новгород: НГЛУ, 2008. — 310 с.
202. Русская грамматика: [в 2 т.] / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — Т. 1–2.
203. Саакян Л.Н., Северская О.И. Аксиологический потенциал эвфемизирующей/дисфемизирующей паронимической аттракции // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. — М.:, 2023. — С. 158–161.
204. Савина Т.О. // Язык, культура, технологии: междисциплинарная парадигма исследований. — Ханты-Мансийск: 2024. — С. 425–431.
205. Садовникова О.Н. Аксиологические стратегии валоризирующего дискурса предметной сферы «feminism» // Вестник Бурятского государственного университета. — 2023. — № 1. — С. 3–10.
206. Сапанжа А.В. Читательский паблик российских школьников: между Хогвартсом и Простоквашино // Студент - Исследователь - Учитель. — СПб.:, 2023. — С. 223–228.

207. Сепир Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 594–610.
208. Серова И.Г. Гендер как аспект конструирования социальной реальности // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. — Тамбов: ТГУ, 2006. — С. 509–515.
209. Серова И.Г. Гендер. Язык. Ментальность. — Тамбов: ТГУ, 2006. — 217 с.
210. Серова И.Г. Социокультурный конструкт "гендер" в интерпретативном пространстве языка и дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2017. — 375 с.
211. Сибякин Т.П. Паблик «Вконтакте» как СМИ // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — Красноярск: СибГУ, 2020. — С. 881–884.
212. Скулкин О.В. Глянцевый журнальный дискурс в России XXI века: лингвориторические параметры функционирования гендер-идеала: дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2014. — 250 с.
213. Степанова Л.В. Проявление гендерного фактора в языке и речевая характеристика персонажей: дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2000. — 145 с.
214. Стернин И.А. Когнитивная структура коммуникативных категорий // Человек в информационном пространстве. — Воронеж; Ярославль:, 2004. — С. 45–48.
215. Стрекалова У.С. Семантика гендера в русской языковой картине мира: на материале поговорок: дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2011. — 209 с.
216. Тарасенко В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — С. 111–120.

217. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 264 с.
218. Ткаченко А.И. Textoобразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2011. — 220 с.
219. Трапицына О.Г. Аксиологический принцип изучения русской прозы XX столетия в общеобразовательной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 2010. — 25 с.
220. Тунян С.А. Митигация как способ разрешения или предотвращения конфликтов в дипломатической речи // Культура и текст. — 2022. — № 2 (49). — С. 153–161.
221. Уварова И.В. Оценочность и эмотивность в семантической структуре эмотивной лексики // Культурная жизнь Юга России. — 2008. — № 2. — С. 105–107.
222. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. — СПб.: 1997. — Вып. 1. — С. 94–124.
223. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 7–14.
224. Хлебалин А.В. Эссенциализм и антиэссенциализм в модальной логике // Философия науки. — 2003. — № 2. — С. 34–46.
225. Цихисели М.П. Гендерно-нейтральные местоимения в современном английском языке (на материале «Twitter») // Collegium Linguisticum-2021. — М.: МГЛУ, 2021. — С. 111–118.
226. Челак Е.А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. — № 12 (78), ч. 2. — С. 197–200.
227. Черных О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. — 182 с.

228. Четверикова В.Н. Грамматическая реализация гендерной специфики (на материале текстов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере): дис. ... канд. филол. наук. — Иваново, 2020. — 157 с.
229. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.
230. Шепелева Н.М. Побудительная модальность и способы ее выражения в современном эрзянском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Саранск, 2005. — 161 с.
231. Ширяева О.В. Объективная и субъективная модальность в медиадискурсе: семантика и прагматика // Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 1. — С. 198–206.
232. Шкапенко Т.М. К вопросу категоризации специфических коммуникативных единиц // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2011. — Т. 7, № 1. — С. 222–226.
233. Шкапенко Т.М. Основные тенденции гендерных исследований в современной польской лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета. — 2007. — № 6. — С. 32–36.
234. Шкапенко Т.М., Шаповаленко Е.В. Функционирование словообразовательных компонентов гомо- / гетеро- в русском языке // Slavistica Vilnensis. — 2021. — Vol. 66 (2). — С. 125–140.
235. Шмелева Т.В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 140–151.
236. Шмелева Т.В. Новые диалогические клише интернет-коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2024. — № 8. — С. 19–29.
237. Шушанян Н.С. Языковая репрезентация гендера в современном отечественном кинодискурсе: лингвоаксиологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2022. — 169 с.

238. Щербань Г.Е. К вопросу о функциях частицы А в современной актуализированной прозе [Электронный ресурс]. — URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/200> (дата обращения: 03.01.2025).
239. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 28 с.
240. Якоба И.А. Особенности интернет-коммуникации // Вестник ИрГТУ. — 2012. — № 3 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internetkommunikatsii-sotsiologicheskii-lingvisticheskii-gendernyyaspekty> (дата обращения: 10.08.2024).
241. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–230.
242. Boxer D., Gritsenko E. Women and Language Across Cultures: Reconstituting Identity in Marriage // *Women and Language*. 2005. Т. 28. № 2. P. 1–11.
243. Bussmann H., Hellinger M. Engendering female visibility in German // *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men* / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 141-174.
244. Coates J. Gender and discourse analysis // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. 2nd Edition, 2023. P.672.
245. Coates J. Epistemic modality and spoken discourse // *Transactions of the Philological Society*. 1987. P. 110-131.
246. Coates J. *Women, Men and Language*. 3rd edition. Harlow: Longman, 2004. 245 p.
247. Conklin N.F. Toward a feminist analysis of linguistic behaviour // *Papers in women's studies*. London: 1974. №1. 74 p.
248. Duda H. Jan Nieciśław Baudouin de Courtenay — prekursor «lingwistyki feministycznej» // *Roczniki Humanistyczne*. Т. 46 (1). S. 663–673.
249. Eckert P. Cooperative competition in adolescent "Girl Talk" // *Discourse Processes*. 13. 1990. P. 91-122.

250. Espersen Otto. Growth and Structure of the English Language. Wentworth Press, 2016. 588 p.
251. Fishman Pamela M. Interaction: the work women do // Sociolinguistics / N. Coupland, A. Jaworski (eds.). London: Macmillan Press, 1997. P. 416-429.
252. Goroshko O. Differentiation in Male and Female Speech Style. Budapest: Open Society Institute, 1999. 107 p.
253. Haig D. The inexorable rise of gender and the decline of sex. Archives of Sexual Behavior 33 (2). 2004. P. 87–96.
254. Hall K. Lip service on the fantasy lines // The feminist critique of language. London: Routledge, 1999. P. 321-342.
255. Halliday M. Language structure and language function // New horizons in linguistics. Penguin, 1970. P. 142-143.
256. Haug F. Feminist Writing: Working with Women's Experience. Frigga Haug Paperback, 1992. P. 420.
257. Holmes J. Hedges and boosters in women's and men's speech // Language and Communication 10 (3). 1990. P. 185-205.
258. Holmes J., Meyerhoff M. The handbook of language and gender. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 776 p.
259. Holmes J. Gendered talk at work: constructing gender identity through workplace discourse. Malden: Blackwell Publishing, 2006. 251 p.
260. Holmes J. Gendered discourse at work // Language and Linguistics Compass 2(3). 2008. P. 478–495.
261. Jespersen O. The Woman // The Feminist Critique of Language: A Reader. London; New York: Routledge, 1998. P. 225-241.
262. Key Mary Ritchie. Male/Female Linguistic Behavior // American Speech. 55(2). 1980. P. 124–129.
263. Kotthoff H. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9–15.

264. Labov W. Hypercorrection by the lower middle class as a factor in linguistic change // Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 255 p.
265. Labov W. The intersection of sex and social class in the course of linguistic change // Gender and Discourse. Vol. 2. 1990. P. 205-254.
266. Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper, 1975. 174 p.
267. Macharia, S., Barata Mir J. Gender equality and media regulation. Kalmar: Fojo, Linnaeus University, 2022. 61 p.
268. Maltz D. N., Borker R. A. Missverständnisse zwischen Männern und Frauen – kulturell betrachtet // Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich / Hrsg. Günthner, Kotthoff. Frankfurt am Main, 1991. S. 52–74.
269. Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: Method and Interpretation. Language Arts & Disciplines, 2003. 280 p.
270. Nordenstam Kerstin. Male and female conversational style // International Journal of the Sociology of Language. 94. 1992. P. 75-98.
271. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1984. 208 p.
272. 2020. Upper Secondary Teacher Education Programme English. 24 p.
273. Romaine S. Language in society: An introduction to sociolinguistics. Oxford: Oxford University Press, 1994. 288 p.
274. Roth S. Power, politics, and gender-related epistemic modality in interview discourse. Gothenburg: University of Gothenburg, 2014. 53 p.
275. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995. 224 p.
276. Sapir E. Male and female forms of speech in Yana // Donum natalicium schrijnen. Nijmegen; Utrecht, 1929. P. 79-85.
277. Spender Dale. Man made language. 2nd ed. London: Pandora Press, 1985.

278. Stanley J.P. Gender-marking in American English: Usage and Reference. Sexism and Language. Urbana, 1977. P. 44-76.

279. Talbot Mary M. Language and gender: An introduction. Cambridge: Polity Press, 1998. 273 p.

280. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation // Harper Collins, 2006. P.352.

281. Trudgill P. Sex, covert prestige, and linguistic change in the urban British English of Norwich // Language and sex: difference and dominance. Rowley: Newbury House, 1975. P. 88-104.

282. Weatherall A. Gender, Language and Discourse. 1st Edition. London: Routledge, 2002. 192 p.

2. Словари и энциклопедические издания

Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Вена, 2004. - С. XXII-LIII., с. XXXIX.

Асланова Л. А. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. — М.: Дом славянской книги, 2010. — 990 с.

Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139 – 146.

Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. — М.: Аст-Пресс Книга, 2009. — 320 с.

БЕ — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Изд. 2-е, вновь перераб. и знач. доп. — Санкт-Петербург: Изд. Брокгауз-Ефрон. — 1907–1909. — [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 10.09.2024).

БСЭ — Большая советская энциклопедия. в 30-ти т.. — 3-е изд. — М.: Совет. энцикл., 1969–1986. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm> (дата обращения: 07.12.2024).

БТСРЯ — Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. — [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.11.2024).

Горбачевич К. С. Большой академический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. — М.: Наука, 2005. — 728 с.

Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 604.

Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — 812 с.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева] — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с. — [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 07.12.2024).

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: пер. с фр. / предисл. В.А. Звегинцева. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 440 с

Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. — М.: Эксмо, 2013. — 1328 с.

НРЛ — «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН — [Электронный ресурс]. URL: neolex.iling.spb.ru (дата обращения: 07.02.2025).

НСРЯ — Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 10.08.2024).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 стр.

Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М. Изд. межд. отношения. Изд. 3-е. 2001 г. № 166.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1976. — 399 с.

Русский язык 1979 — Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ф. П. Филин; — М.: Советская энциклопедия, 1979. — 431 с.

СИСРЯ — Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. — 800 с.

Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-запад: женские инновационные проекты». М.: информация XXI век, 2002. — 256 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 464 с.

ССТ — Словарь социолингвистических терминов, 2006 / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН. — 312 с.

Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. — Москва: АСТ, 2014. — 639 с.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М., 1955. — 695 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

Ушаков 1938 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. — Т. 2. — 1040 с.

Хацкевич Ю. Г. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М.: Современный литератор, 2003. — 967 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М.: Рус. яз., 1999. — Т. 1. — 624 с.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2017. — 567с.

Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI в.). — М.: АСТ, 2010. — 944 с.

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Издательство Московского университета, 1980. — Т. II. Вып. 7. — 147 с.

BD — The Britannica Dictionary. Encyclopædia Britannica, Inc. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 15.10.2024).

CD — Cambridge Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.01.2025).

CFOD — Collins Free Online Dictionary — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.02.2025).

ЕМОJI — Энциклопедия эмодзи — [Электронный ресурс]. URL: emojire-dia.org – (дата обращения: 07.02.2025).

GEL — Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon with a Revised Supplement. Clarendon Press, 1996. — [Электронный ресурс]. URL: https://lsj.gr/wiki/Main_Page (дата обращения: 18.01.2025).

LD — Longman Dictionary of Contemporary English. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 15.02.2025).

MD — Macmillan Dictionary and Thesaurus. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 07.12.2024).

MWD — Merriam Webster Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 07.12.2024).

OD — English Oxford Living Dictionaries. — [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 10.08.2024).

OED — Online Etymology Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com (дата обращения: 10.08.2024).

RUSGRAM — Русская корпусная грамматика — [Электронный ресурс]. URL: rusgram.ru.

WIKI — Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 07.02.2025).

3. Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — [Электронный ресурс]
URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.02.2025).

Паблик «НТВ «Место встречи» — [Электронный ресурс]. URL:
vk.com/mesto_vstrechi (дата обращения: 07.02.2025).

Паблик «МДК» — [Электронный ресурс]. URL: vk.com/adverstingmdk
(дата обращения: 07.02.2025).

Паблик «ВПШ» — [Электронный ресурс]. URL: vk.com/pravdashowtop
(дата обращения: 07.02.2025).

СОНА — The Corpus of Historical American English. — [Электронный ре-
сурс] URL: <https://www.english-corpora.org/sona/> (дата обращения: 10.02.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

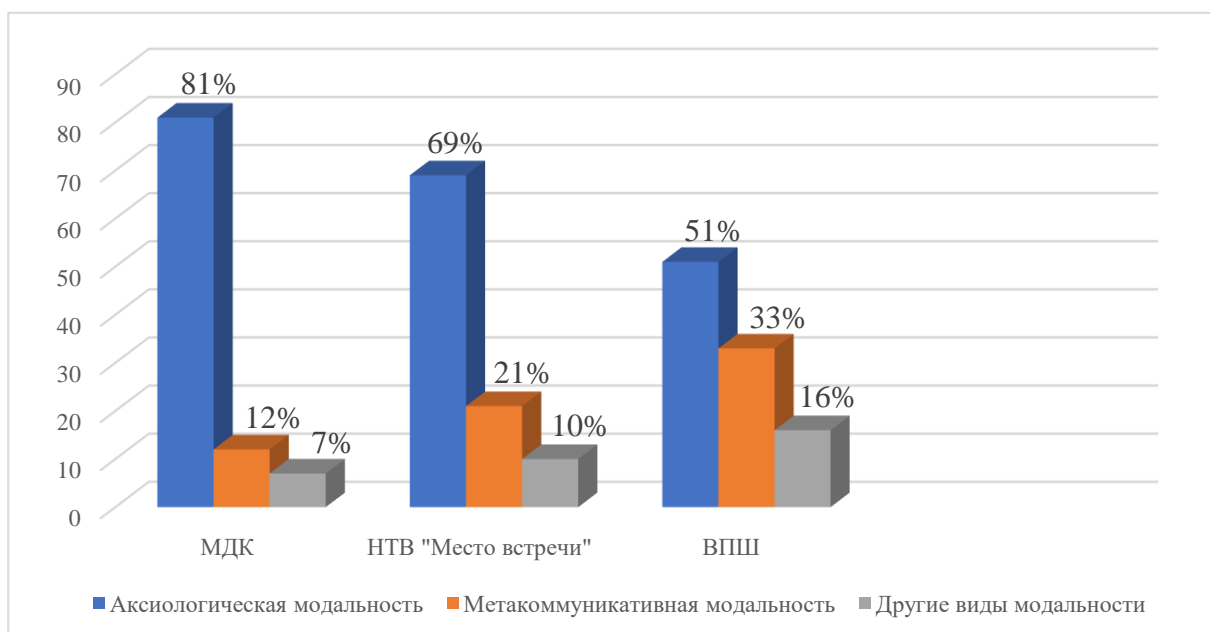
Приложение 1.

Процентное соотношение мужских и женских реплик

Приложение 2.

Процентное соотношение видов субъективной модальности

Приложение 3.

Разновидности модально-аксиологических оценок

